

**Министерство образования и науки
Российской Федерации
Курский государственный университет
Центр изучения США**

**Американистика:
актуальные подходы и современные
исследования**

Вып. I

**American Studies:
Actual Approaches and Modern Explorations
Issue I**

Курск 2008

ББК 63.3 (7 Сое)

А 61

Редакционная коллегия:

Т.В. Алентьева – доктор исторических наук (ответственный редактор)

С.Н. Белевцева – кандидат исторических наук

М.А. Филимонова – кандидат исторических наук

Рецензенты: доктор исторических наук В.А. Коленко,
кандидат исторических наук В.И. Журавлева

Американистика:

Актуальные подходы и современные исследования [Текст] :

Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 /редколлегия: Т.В. Алентьева, С.Н. Белевцева, М.А. Филимонова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-т, 2008. – 194 с. –

ISBN 978-5-88313-594-0

American Studies: Actual approaches and modern explorations [Text] :

Collection of Articles / Ed. by T.V. Alentieva, S.N. Belevczeva, M.A.

Filimonova. –

Kursk: Kursk State University, 2008. – 194 p. – **ISBN 978-5-88313-594-0**

Первый выпуск сборника посвящен актуальным проблемам и подходам к изучению истории США в современной российской американистике. Сборник объединил специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Курска, Орла, Краснодара, Самары, Тамбова, Саранска, Астрахани, а также коллег из Беларуси (Минск) и США (Вашингтон). Его особенностью является сотрудничество историков, филологов, политологов, правоведов, занимающихся изучением американской истории. Весьма разнообразна проблематика статей и поднимаемые в них вопросы. Здесь и статьи по внутриполитической и внешнеполитической истории США XVIII-XX вв., а также работы по истории американской журналистики и литературы. В свете новых подходов к изучению истории следует выделить: нарратив, дискурсивный подход, гендерные исследования, компаративистику и междисциплинарность, а также компьютерную обработку статистических данных.

Материалы сборника рассчитаны на научных работников, преподавателей высшей и средней школы, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся проблемами истории США.

ISBN 978-5-88313-594-0

© Авторы статей, 2008

© Курский госуниверситет. 2008

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	7
<i>Стайтс Р. (г. Вашингтон, США) ПОЛВЕКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ В АМЕРИКАНСКИХ КОЛЛЕДЖАХ И УНИВЕРСИТЕТАХ.....</i>	9
<i>Стайтс Р. (г. Вашингтон, США) ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКОЙ ГЛУБИНКЕ.....</i>	13
<i>Короткова С.А. (г. Москва) ПОСЛЕДНИЙ ИЗДАТЕЛЬ ПЕРВОЙ ГАЗЕТЫ В АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ АНГЛИИ.....</i>	16
<i>Филимонова М.А. (г. Курск) ГРУППИРОВКА НАЦИОНАЛИСТОВ И КОНСТРУИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (КОНЕЦ XVIII В.).....</i>	23
<i>Алентьева Т.В. (г. Курск) ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС «ДЖЕКСОНОВСКОЙ ЭПОХИ» В США.....</i>	33
<i>Казакова О.Ю. (г. Орел) АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМА НА СТРАНИЦАХ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ РОССИИ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ.....</i>	47
<i>Лучинский Ю.В. (г. Краснодар) «ЭФФЕКТНЫЙ ЖУРНАЛИЗМ» В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА... ..</i>	65
<i>Окунь А.Б. (г. Самара) РИЧАРД Т. ГРИНЕР – ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ КОНСУЛ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ (1898-1905).....</i>	79
<i>Романов В.В. (г. Тамбов) АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО США И ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ (1917-1918 ГГ.).....</i>	89
<i>Комаровская Т.Е. (г. Минск) АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН 1930-Х ГОДОВ О ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.....</i>	100
<i>Данилина Т.М. (г. Курск) ВАРИАТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПЕЙЗАЖА В ТРИЛОГИИ ДЖЕЙМСА Т. ФАРРЕЛЛА «СТАДС ЛОНИГАН» (1932–1935)</i>	110
<i>Корякова И.К. (г. Саранск) СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В США В 1943 – 1944 ГГ.....</i>	115
<i>Сафонов В.Н. (г. Курск) О КОНСТИТУЦИОННОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН В США (ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ).....</i>	127
<i>Белевцева С.Н. (г. Курск) ПОЛИТИКА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА Р. РЕЙГАНА.....</i>	144
<i>Чикалова И.Р. (г. Минск) ЖЕНЩИНЫ-КАНДИДАТЫ В КОНГРЕСС США: ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ (1970-Е – 1990-Е ГОДЫ).....</i>	161

<i>Рябцева Е.Е. (г. Астрахань)</i> СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ.....	179
<i>Парамузова О.Г. (г. Санкт-Петербург)</i> ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА: США И ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	190
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	201

CONTENTS

- Stites R. (Washington, USA)
Teaching Russian history in American colleges and universities: a half century of remembrance
- Stites R. (Washington, USA)
Riding the Russian provinces
- Korotkova S.A. (Moscow)
The Last Publisher of the First American Colonial Newspaper
- Filimonova M.A. (Kursk)
Nationalists Creating American Identity
- Alentieva T.V. (Kursk)
Political Discourse of the Jacksonian Era in the USA
- Kazakova O.U. (Orel)
American Theme in Russian Provincial Press in the Era of the Great Reforms
- Luchinski U.V. (Krasnodar)
The "Stunt Journalism" in the American Press of the Last Third of the Nineteenth Century
- Okun A.B. (Samara)
Richard T. Greener – First American Consul in Vladivostok, (1898-1905)
- Romanov V.V. (Tambov)
The USA Academic Community and Decision-Making in Foreign Policy (1917-1918)
- Komarovskaya T.E. (Minsk)
The War for Independence in the American Historical Novel of the 30-es of the 20th Century
- Danilina T.M. (Kursk)
The Variants of Using Urban Landscape in James T. Farrell's Trilogy «Studs Lonigan» (1932–1935)

Koryakova I.K. (Saransk)

The Creation and Activities of the Political Action Committee in the USA
(1943-1944)

Safonov V.N. (Kursk)

Constitutionally Legitimizing Social-Economic Rights of U.S. Citizens
(Historical and Legal Aspects)

Belevczeva S.N. (Kursk)

Policy of the United States Concerning the East Europe during R.
Reagan's Second Presidency

Chikalova I.R. (Minsk)

Women-Candidates to the US Congress: Peculiarities of the Electoral
Campaigns (1970s – 1990s)

Ryabtseva E.E. (Astrakhan)

State and Perspectives of Russian-American Relations as Estimated
by Experts and Public

Введение

Изучение такой страны, как США, всегда привлекает интерес самых разных специалистов, поскольку она остается в начале XXI века динамично развивающейся, ведущей державой мира. Поэтому неудивительно расширение числа исследований в области американской истории, политики, международных отношений, культуры и межкультурных коммуникаций, масс-медиа и т.д. Американский опыт, безусловно, интересен россиянам, так как наша страна переживает переходный период на пути создания подлинно демократического государства.

Российская американистика в последнее время активно разрабатывается учеными различных гуманитарных направлений. Все больше выходит монографий и статей не только маститых общепризнанных мэтров. Отрадно, что стали появляться работы молодых американистов, защищается немалое количество кандидатских диссертаций, что, конечно, не случайно, поскольку профессиональный цех пополнился в последние два-три года новыми докторами исторических наук, ставшими наставниками молодежи. В России существует две профессиональные ассоциации: Российская Ассоциация изучения США и Общество изучения культуры США. Созданы центры американских исследований в ряде университетов в Волгограде, Нижнем Новгороде, Томске и др. Курский государственный университет пока уступает своим коллегам из других городов по количеству публикаций в области изучения истории США. Однако первый выпуск межвузовского сборника по актуальным подходам и современным исследованиям в области американистики показывает, что в Курске существует уже сложившееся ядро исследователей, работающих в различных высших учебных заведениях. Так, среди авторов сборника сотрудниками КГУ являются Т.В. Алентьева, С.Н. Белевцева, Т.Н. Данилина. В его создании также приняли участие М.А. Филимонова из РГСУ и В.Н. Сафонов из РОСИ. Все же следует особо подчеркнуть, что данный сборник не смог бы появиться на свет без активного и дружеского сотрудничества с коллегами-американистами из Москвы

(С.А. Короткова), Астрахани (Е.Е. Рябцева), Тамбова (В.В. Романов), Краснодар (Е.В. Лучинский), Орла (О.Ю. Казакова), Саранска (И.К. Корякова), Самары (А.Б. Окунь), Санкт-Петербурга (О.Г. Парамузова). Также очень приятно, что свой вклад в общее начинание внесли коллеги из Минска (Беларусь): историк И.Р. Чикалова и филолог Т.Е. Комаровская. Особую признательность хочется выразить давнему другу и коллеге из США – профессору Джорджтаунского университета Ричарду Стайтсу за его любезное согласие участвовать в первом выпуске нашего сборника. И хотя он занимается российской историей, его преподавательский опыт, его впечатления от поездки в Курск и от пребывания в КГУ, несомненно, будут интересны всем читателям. Очень радует такая широкая география нашего сборника. Каждая из представленных статей по своему интересна и информативна, но вместе взятые они составляют прекрасную мозаику американской жизни на протяжении ряда столетий.

Отметим еще один важный аспект. В сборнике представлена широкая временная палитра: американские сюжеты начиная с XVIII века до современности. Не меньший интерес представляет и то, что среди авторов не только историки, но и специалисты в области литературы, журналистики, политологии, международных отношений, права.

Судить о качестве представленных работ предстоит заинтересованному читателю. Со своей стороны редколлегия считает нужным подчеркнуть, что данный сборник по американистике отличается стремлением авторов к новым подходам в исследовательском процессе: это и традиционный нарратив, и дискурсивный анализ, гендерные исследования, компаративистика, междисциплинарность, корреляция статистических данных.

Материалы сборника будут полезны не только американистам, но также научным работникам, занимающимся другими областями гуманитарных наук, преподавателям высшей и средней школы, студентам и аспирантам, а также всем интересующимся проблемами истории США.

Т.В. Алентьева

Полвека преподавания русской истории в американских колледжах и университетах

Я начал преподавание русской истории в 1959 году в маленьком методистском колледже искусств в Пенсильвании. До этого получил степень бакалавра по европейской истории в Университете Пенсильвании, а степень магистра – в Университете Джорджа Вашингтона в федеральном округе Колумбия. Мне пришлось упорно изучать русский язык в течение двух лет в Гарварде для того, чтобы написать диссертацию по истории России. Затем в 1967 году последовал мой первый визит в Ленинград, а в 1968 году – защита диссертации.

Преподавать русскую историю в небольшом колледже было нетрудно, в библиотеке было достаточно книг, которые я заказывал для своей научной работы и для чтения студентов. ...Однако многие консервативные жители этого маленького пенсильванского городка были убеждены, что любой, кто изучает русскую историю или преподает ее, является коммунистом или, по крайней мере, опасным левым. Я думаю, что такие настроения были повсюду в поселках и небольших городках Америки 1950-х – 1960-х годов.

Это было десятилетие хрущевских реформ и их конца, кубинского ракетного кризиса, Берлинской проблемы и множества других опасных дипломатических столкновений, начала жесткой линии Брежневской эпохи и подъема диссидентского движения. Я старался преподавать сбалансированный курс от возникновения Руси до современности, уделяя внимание политическим, дипломатическим, социальным и культурным проблемам, стараясь избегать грубых и односторонних подходов, диктуемых «холодной войной». Поскольку моя диссертация была связана с женским вопросом в России в XIX веке, в своей научной работе я отдавал предпочтение социальной истории. К счастью для меня, в американской академической науке в конце 1960-х – 1970-е годы начал развиваться широкий интерес к социальной истории, и в особенности, к женской ис-

тории. Ученые пытались в изучении истории выйти за узкие политические рамки, диктуемые более консервативными коллегами...

Социальные историки верили, что расширение рамок исторического исследования поможет более глубокому и всестороннему пониманию прошлого (также, как и настоящего), потому что они включали в предмет исследования повседневную жизнь всех категорий населения – не только рабочих, крестьян, солдат и женщин, но также – несколько позже – предпринимателей и аристократов, чиновничества, духовенства и интеллигенции. Более политизированный лагерь, враждебный к социальной истории, часто вовлекался в идеологическую борьбу с социальными историками, не только из-за того, что они якобы игнорирования жестокость советского режима (или преувеличивали зло царского правления), но из-за того, что они проявляли внимание к тем слоям населения, которые сейчас именуется подчиненными – к слабым и неимущим.

Конечно, правда и то, что некоторые из зачинателей русско-советской социальной истории стояли на левых позициях или были самопровозглашенными марксистами, но их позиция редко подчинялась тенденциозности или пропаганде. Они обогатили науку в значительной степени и фактически дали новое и ценное освещение реальностей и трудностей конкретных периодов советской истории. Один из наиболее известных представителей этого направления профессор Рональд Сани убеждал своих коллег заложить проблему государственности в основание истории общества, предупреждая узких специалистов не забывать о проблемах власти... Я должен заметить, что не знаю социальных историков в нашей стране, которые не уделяли бы внимания или не касались государственных и властных отношений в своих учебных курсах.

После пятилетнего пребывания в Европе (1969-1973) я вернулся в Соединенные Штаты и два года проработал в Университете Брауна как приглашенный профессор и затем еще более двух лет в маленьком отделении кампуса Университета штата Огайо. После признания ведущей прессой моей первой книги о женском либеральном движении в России, судьба благословила меня на работу в Джорджтаунском университете, в котором я преподаю почти 30

лет. В Брауне, а затем в Джорджтауне я занимался с магистрами и аспирантами по различным периодам русской истории.

В эти годы я начал глубоко интересоваться культурной историей и пришел к мнению, что социальная история, в том виде, как она возникла – хотя и превосходная и ценная сама по себе – лишена части своей плоти и крови, красочности в том, что я предпочитал преподавать. «Культура» – это концепт, который специалисты по антропологии любят разделять в повседневной жизни (обычай, народный быт, родство), и который кристаллизуется в художественной культуре (искусства и артефакты, их происхождение и использование). Я нахожу много волнующего и реалистичного в таком исследовательском подходе к изучению прошлой жизни народа. Между 1989–2005 гг. я опубликовал книги об утопиях в Русской революции; о русской народной культуре и обычаях в 20 веке; о русском крепостничестве и искусстве в первой половине 19 века. Снова я оказался на гребне увеличившегося сближения между историками, с одной стороны, и представителями литературной и искусствоведческой школ, с другой. Некоторые из моих аспирантов последовали этим путем, но сравнительно недавно, с момента разрушения Советского Союза в 1991 году, они стали проявлять более острый интерес к проблеме, более связанной с исторической профессией: империя и национализм.

Годы моей работы в Джорджтаунском университете со студентами, удовольствие преподавать которым я никогда не оставлял, обогатили меня во многих направлениях. Помимо обзорных лекций по современной русской истории я преподавал несколько спецкурсов: «Русская и американская популярная культура в 20 веке» (подобный курс был вдохновлен опытом его преподавания в Ленинграде в 1990 году); «Межкультурные связи в 20 столетии» (с глобальным подходом); «Европа во Второй мировой войне: история и фильм». Во всех этих курсах я использовал фильмы, также музыку и графические материалы. В каждом случае я проводил политический контекст к элементам культуры.

В середине 1990-х годов запись студентов на курсы по русской истории стала сокращаться, особенно, мне кажется в результате исчезновения постоян-

ной угрозы со стороны Советского Союза и мирового коммунизма. Прежде всего, побудительным мотивом в изучении этой страны во время «холодной войны» было «изучение врага» и таким образом понимание мира, в котором мы жили. (По сходным причинам запись на курсы по изучению Ближнего Востока заметно увеличилась в последнее время).

Но за последние пять лет группы по изучению русской истории становятся все больше и больше, что вызвано практическими причинами: возможность карьеры в бизнесе, журналистике, правительственных кругах, связанных с Россией. Большинство американских студентов естественно и совершенно благо- разумно мыслят в конкретных рамках как добропорядочные граждане и буду- щие соискатели рабочих мест. Но среди них всегда есть несколько человек, ко- торые выделяются из своей группы большей научной любознательностью, же- ланием «закопаться поглубже» в русскую историю, культуру, повседневную жизнь, политику и многое другое. Мы одинаково уважаем всех наших студен- тов и преподаем всем, но особенно благодарны за возможность вдохновить бу- дущих ученых, которые смогут выполнять колоссальную и необычайно восхи- тительную задачу оживлять российское прошлое и возвращать его к жизни лучше, чем это делаем мы.

(Пер. Т. Алентьевой)

Путешествие по русской глубинке

Несколько лет назад я встретил Татьяну Алентьеву в Джорджтаунском университете в г. Вашингтон, где я преподаю, и она любезно пригласила меня посетить ее университет в Курске. В предшествующие 30-40 лет я побывал во многих русских городах, но никогда еще не заезжал, так сказать, в «сердце» России – в регион между Москвой и Украиной. Так получилось, что в то время я заканчивал свою книгу «Крепостничество, социум и искусство в царской России», где уделено много внимания развитию искусства в русской глубинке в 1790-1861 гг. и особенно провинциальным крепостным театрам и бродячим актерским труппам. Городские театры были широко распространены. Они существовали, например, в Туле, Орле, Курске и Воронеже. Как историка, меня увлекает «визуальное» восприятие, и потому я чувствовал, что мне необходимо увидеть эти города, представить себе их размеры, топографию, расположение улиц и т.п. Разумеется, они сильно изменились с XIX века. И все же я мог увидеть то, что еще сохранилось, и создать представление о том, что исчезло.

Татьяна и ее чудесный шофер встретили меня в Москве на машине. И вот, запасшись кое-какими продуктами и напитками, мы отправились в долгий 11-часовой путь на юг, в Курск. Мы останавливались в Ясной Поляне, где я впервые посетил имение Л.Н. Толстого – невероятно волнующе! Затем мы проехали Тулу, чтобы увидеть грандиозные стены обширного кремля. Татьяна в свое время училась в Туле и немало рассказала мне об этом городе. Следующая остановка – Орел. Я был очарован топографией и размерами этого города, с его крутыми холмами и оврагами, рассекающими его на части. Наконец мы прибыли в Курск, смертельно усталые, но готовые к дальнейшим приключениям. Мои хозяева поместили меня в уютной комнате в центре города, рядом с университетом.

На следующий день я сделал небольшой доклад по-английски. Татьянина дочь переводила его на русский язык для слушателей. Я говорил о своей научной деятельности, об исследованиях, которые я веду уже давно, и о своих по-

ездках в Россию с 1967 г. – по большей части, в Москву и Ленинград (Санкт-Петербург). Слушатели – студенты и преподаватели – задавали серьезные вопросы, на которые я пытался ответить. Татьяна предоставила мне много свободного времени, и я бродил по Курску, чтобы поймать ощущение жизни здесь и вообразить, какой она могла быть в начале XIX в. Однажды я пришел в городскую библиотеку и встретил там ученого (Ю.А. Бугрова – Т.А.), который написал несколько книг о курском театре. Беседа с ним и книги, которые он любезно мне подарил, заполнили важные пробелы в моих познаниях, что я учел при окончательной доработке моей книги. Таня и еще несколько друзей отвезли меня на окраину города, на обрыв, нависающий над гигантским оврагом. Здесь располагался первый курский театр, где горожан услаждали своей игрой крепостной актер Михаил Щепкин и многие-многие другие. Позже мы посетили имение Барятинских в Марьино, где тоже был крепостной театр. Это была замечательная поездка.

В другой день мы поехали в Коренную Пустынь, где некогда существовало оживленное место паломничества, процветали гостиницы и театральная жизнь. Людей влекло сюда место, где, как говорят, в средние века произошло религиозное чудо. Думаю, немногие путешественники с Запада бывали здесь, и эти впечатления были для меня бесценны, когда я искал способ описать все это с исторической точки зрения.

Целью нашей последней вылазки стал Воронеж, где я также встретил доброжелательных коллег, которые подарили мне книги и рассказали о местоположении местного театра в царское время. Должен сказать, что там мы также наслаждались прекрасными образцами русской кухни. Из Воронежа мы доехали до мемориального комплекса, посвященного великой Курской битве 1943 года. Это не было связано с моей книгой, однако в университете я читаю курс по истории Второй мировой войны в Европе, в которой, бесспорно, Россия – Советский Союз – сыграла колоссальную роль. Я стоял на Прохоровском поле, вглядываясь в обширную степь, пытаюсь увидеть в воображении тысячи немецких «фердинандов» и «тигров», горящих под выстрелами советских танков Т-

34, – дым, разрушение, смерть и разбитую технику. Это был великолепный финал потрясающей недели в Курске. Я признателен Татьяне и ее коллегам, которые сделали мою поездку столь незабываемой и проявили то легендарное гостеприимство, которым по праву славятся русские.

(Пер. М.А. Филимоновой)

Последний издатель первой газеты в американских колониях Англии

Of the four women printers who were at work at the outbreak of the American Revolution, only one was a Loyalist - Margaret Draper. She belonged to that great dynasty of printers, the Green family of Boston, whose branches spread throughout the colonies, creating printing history. In June 1774 – February 1776 Margaret was the printer and publisher of the country's oldest newspaper – "Massachusetts Gazette and Boston News-Letter".

Первая постоянная газета в колониях Англии появилась 24 апреля 1704 г. Это была «Boston News-Letter», которую редактировал начальник почты Бостона Джон Кэмпбелл, а набирал печатник Бартоломей Грин. Газета выходила одним полулистом с текстом на обеих сторонах. Основное место занимали новости из лондонских журналов о событиях в Англии и других европейских странах, оставшееся – расписания прибытия и отплытия кораблей из порта, проповеди, сообщения о политических назначениях, пожарах, браках, смерти, несчастных случаях и т.п.

В 1722 г. Д. Кэмпбелл передал издание Б. Грину. Последний переименовал его в «The Weekly News-Letter» и стал уделять меньше внимания зарубежным событиям, больше – внутренней жизни колоний. Через десять лет, после смерти второго владельца, газета перешла к его зятю Джону Дрейперу, который увеличил ее объем до четырех полноразмерных страниц, заполнив их новостями бостонскими, колониальными и зарубежными. После смерти Джона в ноябре 1762 г. еженедельник унаследовал его сын Ричард (1726–1774), изменивший название газеты на «Boston Weekly News-Letter and New England Chronicle»¹. 2 декабря 1762 г. Р. Дрейпер получил пожизненное назначение от властей колонии руководить официальным новостным органом для губернатора и Совета колоний².

¹ <http://www.rubricon.com/qe.asp?qttype=4&rq=4&aid>

² Колониальные власти заключили контракты на печать – Губернатор и Совет с газетой Дрейпера, Ассамблея – с газетой патриотов, в 1767 г., когда по Актам Тауншенда была образована Комиссия по таможенному управлению, то наиболее выгодный контракт на печать ее материалов был заключен с еще одной проторийской газетой – «Boston Post-Boy». См.: Dick-

Эта должность принесла издателю материальный достаток, он смог выстроить кирпичный дом на Ньюберри-стрит, напротив старой типографии.

Несмотря на то, что газета считалась лоялистской, по сравнению с «Boston Chronicle», она выглядела умеренной. Ричард Дрейпер был добросовестным и объективным журналистом. В одной из передовых статей в январе 1774 г. он пишет: «Не надо быть очень проницательным человеком, чтобы понимать, что ничего не может быть более вредным для счастья общества, чем клевета и искажение фактов. Этот принцип глубоко укоренен в наш характер, проявляется ежедневно в наших действиях и преобладает над всеми страстями»³.

В 1765 г. Р. Дрейпер напечатал официальные материалы по Гербовому акту, в 1773 г. – по «чайному закону», но одновременно поместил и статьи о «храбрых и решительных действиях мужчин во время Бостонского чаепития» и «Письма фермера из Пенсильвании». В газете находили место практически все обращения непопулярного губернатора Т. Хатчисона, при этом в 1771 г. издатель отказался напечатать резкую анонимную критику патриотической печати⁴.

Ричард Дрейпер был очень болезненным человеком. Весной 1774 г. его чахотка усилилась. 5 мая 1774 г. он напечатал объявление в очередном номере: «Издатель и печатник этой газеты очень болен, не может, как раньше собирать информацию и сообщать ее своим читателям... Приглашается на очень выгодных условиях человек, опытный в редакторском и печатном деле». Через неделю появилось следующее объявление о том, что партнер найден, им стал Джон Бойль. 5 июня 1774 г., Ричард умер. «Boston Evening Post» напечатала некролог, в котором говорилось: «... уважаемый гражданин и компетентный печатник, он был исключительно честен в отборе сведений, отвергая нападки на личности и хладнокровно поднимаясь над грубыми страстями»⁵. По завещанию вся собственность перешла к его жене, Маргарет Грин Дрейпер.

erson O.M. British Control of American Newspapers on the Eve of the Revolution // New England Quarterly. XXIV. 1951. P. 453.

³ Henry S. Margaret Draper: Colonial Printer Who Challenged the Patriots // Journalism History. Northridge (Calif.), 1974-1975. Vol. I. N. 4. P. 141-142.

⁴ Ibid. P.142.

⁵ Ibidem.

Она родилась 3 мая 1727 г. Ничего конкретного о месте ее рождения и происхождении неизвестно. Но существует устойчивое предположение о том, что она была внучкой Бартоломея Грина и, следовательно, кузиной своему мужу. Они поженились 30 мая 1750 г. Детей у них не было. В 1766 г. они удочерили племянницу Маргарет – Маргарет Куллир. Долгое время у них в доме жил двоюродный брат Ричарда – Эдвард Дрейпер. Сначала он был учеником, потом помощником в типографии.

После смерти мужа Маргарет стала редактором газеты, которая к тому времени называлась «*Massachusetts Gazette and Boston News-Letter*». 9 июня 1774 г. в ней появилось объявление: «В связи со смертью редактора Ричарда Дрейпера издание газеты будет продолжено Маргарет Дрейпер и Джоном Бойлем, которые приложат все возможные усилия, чтобы сохранить дух и характер газеты, присущие ей предыдущие семьдесят лет»⁶. Через три месяца соглашение между М. Дрейпер и Д.Бойлем было расторгнуто. Газета сообщила, что обе стороны приняли решение по взаимному согласию, но позже Маргарет свидетельствовала о конфликте между ними. Джон сочувствовал патриотам и пытался если не изменить характер газеты на провигский, то хотя бы сделать его нейтральным.

После ухода Д. Бойля в типографии продолжал работать Эдвард Дрейпер с двумя учениками. В середине 1775 г. Маргарет нашла нового партнера – Джона Хоу. Но его имя не появлялось в выходных данных до мая 1775 г.

Газета продолжала регулярно выходить на четырех страницах. Текст печатался тремя колонками с использованием для разделения сообщений разных шрифтов разных размеров, толстых и тонких линий.

Рядом с названием был помещен оттиск гравюрного портрета Георга III. К концу лета 1774 г. лоялистский характер газеты стал явным. Она выступила в защиту «репрессивных актов». «*Boston Gazette*» отреагировала на это очень едким письмом: «Недовольство и порицание от старой леди, как и все, что от нее

⁶ *Hudak L.M. Early American Women Printers and Publishers, 1639–1820. Metuchen (N.J.), 1978. P. 399.*

исходит, несет пожелание зла тем, кто борется за свою страну... Вряд ли можно сказать или подумать о ней, как о говорящей правду. Как носительница зла, она может только завидовать нам, но никогда ранить нас»⁷. Маргарет приняла вызов оппозиции, нападая на тех «издателей, кто с мастерством, данным им для лучших целей, много лет дезинформирует публику и возбуждает подозрения»⁸. В ответ две патриотические газеты напечатали материал о деньгах, полученных, по их мнению, издательницей в качестве взятки за размещение на страницах проанглийских материалов⁹.

Противостояние усилилось в сентябре 1774 г., когда «Boston News-Letter» стала перепечатывать материалы двух газет тори из Нью-Йорка, присоединившись к критике Континентального конгресса и предупреждая, что восстание кончится для патриотов поражением. В это время в газете появился целый ряд статей, инициированных губернатором и его сторонниками, за подписями «Миротлюбивый» (Phileirene), «Вопрошающий» (The Querist), «Патриотичный» (Philo-Patrie).

26 января 1775 г. Исайя Томас, издатель «Massachusetts Spy», в своей статье обвинил М. Дрейпер во лжи относительно собрания горожан в г. Барнстейбле. 2 февраля «Boston News-Letter» напечатала ответ: «Мы твердо заявляем, что не привязаны настолько крепко к одной из сторон, чтобы ради ее удовлетворения исказить полученные сведения. Информацию о городском собрании мы взяли в “Boston Gazette” мистера Б. Эдеса и мистера Д. Джила за 16 января, т.к. наш клерк на нем не присутствовал. Но у нас не было причины сомневаться в подлинности сообщения». Поэтому мы «рассматриваем утверждение в “Massachusetts Spy” как голословное заявление и недостойное нападение на женщину. Наши читатели могут быть уверены, что любые сообщения будут

⁷ Henry S. Op. cit. P. 141.

⁸ Ibid. P. 143.

⁹ Маргарет, после смерти мужа, была назначена лицом, имеющим право печатать официальные сообщения властей. В ее газете на первой странице размещались королевские послания и обращения губернатора.

сделаны также справедливо и беспристрастно, как это было всегда на страницах «Massachusetts Gazette and Boston News-Letter»¹⁰.

В начале февраля было принято соглашение Комитетов графства Вустер, осуждающее ряд издателей, включая М. Дрейпер, за то, что «они подстрекают врагов объединения колоний», и призывающее к бойкоту этих газет. В номере за 16 февраля 1775 г. Маргарет пишет: «... издатели в недоумении – как увязать решение комитетов с Декларацией Континентального Конгресса, которая ...гласит, что свобода печати является одним из тех прав, без которых люди не могут быть свободны и счастливы. Защита и значимость этой свободы помогали колониям до настоящего времени процветать и увеличиваться. Называя ряд издателей недружелюбными к своей стране, решение отказывает в этом праве тем, кто трудится на ее благо, но имеет мнение, отличное от других. Издатели нашей газеты не отказываются печатать сообщение любого лица, написанное благопристойно и без личных оскорблений. Они считают себя проводниками общественного мнения и прилагают усилия, чтобы вернуть эту несчастную страну к ее прежнему состоянию тишины и мира. Никто не желает этого более пылко, чем издатели этой газеты»¹¹.

События 19 апреля 1775 г. у Конкорда и Лексингтона изменили ситуацию. Британский ответ на события и последовавшая за ней откровенная враждебность бостонцев сделали город одинаково опасным и для лоялистских, и для патриотических газет. «Boston Post-Boy» Джона Хикса, «Boston Evening Post» Джона и Томаса Флитов, «Salem Gazette» закрылись.

«Massachusetts Spy» Исайи Томаса переместилась в Вустер, а «Boston Gazette» в Уотертаун. Единственная газета в осажденном Бостоне осталась «Massachusetts Gazette and Boston News-Letter». 20 апреля М. Дрейпер напечатала отчет в 26 строк о бурных событиях предыдущего дня, остальные поместили пространные статьи о зверствах англичан.

¹⁰ *Hudak L.M.* Op. cit. P. 404.

¹¹ *Oldham E.M.* Early Women Printers of America // The Boston Public Library Quarterly. Boston, 1958. Vol. 10. N. 3. P. 145.

Следующий номер появился лишь через месяц, в пятницу 19 мая. На первой странице было уведомление: «Поскольку читатели просят о продолжении выпуска газеты, мы предлагаем им следующие условия: газета на двух страницах будет выходить по четвергам. Связь со страной почти прекращена, подписчиков будет немного, поэтому цена вырастет до 8 шиллингов в год. Платить можно поквартально. Издание возобновится после того, как будет набрано 300 подписчиков». (Цифра тиража была названа очень скромная, т.к. прежний тираж составлял 1500 экземпляров). Далее говорилось: «Мы просим всех, кто может получать лондонские газеты, знакомить нас с ними. С благодарностью будут приняты сведения о внутренних и внешних событиях»¹². Регулярный выпуск газеты в условиях осады оказался невозможен, она выходила по мере накопления информации. В одном из августовских номеров были напечатаны два перехваченных письма Джона Адамса, в которых он критиковал некоторых делегатов Второго Континентального Конгресса. 28 сентября М. Дрейпер писала, что «при таком изобилии топлива и продовольствия, которое все время продолжает прибывать, Бостон этой зимой будет торговым центром Америки с изобилием удовольствий и наслаждений, а не покинутым и умирающим городом»¹³.

В выходных данных газеты с 13 октября 1775 г. печатается только имя Джона Хоу. На этом основании некоторые исследователи считают, что газета перешла под его контроль, а М. Дрейпер стала скрытым партнером. Как бы то ни было, за осень и зиму 1775-1776 гг. вышло еще несколько номеров, последний датирован 29 февраля 1776 г.

Появление артиллерии на Дорчестерских высотах, доставленной полковником Г. Ноксом из Тайкондероги в марте 1776 г., положило конец британскому контролю над городом. Английский генерал У. Хоу 17 марта покинул Бостон. Вместе с его флотом, отправившимся в Галифакс (Новая Шотландия), покинула родину М. Дрейпер. С ней были Д. Хоу, ее удочеренная племянница и

¹² *Hudak L.M. Op. cit. P. 406.*

двое слуг. Галифакс, маленький, грязный город в тот момент, переполненный беженцами, произвел на нее удручающее впечатление. При первой удобной возможности, которая представилась ей через несколько месяцев, она покинула его. Прибыв в Англию, Маргарет попросила политического убежища.

Оставленная ею собственность в Бостоне была конфискована новой властью. В апреле 1779 г. Ричард Девенс, генеральный комиссар штата, отправил ей уведомление об этом. 10 февраля 1780 г. была составлена опись ее имущества, которая включала землю, дом, типографию, печатный пресс, шрифты, бумагу, домашнюю утварь. Подсчитанная стоимость составляла 13210 фунтов стерлингов. В феврале 1783 г. дом и землю на Ньюберри-стрит приобрел Р. Девенс.

В Англии Маргарет Дрейпер обосновалась в местечке Пимлико (графство Мидлсекс). В соответствии с решением парламента она попросила у короны компенсировать ее потери движимого имущества в Америке в размере 2093 фунта стерлингов. Прежде чем принять решение, юридическая английская служба собрала многочисленные показания людей, которые под присягой свидетельствовали о ее лояльности английским властям. Среди них был и генерал Гейдж. М. Дрейпер выплатили за утраченную собственность 940 ф. ст. и назначили ежегодную пенсию в 100 ф.ст. Ее приемная дочь попыталась хлопотать об увеличении суммы, но неудачно. В 1804 г. Маргарет Дрейпер умерла, завещав всю собственность (включая дом и землю в Бостоне) дочери.

Газета, которую она издавала, «представляет непревзойденный образец колониальной журналистики. Первые две страницы посвящались официальным материалам и зарубежным новостям, третья и четвертая – известиям из колоний. Цель газеты была в освещении новостей. Уровень грамотности и литературный стиль были намного выше, чем у других газет. Единственный недостаток – отсутствие поэзии. Но если вспомнить о периоде, когда М. Дрейпер печатала свою газету, станут понятны причины невнимания к стихам»¹⁴.

¹³ American National Biography / Ed. by J.H. Garraty, M.C. Carnes. In 24 Vols. N.Y.-Oxford, 1996. Vol. 6. P. 883.

¹⁴ Hudak L.M. Op.cit. P. 407.

Группировка националистов¹ и конструирование американской идентичности (конец XVIII в.)

The article deals with the problem of early American identity. The author analyses Nationalist writings of the late 18th century and argues that the revolutionary leaders consciously construed American culture and American nation.

Рассуждая о моральной основе республики, Джон Адамс писал: «Должна существовать положительная страсть к общественному благу, к общественным интересам, чести, власти и славе, укоренившаяся в умах людей, или никакое республиканское правление, никакая свобода не будут возможны. И эта общественная страсть должна быть выше всех частных страстей. Люди должны быть готовы с гордостью и радостью пожертвовать своими частными удовольствиями, страстями и интересами, нет, своими дружескими связями и самыми дорогими привязанностями, если они противоречат правам общества»². Коррупция приводит республику к неизбежной гибели. Адамс предупреждал: «В самом деле, существует враг более ужасный, чем голод, чума и меч; я имею в виду коррупцию, которая более несовместима с нашим республиканским правлением, чем свет с тьмой»³. Между тем националисты прекрасно видели контраст между классическим республиканским идеалом гражданина, жертвующего всем ради родины, и реальным поведением американцев. Ч. Ли отмечал: «Все писатели согласны, что добродетель должна быть основой республики и, прежде всего республики федеративной. Обладают ли американцы этой необходимой добродетелью? Напротив, разве они при своем рождении не более развращены, чем самые старые народы Европы?»⁴.

¹ Название группировки происходит от термина «nation», которым американцы того времени обозначали государство, в отличие от штата (state), причем государство по преимуществу унитарное. Националисты были непосредственными предшественниками партии федералистов.

² J. Adams to M. Otis Warren, April 16, 1776 // *Adams J. Papers*. Ser.3: In 12 Vols. / Ed. by R.J. Taylor. Cambridge (Mass.), 1977–2004. Vol. 4. P. 124.

³ J. Adams to W. Gordon, April 8, 1777 // *Ibid.* Vol. 5. P. 149.

⁴ Ch. Lee to R. Morris, August 15, 1782 // *Morris R. Papers*, 1781–1784: In 9 Vols. / Ed. by E.J. Ferguson. Pittsburgh, 1973–1984. Vol. 6. P. 213.

Т. Парсонс в «Эссекском результате» оплакивал утрату былого патриотизма и чистоты нравов в Массачусетсе и предсказывал, что в течение столетия американцы погрязнут в роскоши и коррупции⁵.

В высшей степени характерен для республик конца XVIII в. – не только для Американской, но и для Французской – страх перед иностранным влиянием. Страх этот буквально пронизывает работы националистов. Основатели филаделфийского «Общества политических исследований» сетовали: «Мы привыкли искать наши законы, наши мнения и наши манеры у тех наций, от которых ведем свое происхождение... и примешали к нашим общественным институтам политику несходных стран; на новорожденной республике мы запечатлели след нравов древних и развращенных монархий»⁶. Они констатировали: «Революцию можно будет назвать завершенной, когда мы избавимся не только от оков чужеземной власти, но и от влияния чужеземных предрассудков»⁷. А. Гамильтон призывал: «Пусть американцы презирают роль орудий Европы! Пусть 13 штатов, связанных крепким и нерасторжимым союзом, создадут в согласии единую великую американскую систему, превосходящую объединение всех трансатлантических сил или влияний, способных продиктовать условия отношений между старым и новым миром!»⁸

Что же могло сохранить республику? Нередко в духе Просвещения и классического республиканизма националисты искали решение проблемы укрепления республики в культурной политике: в укреплении национальной идентичности и гражданской добродетели, в повышении уровня образования. Последнее особенно характерно для эпохи Просвещения. К.А. Гельвеций, например, полагал, что план хорошего законодательства должен включать в себя план идеального воспитания. Считалось также, что система образования во

⁵ The Popular Sources of Political Authority: Documents on the Massachusetts Constitution of 1780 / Ed. by O. Handlin, M. Handlin. Cambridge (Mass.), 1966. P. 343.

⁶ Rules and Regulations of the Society for Political Enquiries. Philadelphia, 1787. P. 1.

⁷ Ibid.

⁸ Гамильтон А., Мэдисон Дж., Джей Дж. Федералист. М., 1994. С. 93.

многим предопределяет особенности национального характера⁹. Американцы вполне с этим соглашались.

Так, Дж. Джей считал необходимым основанием свободного государства «добродетель, честь, любовь к свободе и к наукам»¹⁰. По мнению Дж. Уилсона, без просвещения избирателей не может быть рационального выбора правителей, а значит, и политической свободы¹¹. В период революции положения о дешевых местных школах, содержащихся за счет штата, были включены в конституции Пенсильвании, Северной Каролины, Джорджии и всех новоанглийских штатов. Конституции Массачусетса, Вермонта, Северной Каролины обещали государственную поддержку университетов.

Джей считал заботу об образовании, и в частности об университетах, делом государства и мечтал об общедоступном (но не бесплатном) начальном образовании¹². Он убеждал ньюйоркцев: «Каждый гражданин штата должен старательно читать и изучать конституцию своей страны и учить подрастающее поколение быть свободным. Зная свои права, они лучше поймут, когда эти права нарушены, и будут подготовлены к тому, чтобы защищать их и отстаивать»¹³.

Б. Раш предполагал создать систему обязательного всеобщего образования, причем дети из «низов» должны были обучаться за счет государства¹⁴. Такие лидеры националистов, как Дж. Вашингтон, А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Д. Рамсей, мечтали о национальном университете, где талантливые молодые люди могли бы, независимо от толщины своего кошелька, получать необходимое об-

⁹ Гельвеций К.А. Сочинения: В 2 т. / Сост. Х.Н. Момджян. М., 1973–1974. Т. 2. С. 432, 440-441; История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера [Статьи, извлеченные из Энциклопедии] / Под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1978. С.181-183.

¹⁰ Jay J. The Correspondence and Public Papers: 4 vols. 1763–1826 / Ed. by H.P. Johnston. N.Y., 1971. Vol. 1. P.163.

¹¹ Wilson J. The Works: 2 vols. / Ed. by R.G. McCloskey. Cambridge (Mass.), 1967. Vol.1. P. 148, 157-158.

¹² J. Jay to B. Rush, March 24, 1785; J. Jay to the Reverend Dr. Witherspoon // Jay W. Life of John Jay: 2 vols. N.Y., 1833. Vol.2. P.154, 162.

¹³ Jay J. The Correspondence and Public Papers. Vol.1. P.163-164.

¹⁴ Rush B. Letters: 2 vols. / Ed. by L.H. Butterfield. Princeton, 1951. Vol. 1. P. 388, 413-415, 492-495.

разование, чтобы стать учеными или государственными деятелями¹⁵. В представлении Раша, программа федерального университета должна была составляться исходя из прагматических соображений. Задачей Раша было превратить выпускников отнюдь не в ученых, а в идеальных граждан новой республики. Поэтому и обучать в федеральном университете должны были прежде всего истории, естественному праву, законам США, а также принципам коммерции и военному делу¹⁶.

При этом опасным для стабильности республики считалось образование, полученное за рубежом. Легислатура Джорджии в 1785 г. издала закон, запрещающий посылать детей учиться в другие страны на том основании, что такие дети не смогут иметь должной привязанности к своей родине. Лица, получившие образование за рубежом, на три года лишались права голоса в штате¹⁷. Раш в полном согласии с выраженной в этом законе доктриной восхвалял мудрость спартанцев, отправлявших за границу лишь взрослых граждан. Подобного же мнения держались Джей и Н. Уэбстер. Вашингтон также был против заграничного образования: в Европе юноши могут усвоить привычку к роскоши и принципы, чуждые республиканизму и правам человека¹⁸.

Американцы полагали также, что их страна сможет соперничать с Европой и в части просвещенческой философии – и обрести подлинную культурную независимость. Историк Джереми Белкнап рассуждал в 1780 г.: «Почему литературная республика не может быть создана в Америке наряду с республиканской формой правления? Почему здесь не может быть Конгресса философов,

¹⁵ *Curti M. The Growth of American Democratic Thought. N.Y., 1964. P. 131; Shaffer A.H. David Ramsay and the Limits of Revolutionary Nationalism // Intellectual Life in Antebellum Charleston / Ed. by M. O'Brien, D. Moltke-Hansen. Knoxville, 1986. P. 57.*

¹⁶ *Commentaries on the Constitution: Public and Private: In 4 Vols. / Ed. by M. Jensen. Madison, 1981-1986. Vol. 1. P. 48.*

¹⁷ *A Documentary History of Education in the South before 1860: In 5 Vols. Chapel Hill, 1949-1950. Vol. 2. P.3-4.*

¹⁸ *Essays on Education in the Early Republic. Benjamin Rush, Noah Webster, Robert Coram and Others / Ed. by F. Randolph. Cambridge (Mass.), 1965. P. 9-10, 72-76; J. Jay to R. Morris, October 13, 1782 // Jay J. The Correspondence and Public Papers. Vol. 2. P. 351; Washington G. The Writings from the Original Manuscript Sources, 1745–1799: 39 vols. / Ed. by J.C. Fitzpatrick. Washington (D.C.), 1931–1944. Vol. 24. P. 59n-60n; Vol. 35. P. 199.*

подобного Конгрессу государственных мужей?»¹⁹ В том же году в Бостоне появилась Американская академия искусств и наук, основанная Дж. Адамсом. Д'Аламбер был ее почетным членом. Кое-кто из националистов, например Э. Будино, старался не упускать из виду прагматические аспекты трансатлантической «республики ученых». Он подчеркивал, что связи с европейскими просветителями будут полезны для репутации США за рубежом; завязавшимися контактами смогут воспользоваться и американские послы в Европе, и просто путешествующие юные американцы, отправившиеся в Европу для завершения образования²⁰.

Федералист из Коннектикута рассуждал, насколько сложнее избавиться от преклонения перед европейской культурной продукцией, чем от политической зависимости. Стоит только обрести независимость в культуре – и американцы изумят мир творениями своего гения²¹. О том же мечтал поэт Т. Дуайт:

*Сынам ты откроешь познания исток,
И ранней звездой тебя встретит восток.
И древних затмят твои барды и саги,
И те, чьей высокой души и отваги
Не ценят покуда в родимом краю, –
Слетятся они под эгиду твою²².*

Задачей националистов была не только культурная независимость от Европы, но и создание американской национальной идентичности. Зачастую национализм противопоставляется идеологии Просвещения, как космополитической по сути²³.

Действительно, проблема конструирования нации не была магистральной в европейском Просвещении. Однако просветители разработали проблему на-

¹⁹ Цит. по: Kerber L. Federalists in Dissent. P. 3. Ср. также: Jackson J. Thoughts upon the Political Situation of the United States of America. Worchester, 1788. P.15.

²⁰ E. Boudinot to Philosophical Society, October 1. 1783 // Boudinot E. The Life, Public Services, Addresses, and Letters / Ed. by J.J. Boudinot. N.Y., 1971. Vol. 1. P. 396-397.

²¹ Baldwin S. An Oration Pronounced before the Citizens of New Haven, July 4, 1788. New Haven, 1788. P.14-15.

²² Поэзия США. М., 1982. С. 55.

²³ Напр.: Kymlicka W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship. N.Y.-Oxford, 2001. P. 203-242; Yadav A. Before the Empire of English: Literature, Provinciality, and Nationalism in Eighteenth-Century Britain. N.Y., 2004.

циональной идентичности в достаточной мере, чтобы американские националисты могли опираться на их разработки. Знаменитый «Дух законов» подчеркивал необходимость соответствия законодательства духу народа. Для просветителей национальная идентичность не есть нечто, существующее от природы. Напротив, «в норме» она создается Законодателем искусственно²⁴. Американские революционеры склонны были разделить эту точку зрения. В их представлении, создание американской нации лишь началось и было длительным процессом, требующим сознательных и целенаправленных усилий. Т. Пейн заявлял: «Единство Америки – краеугольный камень ее независимости; скала, на которой она построена; нечто столь священное в ее конституции, что мы должны следить за каждым своим словом, за каждой своей мыслью, чтобы не нарушить это единство даже по ошибке». Г. Моррис надеялся, что местнические предрасудки постепенно уйдут в прошлое; следующее поколение уже будет «расой американцев». Ту же надежду питал и Н. Уэбстер²⁵.

Современные исследователи полагают, что основой национальной консолидации могут служить общая территория (и ее географический образ), язык, религия, образ общей истории²⁶. Националисты целенаправленно занимаются конструированием многих из этих феноменов.

У националистов формируется четкий географический образ страны. Классическое выражение этот образ получил под пером Дж. Джея: «Мне не раз доставляло удовольствие думать о том, что независимая Америка не составлена из отдельных, удаленных друг от друга территорий, но представляет собой одну, единую, плодородную, широко раскинувшуюся страну... Судходные реки и озера образуют цепь вдоль ее границ, словно связывая ее в одно целое»²⁷. На-

²⁴ О понимании национализма в эпоху Просвещения см.: *Ben-Israel H. Nationalism in Historical Perspective // Journal of International Affairs. Vol. 45 (No.2, 1992). P. 367-397*; Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. М., 2005.

²⁵ *Paine Th. The Complete Writings: In 2 Vols. / Ed. by Ph.S. Foner. N.Y., 1945. Vol. 2. P. 204*; G. Morris to J. Jay, January 10, 1784 // *Jay W. Life of John Jay. Vol. 2. P. 142*; *Essays on Education in the Early Republic. P. 76*.

²⁶ *Нарочницкая Е.А. Национализм: история и современность. М., 1997. С.15*; *Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М., 2007*.

²⁷ *Гамильтон А., Мэдисон Дж., Джей Дж. Федералист. С. 34*.

ционалистическим проектом была «Легкая география» (1784) Дж. Морзе. Морзе объявлял своей целью воспитание у американской молодежи «сознания наивысшей важности их родины»²⁸. В отличие от большинства националистов, Морзе был выраженным экспансионистом. Он мечтал о том, что со временем в состав Соединенных Штатов войдут Антильские острова, что миллионы американцев будут жить к западу от Миссисипи²⁹. Работы Морзе немало способствовали формированию в сознании американцев единого географического образа Союза³⁰.

Важное значение националисты придавали развитию средств коммуникации. В этом они видели надежный способ предотвратить отделение западных пограничных районов от восточного побережья. Однако этим проблема не исчерпывалась. Ссылаясь на исторические труды Г. Рейналя, Раш доказывал, что Швеция лишилась своей свободы из-за очень малой плотности населения: жители, оторванные друг от друга, не могли выработать общей программы противодействия тирании. Чтобы избежать такого сценария в США, он предлагал всемерно развивать почтовую связь (по его выражению, «поистине неэлектрические провода»), передающие каждому жителю Союза жар и свет) и возможно более широкую доставку газет³¹. Националисты прекрасно понимали значение прессы, к тому времени превратившейся в важнейшее средство пропаганды и политической мобилизации масс.

В 1783 г. Ной Уэбстер выпускает в свет «Синий словник», пытаясь заложить основы самобытного американского языка. Он хорошо сознавал, что язык – фундамент национальной идентичности. В 1783–1785 гг. он создал свой курс

²⁸ Цит. по: Литературная история Соединенных Штатов Америки: 3 т. М., 1977. Т. 1. С.171.

²⁹ См. об этом: *Faragher J.M.* The Way to the West before Lewis and Clark // *The Filson News-magazine*. Vol. 3. No 3. http://www.filsonhistorical.org/news_v3n3_waywest1.html; *May R.E.* El destino manifiesto, William Walker, y el filibusterismo de los Estados Unidos en América Central en la década de 1850. http://www.ucr.ac.cr/documentos/Destino_manifiesto_Robert_E_May.doc Ср. также у Т. Дуайта: *Поэзия США*. С. 55-56.

³⁰ *Brückner M.* The Geographic Revolution in Early America: Maps, Literacy and National Identity. Chapel Hill, 2006. P. 113-121, 126.

³¹ *Commentaries on the Constitution*. Vol. 1. P. 48. Раш имеет в виду государственный переворот, осуществленный в 1772 г. королем Швеции Густавом III. После переворота были запрещены политические партии, урезаны права риксдага и усилена королевская власть.

обучения английскому языку, в который входили «Грамматика», «Хрестоматия» и сборник упражнений по правописанию. Последним пользовались многие поколения американских детей, и к 1890 г. он был издан более чем в 70 млн. экземпляров. Ряд орфографических новшеств, предложенных Уэбстером, прижился и до сих пор отличает американский вариант английского языка от британского. Более 20 лет Уэбстер трудился над двухтомным толковым словарем, включающим около 70 тыс. слов. На тот период времени это был самый большой из толковых словарей английского языка. В 1788 г. он основал в Нью-Йорке Филологическое общество, чьей целью было совершенствование американского (sic!) языка. Правда, просуществовало оно недолго³².

Историки-националисты, такие как Д. Рамсей в своей «Истории революции в Южной Каролине» (1785), Дж. Мино в «Истории восстаний в Массачусетсе» (1788), создают образ американской истории, прежде всего истории революции³³. Обращаясь к причинам революции, Рамсей возводил традицию сопротивления тирании к пуританской теологии. Революция для него была естественным результатом столкновения двух противоборствующих сил: Британия стремилась к установлению в колониях деспотизма, в то время как колонисты стремились отстаивать свои права. Собственно, Рамсей одним из первых создает образ легалистской и консервативной Американской революции. Тематика, затронутая Мино, не была столь же глобальной, однако он снискал одобрение своей группировки – прежде всего потому, что отстаивал стабильность власти и осуждал восставших фермеров. Дж. Вашингтон, в частности, считал, что моно-

³² Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. 1. С. 171; *Ellis J.J.* After the Revolution: Profiles of Early American Culture. N.Y.–L., 1979. P.162–163; *Simpson D.* The Politics of American English, 1776-1850. New York–Oxford, 1986. P. 81. На националистов, вне сомнения, оказывал влияние опыт современной им Великобритании, где также велась активная политика языковой унификации. См.: Национальная идея в Западной Европе в Новое время. С.109–111.

³³ См. об этом: *Feer R.* George Richards Minot's *History of the Insurrections: History, Propaganda, and Autobiography* // *The New England Quarterly*. Vol. 35 (June 1962). P. 203-228; *Shaffer A.* The Politics of History: Writing the History of the American Revolution, 1783-1815. Chicago, 1975.

графия Мино «подает факты в истинном свете, рассеивает предрассудки... и отвечает благим целям в отношении нашего управления»³⁴.

Свой вклад в формирование националистического мифа об Американской революции внесли и литераторы. В период Войны за независимость в небольшом городке Хартфорде (Коннектикут) возник кружок историков, богословов и поэтов, известный под именем «хартфордских остроумцев». В их числе были поэты-националисты Тимоти Дуайт, Джон Трамбулл. Дуайт сочинял оды и эпические поэмы в духе «высокого классицизма»: «Завоевание Ханаана» (1771–1773), «Америка, или О начале британских колоний» (1780). Поэмы были перенасыщены аллегориями и отличались высокопарным стилем в подражание А. Поупу, Дж. Мильтону, Фенелону. В своих произведениях Дуайт последовательно проводил мессианский миф об особой судьбе Америки. Так, в патриотической песне «Колумбия, Колумбия, славься!» он говорил о божественном предназначении Америки; ее торжество должно стать высшим этапом мировой истории:

*Колумбия, родина славных чудес,
Земли королева и дочь небес, -
Твой разум растет на глазах поколений,
И каждым из нас управляет твой гений.
Колумбия, край благородной мечты,
Всех в мире земель плодороднее ты.
Тебе, чье былое не залито кровью,
Дано быть надеждой земли и любовью*³⁵.

Трамбулл был автором одной из лучших ранних сатирических поэм Америки – «Успехи тупости» (1773), а также ироикомической поэмы «Макфингал» (1775–1782), высмеивающей американских тори (их воплощает Макфингал с заржавленным мечом, воспевающий прелести подчинения метрополии). Поэма имела огромный успех и выдержала более тридцати изданий; в течение полувек к ней обращались американские политики как к неисчерпаемому источнику

³⁴ G. Washington to B. Lincoln, August 28, 1788 // George Washington: A Collection / Ed. by W.B. Allen. Indianapolis, 1988. P. 156.

³⁵ Поэзия США. С. 55.

остроумных и метких афоризмов на злобу дня³⁶. Соотечественники сравнивали Трамбулла с выдающимися английскими поэтами А. Поупом, С. Батлером, Дж. Свифтом.

Тема революции отразилась и в живописи. Живописец Джон Трамбулл создал целую серию полотен, изображающих события Войны за независимость («Сражение при Банкер-хилле», «Пленение гессенских наемников у Трентона», «Капитуляция при Йорктауне» и др.). Свои батальные сцены Трамбулл помещал на фоне романтических пейзажей, с деревьями, разбитыми молнией, нависающим небом и темными равнинами, по которым несется ветер. Таковы его «Сражение при Банкер-хилле» и «Смерть генерала Монтгомери». При этом фигуры солдат и офицеров выписаны в ультрареалистической манере. Неоклассический историзм смешивался здесь с романтическими грезами. Картины Трамбулла удовлетворяли интерес американцев к своему недавнему прошлому и потребность в его героизации.

Всякая революция воспринимается ее творцами как процесс создания нового мира, нового человека, новой ментальности. Американская революция не была в этом смысле исключением. Группировка националистов, в частности, активно занималась проблемой новой культурной политики. В целом, их программа в этой области – типичная просвещенческая политика, окрашенная стремлением создать для Америки новую культуру, способную соперничать с европейскими достижениями. Продолжением этих первоначальных попыток стало в начале XIX в. развитие американской романтической литературы (В. Ирвинг, Ф. Купер) и историографии (Дж. Бэнкрофт), основанной на тех же мессианских и националистических установках.

³⁶ Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. 1. С. 214.

Политический дискурс «Джексоновской эпохи» в США

The article is devoted to the political struggle in the period of 1828-1840 in the USA, which is called “the Jacksonian era”. It is based on original sources, mainly the American press. In the article there is an analysis of the ways of political rhetoric and manipulative methods of the public opinion formation. The author studies forms of influence on the electorate. The discourse analysis which is popular nowadays in Western historical science allows a deeper understanding of the Jacksonian politics and of the party struggle of the period.

Президентство Эндрю Джексона – один из наиболее интересных периодов в истории США, особенно для историков, занимающихся изучением общественного мнения. Не случайно американские историки уже давно назвали период его пребывания у власти «эрой Джексона»¹. Популярный в настоящее время в западной исторической науке дискурсивный анализ позволяет глубже понять природу джексоновской политики и борьбу политических партий в это время². Политики используют дискурс риторически, чтобы добиться определенного социального воздействия в определенных контекстах взаимодействия. Использование языка в этом смысле ситуативно обусловлено, и в связи с этим исторический анализ концентрируется не на лингвистической природе текста, а на его риторической организации. Язык формирует подсознание точно так же, как он активно влияет на сознание. В связи с этим большое значение приобретает изучение психологических механизмов влияния политиков на народные массы, их умение формировать общественное мнение, в том числе с помощью манипулятивных приемов. «В вопросах морали, религии, политики, – утверждал Марк Твен, – люди держатся тех или иных взглядов не потому, что изучали предмет и думали, а исключительно под влиянием настроения. Прежде всего, в любое время и при любых обстоятельствах своей жизни, совершая любой поступок, человек обязан и будет одобрять самого себя, а если он тут же пожалеет о содеянном, то только для того, чтобы вновь одобрить самого себя; однако, в

¹ Schlesinger A.M. Jr. The Age of Jackson. Boston, 1945; Commager H.S. The Era of Reform. 1830-1860. Princeton, 1960.

² Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004. С. 185-186.

основном, самоодобрение в большинстве важных вопросов ведет начало от одобрения окружающих, а не от детального рассмотрения данного предмета»³.

Таким образом, влияние на общественное мнение политиков носит целенаправленный характер, апеллируя к популярным в народе предпочтениям и играя на их чувствах, симпатиях и антипатиях. По мнению американских историков А. Невинса и Г.С. Коммаджера кредо Джексона заключалось в следующем: «вера в простого человека; вера в политическое равенство; вера в равные экономические возможности; ненависть к монополиям, специальным привилегиям, к бумажным деньгам и ценным бумагам». Они утверждали, что политика Джексона осуществила это кредо и демократическая волна охватила страну в форме всеобщего мужского избирательного права, грубости и неотесанности политических нравов, массовой дешевой прессы, прогресса общественного образования и религиозного подъема⁴. Именно то, что в «джексоновскую эпоху» в политическую жизнь через электоральный процесс вовлекались широкие массы населения с довольно низким социально-экономическим статусом, порождало необходимость учета общественного мнения, активизировало различные протестные движения, усиливало реформаторский импульс, способствуя возникновению различного рода движений (общественно-политических, социально-утопических, морально-этических).

Это действительно было время больших перемен в общественной и политической жизни страны. Эпоха «джексоновских реформ» демонстрировала новые образцы политики и вырабатывала новый взгляд на содержание и понятие демократии. Не случайно, что споры и дискуссии в оценке этого периода продолжаются как в американской, так и отечественной историографии. Наиболее глубокий анализ достижений американских историков в оценке «джексоновской демократии» был дан в исследованиях Н.Н. Болховитинова, который констатировал недостаточную разработанность проблем данного периода в рос-

³ *Твен М.* С точки зрения кукурузной лепешки // Собр. Соч.: В 12 т. Т. 11. С. 457.

⁴ *Nevins A., Commager H.* The Pocket History of the U.S. N.Y., 1945. P. 142.

сийской американистике⁵. Известный российский исследователь В.В. Согрин в ряде своих работ стремится дать новые оценки деятельности Э. Джексона в русле современной модернизационной теории⁶.

В этот период произошло расширение реального содержания американской демократии. С одной стороны, изменилась система выборов президента. В 1800 г. только два штата выбирали президентских выборщиков всеобщим голосованием, но после 1832 г. только Южная Каролина сохранила двухстепенность в их избрании. С другой стороны, происходит существенное увеличение числа избирателей главным образом за счет демографических и иммиграционных процессов, а также в связи с расширением избирательных прав для всех белых мужчин, а частично и для свободных цветных. Именно это создавало новые возможности влияния на массовое общественное мнение для выработки нового политического дискурса.

Существенным фактором влияния на общественное мнение становится появление новых форм партийной деятельности, массовость проводимых мероприятий. Некоторые историки выделяют такие политические инновации «джексоновской эпохи», как массовые митинги и демонстрации, использование рекламных приемов в избирательных кампаниях (особая символика, знамена, флажки, значки, девизы, слоганы), предвыборные поездки и встречи, факельные шествия, но это представляется достаточно спорным, поскольку подобные формы были известны и ранее. Новым явлением, безусловно, стала массовость политических мероприятий, а также высокая степень участия избирателей в голосовании. На выборы 1840 г. явилось 80,2% зарегистрированных избирателей. Правда, как отмечают американские исследователи, явка голосующих на избирательные участки часто обеспечивалась бесплатной выпивкой, а также усилиями комитетов бдительности, прямым нажимом и давлением местных пар-

⁵ Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. С. 281.

⁶ Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX века. М., 1987. С. 47-52; Он же. Политическая история США. XVII-XX вв. С. 101-130.

тийных органов⁷ Существенные перемены произошли в партийном строительстве, поскольку изменились роль и организация партий. Национальные партийные конвенты заменяют прежние партийные кокусы. Конвенты проводились как на общенациональном, так и на местном уровне для согласования инициатив, выдвижения кандидатов, выработки партийных платформ, отражавших позицию каждой партии. В каждом графстве создавались организации партийных добровольцев, которые занимались агитационной деятельностью, беседовали с каждым потенциальным избирателем, создавая первую коммуникационную систему: от человека к человеку. Вторая информационная система коммуникации – национальная сеть партийных газет. Согласно цензу 1850 г. в стране насчитывалось 1630 партийных газет⁸.

Важнейшую роль газеты как средства массовой коммуникации, не только источника информации, но и транслятора определенных идей и взглядов подчеркивали многие журналисты, писатели, политики XIX века. Путем формирования общественного мнения, выработки определенных социальных и политических установок, убеждений они создавали или настроения пассивного ожидания, или, напротив, желания активных действий. Не случайно, уже в это время появляются утверждения, что пресса является четвертой властью в обществе. «Мы – газетный народ, – отмечал журналист Джон Нил. – У нас газеты – это четвертая власть в государстве, или скорее первая, поглощающая все остальные. Они – создатели президентов, законодатели, судьи, они – высшая исполнительная власть с правом помилования, превосходящая все, на что когда-либо претендовал какой-либо земной монарх»⁹.

В «джексоновскую эпоху» борьба политических элит велась с помощью пропаганды и манипуляции общественным мнением с целью его привлечения на свою сторону. Особенно ярко это прослеживается в пропагандистской войне

⁷ *Altschuler G.C., Blumin S.M. Limits of Political Engagement in Antebellum America: a New Look at the Golden Age of Participatory Democracy // Journal of American History. Vol. 84. № 3. Dec. 1997. P. 875-881.*

⁸ *The Encyclopedia of the United States in the XIX Century / Ed. by P. Finkelman. 3 vols. N.Y., 2001. Vol. I. P. 420.*

⁹ *The Pioneer. A Literary Magazine / Ed. by J.R. Lowell. N.Y., 1947. P. 61.*

формирующихся в это время политических партий: демократов и вигов (национальных республиканцев) по ведущим социально-экономическим и политическим проблемам. Важнейшими факторами, воздействующими на общественное мнение в XIX в., являлись выступления ведущих политиков, речи известных партийных ораторов, религиозные проповеди и, в наибольшей степени, дешевая массовая пресса. Известный журнал «American Whig Review» отмечал: «Только газета каждое утро располагает целой армией проповедников, и общественное мнение, этот великий двигатель нашего века, подвергается большему воздействию за один день, чем в течение целого поколения в старину. Если принять во внимание, что в среднем каждый экземпляр газеты прочитывают 5 человек, то не будет преувеличением сказать, что ежедневно почти четверть миллиона человек завербованы на ту или иную сторону в важнейших вопросах, которые волнуют общество»¹⁰.

Деятельность прессы особенно активизировалась в периоды избирательных президентских кампаний. Она распространяла и тиражировала партийные лозунги и предвыборные обещания, создавала политические мифологемы, стереотипы и клише и, наряду с достоверной информацией о кандидатах, обеспечивала циркуляцию сплетен и слухов. Довольно распространенной практикой являлось не только приукрашивание своего кандидата и его программы (если таковая имела) в партийной печати, но и использование компромата, очернение политического противника. При этом чаще всего подлинная реальность не имела значения, главное заключалось в достижении политической победы¹¹.

Множество создаваемых в общественном сознании мифов имело очень мало или вовсе не имело ничего общего с действительностью. Довольно распространенным являлось мнение, что с приходом в Белый дом Э. Джексона начинается «эра простого человека» в американской политике. На самом деле, хотя его отец и был фермером, прежде чем оказаться в Белом доме, сам он стал крупным землевладельцем-плантатором, владевшим рабами, вошел в элиту

¹⁰ The American Whig Review. Vol. 14. N 84. Dec. 1851. P. 515.

штата Теннесси¹². Тем не менее демократическая пресса усиленно создавала образ простого человека, сделавшего карьеру собственными усилиями и делала упор на то, что Джексон – именно тот политик, который полностью отвечает интересам народа. Действенной стратегией для завоевания доверия избирателей становится создание мнения, что он похож на них, что у него одинаковые с ними заботы и проблемы, что он – «один из них».

И виги, и демократы прекрасно осознавали способность прессы активно влиять на общественное мнение. Показательны в этом плане президентские выборы 1828 г. Сторонники Джексона агитировали за него как за «народного кандидата», «простого солдата», выходца с Запада, защитника простого человека, сторонника реформ, борца против коррупции и привилегий, представителя подлинно народной партии. По существу, пресса осваивала новый опыт политической рекламы. Предвыборная стратегия сторонников Джексона состояла в апеллировании к массовому общественному мнению, ориентации на рядового избирателя. В связи с этим выработывался особый политический дискурс, ориентированный на рядового избирателя и призванный убедить его, что политики действуют в его интересах и говорят с ним на его «языке».

Журналист А. Кендалл из Кентукки, которого историк С. Катлип считает одним из первых в США специалистов по «предвыборным PR-технологиям», успешно представлял в своих предвыборных статьях Джексона как популярного героя из западных штатов, способного победить президента-аристократа из Новой Англии¹³. Предстоящий успех Джексона на выборах именовался не иначе как «победой фермеров и механиков страны над богатыми и высокородными аристократами». В предвыборных материалах превозносились военные заслуги этого генерала как в борьбе с индейцами, так и в войне с англичанами в 1812–

¹¹ Введение в руморологию. Использование слухов на американских выборах / Сост. С. Василенко. М., 2004. С. 50-51.

¹² *Пессен Эд.* Миф о бревенчатой хижине. Социальное происхождение американских президентов. М., 1987. С. 52-53; *Дубовицкий Г.А.* Шесть портретов. Из истории США первой пол. XIX в. Самара, 1994. С. 7-10; *Согрин В.В.* Президенты и демократия. Американский опыт. М., 1998. С. 83-86.

1815 г. По всей стране создавались «клубы старины Гикори». Слоганом президентской кампании стали «права народа». Ремини называет среди популярных приемов демократов устройство барбекю, посадку орешника, ночные факельные парады, музыкальные и поэтические состязания¹⁴. Важную роль в формировании общественного мнения в нужном русле играли многочисленные выступления политических сторонников Джексона на массовых митингах, выпуск огромного количества памфлетов и брошюр, расхваливающих кандидата демократов и рисующих его, как энергичного и нацеленного на позитивные перемены политика. «Наш девиз: Джексон и реформы» – изо дня в день повторялось в демократических изданиях. Сам Джексон совершил предвыборную поездку в Новый Орлеан, где в 1815 г. им была одержана блестящая военная победа. Это была первая в истории США «поездка, связанная с предвыборной кампанией», также широко освещавшаяся в прессе. Печать демократов, главный орган которых «United States Telegraph» издавался на деньги самого кандидата, без устали доказывала, что он лучше всех подготовлен к высокой должности, в то время как сам Джексон так и не научился писать без ошибок и не любил такого занятия, как чтение¹⁵.

Совершенно особую роль играла визуализация образа Джексона с помощью портретов, плакатов и политической карикатуры. Портреты Джексона непременно в военном мундире, украшались надписями: «Покровитель и защитник красоты и богатства Нового Орлеана», что должно было напоминать избирателям о решающей победе, одержанной генералом в период англо-американской войны 1812–1814 гг. Авторы предвыборных плакатов активно использовали уже сложившуюся национальную символику: изображение белоголового орла, звездно-полосатого знамени, дерева свободы и фригийского колпака. Здесь не только важными представлялась опора на уже сложившиеся

¹³ *Cutlip S.M.* Public Relations History: From the XVII to the XX century. Boston, 1995. P. 51, 68-71.

¹⁴ *Remini R.V.* Andrew Jackson: the Course of American Freedom: 3 vols. N.Y., 1981-1984. Vol. II. P. 177-178.

¹⁵ *United States Telegraph*. Extra. Apr. 1. 1828; *Remini R.V.* Op. cit. Vol. II. P. 166.

архетипы национального сознания, возвращавшие американцев к славным временам Войны за независимость, идеалам Декларации и Конституции, но и обращение к образам «отцов-основателей» – Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона. Не менее сильным приемом было использование символики Римской республики. Довольно популярным было изображение Храма свободы в виде открытой ротонды с алтарем, на котором в пламени возникает фигура Свободы, держащая в руках Билль о правах. Храм охраняют символические фигуры Феиды с весами в руках и Минервы, вооруженной копьем, они вдвоем поддерживают надпись «Союз должен быть сохранен», над которой распростер свои крылья орел. Для полноты символики рядом с храмом помещен фермер с плугом и индеец-охотник. Надпись на плакате, выпущенном в Виргинии и достаточно обильно снабженном атрибутикой древнеримских времен, гласила: «Нет мошенническим сделкам, торговле или администрированию; нет войне, голоду, бедствиям и страданиям... нет секциональным интересам; справедливость и равенство для всех, честь и величие человеку, который наполнил свою страну славой»¹⁶.

Во время избирательных кампаний 1828 и 1832 гг. демократы приложили немало усилий, чтобы создать привлекательный для массового избирателя имидж своего кандидата. Интересно отметить, что при этом они не стеснялись перехватывать некоторые лозунги своих противников – национальных республиканцев (вигов). Многочисленные предвыборные плакаты тиражировали не просто образ генерала-победителя, героя Нового Орлеана, но и человека, наделенного многочисленными добродетелями. «Честь и величие человеку, напившему свою страну славой», – гласила цитата из Джефферсона под портретом Джексона в красноречивом обрамлении национальных знамен и увенчанного изображением американского орла. Они позиционировали Джексона как покровителя национальной индустрии, торговли и сельского хозяйства. Так, надпись на плакате, изображавшем несущийся на всех парах паровоз с вагонами, утверждала, что Джексон ратует за «внутренние улучшения», строительство,

¹⁶ <http://loc.harpreweek.com/LCPoliticalCartoons>.

железных дорог и каналов. На другом плакате, призывавшем к развитию национальной экономики, были изображены корабли, бросившие якоря у американских берегов. Из их трюмов выгружены ящики и бочки с разнообразными товарами. Символическим стал плакат с изображением дерева орешника, что должно было обыгрывать прозвище Джексона. Надпись под деревом гласила: «Твердо объединяйтесь с нами, собирайтесь вокруг дерева Гикори». Не меньшей популярностью пользовался плакат с изображением метлы, символизировавший намерение Э. Джексона «вычистить авгиевы конюшни Вашингтона», изгнать из администрации коррумпированных и некомпетентных чиновников. Лозунг борьбы против коррупции становится наиболее распространенным в политическом дискурсе джексоновцев.

Важную роль в формировании общественного мнения в нужном русле играли многочисленные выступления политических сторонников Джексона на массовых митингах, выпуск огромного количества брошюр, расхваливающих кандидата демократов и рисующих его как энергичного и нацеленного на позитивные перемены политика. «Наш девиз: Джексон и реформы», – изо дня в день повторялось в демократических изданиях.

В то же время демократами прилагались энергичные усилия по дискредитации своих противников. Изобретение негативных прозвищ, навешивание ярлыков, создание отрицательного имиджа, использование противопоставления свой/чужой были задействованы в их пропаганде. Создание образа политика в лице Джексона, близкого к народу, дополнялось искусственно создаваемым контрастом с его политическим противником Дж. К. Адамсом, образу которого придавались лишь негативные черты, подкрепленные отрицательными дефинициями. Благодаря искусной политической риторике, умело сфабрикованной клевете, распространению слухов и сплетен демократам удалось внушить избирателям, что кандидат национальных республиканцев Дж. К. Адамс – аристократ и противник демократии, что его администрация насквозь коррумпирована и стремится чуть ли не к возрождению монархии. Редакторы Дафф Грин («United States Telegraph») и Исаак Хилл («New Hampshire Patriot») сочиняли

истории негативного характера о семейной и личной жизни действующего президента, в том числе и о его пребывании в России, которые широко тиражировались демократической прессой¹⁷.

Убеждение в способности газет с помощью общественного мнения становиться действенным оружием в политической борьбе сквозит в заявлениях «American Whig Review»: «Это – правда, что наши газеты являются великой уздой для беспринципных политиков и часто препятствуют проведению в жизнь дурных мер, но ничего не знают о прессе те, кто не видят, что ее способность причинять зло, по меньшей мере, равна способности творить добро, что это оружие, которое с равной остротой рассекает плоть как врага, так и друга, и в руках дурных людей оно может быть использовано для уничтожения самых лучших и самых искренних начинаний»¹⁸. О силе и влиянии общественного мнения часто писали в американской прессе XIX в.: «Мнение! Как много подразумевается под этим простым словом. Это – тиран, перед чьей властью люди склоняются более охотно, чем перед высочайшим авторитетом. Подлинное или фальшивое, справедливое или нет, при определенных обстоятельствах оно равно всемогуще». «Мы живем под властью общественного мнения... Ежедневная пресса – это важнейший показатель народной воли. Без его учета не может быть принято ни одно важное политическое решение»¹⁹.

Демократическая пресса обвиняла виггов в том, что они не имеют никакого уважения к действительным производителям общественного богатства, которых они рассматривали как «дикое свирепое стадо», как «простые механизмы» для рубки леса, строительства плотин и т.п.²⁰ Вигам было гораздо труднее, чем демократам, сформулировать свое кредо, поскольку оно означало разрыв с традицией, и находить понимание своих принципов у рядовых избирателей. Их призывы к индустриальному прогрессу, росту богатства и процветания были

¹⁷ Carrol M.E. *Origins of the Whig Party*. Gloucester, 1964. P. 26.

¹⁸ *The American Whig Review*. Vol. 9. N 18. Jan. 1849. P. 10.

¹⁹ *The Southern Literary Messenger*. Vol. 14. N 6. June 1848. P. 382; *The Southern Quarterly Review*. Vol. 3. N 6. Apr. 1851. P. 505.

²⁰ *Washington Globe*. Apr. 7. 1835.

антитезой идиллической сельской Америке и для значительной части простых американцев оставались умозрительной абстракцией.

На выборах 1828 г. Джексон победил со значительным отрывом от своего соперника. За него проголосовало 178 выборщиков (68,2%); за Адамса – 83 (31,8%). В 14 из 22 штатов победившая группировка получила свыше 2/3 голосов. За Джексона проголосовало 650 тыс. избирателей (55,97%), что являлось показателем его возросшей популярности в общественном мнении²¹. Его победа объяснялась во многом его характером и личными качествами, импонировавшими рядовым избирателям и изрядно приукрашенными предвыборной агитационной литературой, а также политической риторикой джексоновцев, постоянно связывавших успех своего кандидата с интересами народа. Так, сторонник Джексона сенатор Томас Бентон утверждал: «...народ восстановлен в своих правах ...утверждено право народа на самоуправление ...упрочено торжество демократии»²².

Многие программные установки демократов носили характер политической риторики, являлись популярными лозунгами, отражавшими сущностные ценностные ориентации рядовых американцев. Большинству избирателей, как на Севере, так и на Юге, действительно импонировали требования борьбы против привилегий и монополий всякого рода, поддержки политики свободной торговли, защиты прав большинства (т.е. народа) от посягательств «аристократии богатства», равных прав в предпринимательской и других сферах деятельности, свободы личности без всякого вмешательства государства, ограничения правительственных полномочий (*limited government*)²³. Постоянное употребление словосочетания «равные права» становится примечательной чертой политического дискурса. Особенно активна эксплуатация этого термина в прессе, поддерживавшей Э. Джексона. Ярким примером является политическая рито-

²¹ Register of Debates in Congress. 20th Congress 2nd Session. Vol. V. P. 360.

²² Benton T.H. Thirty Years, or A History of the Working of the American Government for 30 Years, from 1820 to 1850. In 2 Vols. N.Y., 1854-1856. Vol. I. P. 47-48, 111.

²³ См.: Власова М.А. К вопросу о сущности либеральной политики Э. Джексона // Американский ежегодник, 1992. М., 1993. С. 124.

рика такого журналиста, как Уильям Леггет: «Если мы постигаем характер и принципы свободного правительства, то они состоят в гарантии равных прав для всех свободных граждан. Мы не знаем никаких других определений свободы, чем это. Свобода, короче говоря, не что иное, как полное отсутствие монополий всех видов: ранга, богатства или привилегий»²⁴.

После своего избрания на пост президента Джексон предоставил значительное количество правительственных должностей поддержавшим его журналистам²⁵, заявив при этом: «С какой стати этот класс граждан должен быть лишен возможности находиться на постах, которые стремятся занять другие, отнюдь не обладающие соответствующей квалификацией или патриотическими настроениями»²⁶.

В своей политической деятельности Джексон прямо опирался на поддержку демократической прессы. Он стремился систематически формировать общественное мнение в нужном ему русле. В ходе дебатов в Конгрессе по наиболее сложным для администрации проблемам президентские послания и обращения публиковались в печати, обеспечивая ему поддержку широких слоев населения. Один из самых близких к Джексону журналистов А. Кендалл стал членом его «кухонного кабинета» и спичрайтером, а с 1835 г. в течение 5 лет он являлся руководителем почтового ведомства.

После своей инаугурации в 1829 г. Джексон приблизил Д. Грина и «United States Telegraph» по протекции А. Кендалла. Однако тесная политическая дружба с Кэлхуном и слишком явная ориентация Грина исключительно на интересы южан поставили президента перед необходимостью создания своего собственного печатного органа, издаваемого человеком, которому он мог всецело доверять. Он выбрал для этой цели Ф. Блэра, издателя «Frankfort Argus». Джексон, по совету А. Кендалла, пригласил его в Вашингтон, и здесь им была основана «Washington Globe», которая стала органом, открыто выражавшим

²⁴ New York Evening Post. May 22, 23. 1834.

²⁵ В соответствующем сайте в Интернете называется 75 фамилий. См.: http://pasleybrothers.com/newspols/Jackson_appointees.htm

²⁶ Schlesinger A.M. Jr. Op. cit. P.73.

взгляды президента. Основными задачами газеты Э. Джексона считал поддержку своей администрации, формирование общественного мнения в соответствующем духе и противодействие оппозиционной прессе. «Washington Globe» получала правительственную дотацию в размере 50 тыс. долл. в год в форме заказов на публикацию официальных материалов. Кендалл стал сочинителем передовиц для «Globe», в которых он популярно пересказывал идеи президента и вел настойчивую агитацию в поддержку его политики, особенно среди трудящихся классов. В одном из номеров газета поместила «Обращение к рабочим США», в котором говорилось, что «интерес каждого человека состоит в полном обладании результатами своего труда», что и призвана обеспечивать демократическая партия во главе с действующим президентом. В другой статье Кендалл уверял фермеров, что им не стоит покидать своих ферм и стремиться в города, что демократы борются за их интересы против «остатков старой аристократии»²⁷.

В дискурсе политиков концепты свободы, собственности, общественного блага начинают чередоваться с новыми, отражающими дух времени: демократия и народный суверенитет, благо народа, права и свободы личности.

«Первый принцип нашей системы заключается в том, что править должно большинство», – заявляет Э. Джексон. В своей первой инаугурационной речи он подчеркивает, что именно народу обязан своим избранием. «Хотя масштаб интересов народа убеждает меня, что никакая благодарность не может сравниться с той честью, которую он оказал мне, я убежден, что самым лучшим воздаянием с моей стороны будет употребить все свои скромные способности на дело ревностного служения его благу»²⁸. Таким образом, виги, в отличие от джексоновцев, не сумели в своей политической риторике выработать дискурс, ориентированный на широкие массы населения. Джексоновские демократы оказались более искусны в приемах политической риторики и манипуляции

²⁷ United States Magazine and Democratic Review. Vol. 17. N 85-86. July-Aug. 1845. P. 10-15.

²⁸ A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. 10 Vols. / Ed. by J.D. Richardson. Washington, 1903. Vol. 2. P. 448; Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789-2001 гг. / Под ред. Э.А. Иваняна. М., 2001. С.115.

общественным мнением. Они умело вырабатывали простые, четкие, выразительные лозунги, сумели создать выразительный позитивный имидж Джексона и его политики.

Американская тема на страницах провинциальной прессы России эпохи Великих реформ

The liberalization of public life during the preparation of reforms of Alexander II boosted attention of Russian province to the external world, opened ways of expressing its opinion in press. Features of the American subject on pages of the provincial newspapers were as follows: utilitarian nature of their publications, dependence of their contents on personal views of editors and journalists.

В XIX веке в среде национальной интеллектуальной элиты понятие «провинция» было богато смысловыми коннотациями, зачастую выступало символом тотального (экономического, культурного, социального) застоя, отсталости, лениности ума и ограниченности кругозора обывателей. Действительно, публичная жизнь отдельно взятого провинциального городка заметно отличалась от кипучей активности мегаполиса. В нем был мал удельный вес интеллигенции и просто грамотных людей, интересы жителей замыкались на повседневных хозяйственных нуждах, слабо развивались формы досуга, способствовавшие обмену мнениями, идеями, информацией.

В период подготовки радикальных преобразований рубежа 1850–1860-х гг. пассивность интеллектуальных сил провинции вызывала особое беспокойство отечественной интеллигенции, воодушевленной открывавшимися перспективами. Интерес к внешнему миру можно считать показательным фактом пробуждения пореформенной России к общественной активности. Если в предыдущие десятилетия основными каналами сведений из-за рубежа являлись столичные журналы, оригинальная и переводная литература, а провинция играла роль безмолвного потребителя информации и авторитетных мнений, то теперь она пыталась составлять собственные суждения о текущей зарубежной хронике и важнейших международных проблемах.

К сожалению, плодами «либеральной весны» нового царствования пользовалась, главным образом, столичная публика. Провинциальная интеллигенция по-прежнему ограничивалась в формах активности, страдала от цензурных запретов на обсуждение внутрисполитических вопросов. На иностранном мате-

риале она стремилась расширить кругозор земляков и реализовать собственный идейно-интеллектуальный потенциал. Обыватели порой не понимали, зачем им знать, тем более рассуждать об очередном заседании европейских парламентов, предвыборной борьбе в США и пр. «Нас упрекают иногда в наклонности тревожить спокойное настроение читателя, – парировала редакция одной из газет ... Что касается нас, то мы смотрим на нашу задачу серьезнее ... Мы заинтересованы в международной жизни, внутренняя жизнь каждого государства, сама по себе поучительная, представляет много данных для нашего собственного соображения. Отвечать на подобную любознательность – вот в чем мы видим главную задачу наших обзрений»¹.

Наиболее репрезентативным историческим источником, отражающим взгляды русской провинции пореформенной эпохи на внешний мир, в том числе, на Америку, является, на наш взгляд, местная периодическая печать. Как известно, в России провинциальная периодика была создана по инициативе властей – с 1830-х гг. учреждались «губернские ведомости» как органы официальной информации. «Вся литературная деятельность сосредоточивается у нас почти исключительно в двух столицах, – описал ситуацию Н.А. Добролюбов, – ...исключите Петербург и Москву, – что останется! «Одесский вестник» с «Южным сборником» да «Ученые записки Казанского университета» с «Православным собеседником», – вот и все»². Умственными и идейными кормильцами образованных людей России оставались столичные периодические издания. По свидетельству современника, «во всех уголках нашего обширного отечества получают газеты и журналы»³.

Тем не менее, в пореформенную эпоху относительная свобода слова и растущая популярность народнических идей позволили и самой провинции включиться в общенациональную общественную жизнь. Как писал воронежский журналист Михаил Де-Пуле известному общественному деятелю Д.И. Ка-

¹ Одесский вестник. 27 апреля 1868.

² Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1962. Т. 5. С. 402.

³ Чужбинский А. Письма провинциала в провинцию // Санкт-Петербургские ведомости. 6 марта 1854.

ченковскому, «право, пора будить провинцию и вырвать журнальную монополию из рук столичных антрепренеров»⁴. В эпоху Великих реформ общественная активность местной интеллигенции проявилась в стремлении дополнить «губернские ведомости» неофициальными прибавлениями, издавать под эгидой казенных учреждений (палат, управ, статистических комитетов, канцелярий и пр.) полуофициальные листки, а в идеале, основать независимую газету⁵.

Несмотря на ощутимый прогресс провинциальной печати, в научной литературе и общественном сознании закрепилось представление о вторичном характере и низком качестве ее публикаций. Действительно, ножницы были бóльшим подспорьем для ее редакторов, чем перо. Как правило, они выступали с передовицами и статьями о местных проблемах, а по российской и внешнеполитической проблематике были обязаны руководствоваться официальными «Санкт-Петербургскими ведомостями». Тем не менее, изучение материалов по американской теме на страницах провинциальной печати ценно вне зависимости от количества и качества текстовых источников. По отзывам современников, «свойство провинциальных газет состоит в том, что они всегда очень верно воспроизводят ту среду, которая питает и греет их»⁶. Именно тесная связь издателя и читателя местной прессы определяет наиболее точное отражение на ее страницах представлений об Америке провинциальной общественности, являющихся неотъемлемой частью национальных инокультурных образов. С другой стороны, изучение региональной прессы позволяет понять принципы и условия отбора внешнеполитической информации вне столиц, проследить, в каком виде в национальном сознании откладывалась идейно-тематическая разногласия по американской проблематике, присущая развитой столичной журналистике.

⁴ Цит. по: *Кондратенко А.И.* Очерки истории периодической печати Орловской губернии (1816–1928). Орел, 2002. С. 17.

⁵ *Березина В.Г.* Газеты 1860-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Л., 1965. Т. 2. Вторая половина XIX века. С. 53.

⁶ Цит. по: *Глинский Б.Б.* Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 305.

Всероссийскую известность получила политическая и литературная газета «Кавказ» (Тифлис), выходившая дважды в неделю при канцелярии наместника. «Она была доброй, живой, даже развязной, – писал историк прессы, – но законопослушной, без критики, без анализа современности⁷. «Кавказ», в отличие от других официальных газет, имел структуру столичного издания (колонка редактора, политическое обозрение, фельетон, телеграммы и пр.), но передовицу обычно посвящал городским новостям. Американские известия в газете были выделены в отдельное политическое обозрение, состоявшее из перепечаток. Впрочем, изредка редакция сама откликнулась на важные международные события. К числу таких исключений относилась Гражданская война в США. С началом сецессии «Кавказ» заверил, что «нынешнее ослепление скоро пройдет, со вступлением нового президента произойдет примирение»⁸. Спустя два месяца редактор напомнил читателям, что внимательно следит за развитием событий в США. Автор американских публикаций «Кавказа» пользовался материалами лондонской «Таймс» и нью-йоркской «Геральд», перенеся на страницы газеты их проюжные симпатии. Суть конфликта он увидел в коренном различии северян и южан, ответственность за развязывание войны возложил на президента Линкольна⁹. К концу 1860-х гг. отмечается упадок «Кавказа». Он приблизился к бесцветным провинциальным газетам, довольствуясь по американской проблематике перепечатками из субсидируемого российским правительством «Независимого бельгийца» (l'Indépendant belge).

Поволжская пресса уступала по кругозору и информированности «Кавказу» периода расцвета, но некоторые ее достижения признаются наиболее видными в истории провинциальной прессы¹⁰. Именно в Поволжье появилась первая в России частная региональная газета – «Нижегородский справочный ярмарочный листок» (1856, ред. Мельгунов). Нижний Новгород – крупный торговый и административный центр страны, место проведения всероссийской яр-

⁷ Там же. С. 307.

⁸ Кавказ. 12 февраля 1861.

⁹ Кавказ. 9 апреля 1861.

¹⁰ Глинский Б.Б. Указ. соч. С. 314.

марки. «Листок» создавался для коммерческих нужд, выходил во время ярмарки (июль-август) и почти полностью состоял из рекламы и объявлений. Соответственно американская тема на его страницах появлялась в связи с ярмаркой. Например, мимолетную реакцию редакции вызвала Гражданская война в США, точнее перебои с хлопком из-за блокады портов Конфедерации. Хлопок и хлопчатобумажный текстиль составляли одну шестую часть товарооборота ярмарки. «Листок» объяснил покупателям, что именно из-за войны за океаном хлопок подорожал в три раза.

В сущности, «Нижегородский ярмарочный листок» вел жалкое существование, издавая в год около 30 номеров, полных рекламных закличек и преискурантов. Поэтому издатели обратились к властям с просьбой расширить программу. С 1863 г. газете разрешили перепечатывать политические известия из столичных изданий, в ней появился фельетон, но «Листок» по-прежнему должен был выходить только в ярмарочный период. Его идейным вдохновителем стал видный земский деятель А.Ф. Гацинский. Он считал, что провинциальная печать находится вне политики, призвана собирать хозяйственно-бытовой, этнографический и экономический материал¹¹. Гацинский много писал о местных событиях, происшествиях, потребностях региона, именно в данном контексте он обращался к американским сюжетам. В частности, поддерживая идею развития городского общественного транспорта, Гацинский рассказал читателям о железоконных дорогах (конках) в США¹².

Так как Нижний Новгород являлся третьим по значению российским городом, сюда приезжали американские предприниматели, официальные лица, актеры. В 1866 г. в «Листке» (№ 31-32) описан визит делегации американцев во главе с Г. Фоксом, в 1867 г. (№ 10) отмечен приезд адмирала Фаррагута, которого нижегородцы встретили с цыганами и пышным застольем. Таким образом, в период общественного подъема «Нижегородский справочный ярмарочный листок» продолжал выполнять преимущественно информационные функции,

¹¹ Короленко В.Г. Указ. соч. С. 19.

¹² Нижегородский справочный ярмарочный листок. 1864. № 16.

его американские публикации соответствовали частоте контактов поволжского города с гражданами США и актуальности темы для местного населения.

Гораздо лучше американская проблематика представлена в прессе динамично развивавшегося Новороссийского края (Причерноморье, Кубань), культурным центром которого стала Одесса. Располагаясь на краю империи, занятая транзитной и международной торговлей, Одесса была открыта внешнему миру. Здесь издавалась лучшая провинциальная газета «Одесский вестник», проявлявшая устойчивый интерес к Америке. Сравнивая уровень личных контактов и торговых отношений с американцами одесситов и нижегородцев, не приходится говорить о существенной разнице. В Одессу, как и в Нижний Новгород, приезжали американские предприниматели и артисты, с 1867 г. к ним добавились туристы – пассажиры круизных пароходов, но их количества было недостаточно для формирования устойчивых инокультурных представлений населения и актуальности для него американской темы. Поэтому место последней на страницах местной прессы зависело в конечном счете от мнения редакций о собственном предназначении. Если «Нижегородский справочный ярмарочный листок» под руководством Гацинского довольствовался информационно-практической функцией, то «Одесский вестник» выбрал для себя идейно-просветительскую миссию. По словам сотрудника редакции В. Чибисова, «Одесса хотя и не пишет сама, но живет жизнью общей со всем образованным миром»¹³.

В начале изучаемого периода активное участие в судьбе издания принял знаменитый врач и общественный деятель Н.И. Пирогов. По его ходатайству с 1858 г. «Одесский вестник» был передан в ведение профессуры Ришельевского лицея, превратился в либеральный орган, заблистал литературными талантами Новороссийского края. Программа издания строилась по образцу частных столичных газет, а с 1864 г. «Вестник» выходил ежедневно. Хотя из-за доносов газета была вновь подчинена канцелярии генерал-губернатора, ей удалось сохранить прогрессивный характер. Редакцию возглавил передовой ученый и лите-

ратор Н.П. Сокальский. Под его руководством в центре внимания издания оказались экономические и хозяйственные вопросы, появились непривычные для провинции коммерческие объявления и реклама. Вплоть до смерти Сокальского в 1871 г. «Одесский вестник» оставался самой авторитетной и популярной провинциальной газетой с тиражом 3000 экземпляров¹⁴.

В середине 1860-х гг. обзор международной информации газеты сложился в отдельную оригинальную рубрику. Наряду с ней «Одесский вестник» нередко посвящал внешней политике и передовицы. Повышенный интерес газеты к иностранным делам привел к появлению у нее собственного автора за океаном. Проживавший в США корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» Г. Матиль начал присылать статьи специально для «Одесского вестника», выбрав для себя амплу наблюдателя нравов и моралиста¹⁵. В период редакторства Н.П. Сокальского с «Одесским вестником» активно сотрудничал его брат П. Сокальский, побывавший в США и на долгие годы сохранивший интерес к заатлантической республике.

Закономерно, что американская тема заняла видное место в «Одесском вестнике», нашла отражение во всех отделах газеты.

«Одесский вестник», как издание портового города, имел уникальные возможности для удовлетворения интереса к внешнему миру. В 1856 г. редактор А. Тройницкий объявил, что «по Высочайшему соизволению заграничные известия извлекаются непосредственно из иностранных газет (*то есть без предварительной цензуры и оглядки на «Санкт-Петербургские ведомости» – О.К.*)», что было неслыханной привилегией для провинциального издания. Содержание и характер американских материалов иностранных газет оказывали влияние на информативность, оценочный и тематический аспекты публикаций «Вестника». Например, комментируя окончание Гражданской войны, «Одесский вестник» в унисон с лондонскими и парижскими газетами рассуждал о направлении вооруженной экспансии США, тогда как российская столичная

¹³ Одесский вестник. 1859. № 5.

¹⁴ Березина В.Г. Указ. соч. С. 52.

пресса обошла вниманием эту тему. Победа генерала У. Гранта в президентской гонке также вызвала скромный интерес Москвы и Петербурга: новость появилась на второй-третьей страницах, комментарии сводились к дежурным поздравлениям, биографической справке или бессодержательным заверениям о блестящем будущем союза. «Одесский вестник», напротив, откликнулся на событие несколькими передовицами, продемонстрировал оригинальное видение ситуации. Согласно ему, благодаря сложившейся расстановке сил в законодательном корпусе У. Грант занимает стратегически выгодную, независимую позицию, что накладывает на него особую ответственность. По прогнозам редакции, победа Гранта усилит гражданское противостояние, так как новый президент не искушенный политик, а кадровый военный, способный перенести боевые приемы в государственное управление. Подобные рассуждения были характерны для европейской, особенно для французской прессы, опасавшейся рецидива собственного исторического опыта узурпации власти удачливым генералом¹⁶.

Из приведенных примеров видно, что в восприятии заокеанской политической жизни «Одесский вестник» был ближе к Европе, чем столичные газеты.

Оригинальными, сильными сторонами публикаций о США «Одесского вестника» являлись страстная убежденность в пользе для соотечественников американского опыта и склонность к абстрагированию от конкретных деталей событий в пользу общих принципов, теоретических выкладок, очевидно, связанная с составом авторов из числа профессуры Ришельевского лицея и близкого им круга интеллектуалов. В их статьях на американские сюжеты нет и тени местечковости, провинциальной ограниченности, обывательского мышления. Напротив, авторы пишут масштабные картины, поднимают темы, смелые даже для столиц и совершенно диковинные для российской глубинки. Например, в одном из политических обзоров за 1866 г. читаем: «Наиболее полным представителем нынешней идеи единства в области политики мы считаем Северо-

¹⁵ Одесский вестник. 1859. № 102.

¹⁶ Одесский вестник. 29 октября, 5 ноября 1868.

Американские штаты, а в области доктрины – теорию Дарвина, который перевел в область зоологии то, что в политике считают единством, основанным на принципе национальностей»¹⁷. В другом месте экскурс в партийно-политическую систему США предварялся следующими словами: «Для нас, русских, весьма поучительна история партий в Северной Америке. Не говоря уже о сходстве многих внутренних условий нашей жизни с американцами и сходстве наших отношений к Европе, мы остановимся на немногих чертах сходства с целью извлечь из них поучение и для наших домашних вопросов. Внутреннее дело Союза – упрочить единство, внешнее дело – укрепить могущество для отпора. Американизирование извне и изнутри – вот настоящая политика заатлантического союза ... И наше призвание – объединить и цивилизовать восток, и нам завидует Европа, и у нас внутренние преобразования стоят на первом плане. Неужели нет сходства?»¹⁸

Отечественные литераторы тех лет часто сравнивали Новороссию с американским фронтиром (нынешними центральными штатами) по размерам, природно-климатическим условиям, сельскому хозяйству, а главное, по темпам и характеру освоения края. Популярный в свое время писатель Г.П. Данилевский, прозванный «русским Купером», много сделал для утверждения данной аналогии. В рассказе «Пенсильванцы и каролинцы», написанном для прогрессивного журнала «Современник», читаем: «По всем новым вопросам тут решительно те же Соединенные Штаты Северной Америки, с которой наша молодая Украинская Новороссия имеет столько родственного»¹⁹. Перу Данилевского принадлежит колоритный образ русских «степных янки»: «Бойкие и ловкие практики, они ищут работ других, горячих и более подвижных ... Странствуя в мешчанской дубленке и сапогах выше колен, эти небывалые господа, янки, являются

¹⁷ Одесский вестник. 1866. № 106.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Данилевский Г.П. Пенсильванцы и каролинцы // Соч.: В 24 т. Изд. 8-е. СПб., 1901. Т. XVII. С. 25.

сюда в виде комиссионеров, агентов и директоров разных новых обществ ... Они – квартирьеры наших будущих Вашингтонов»²⁰.

«Одесский вестник» считал себя рупором этого нового поколения деятелей, черпал вдохновение в американском примере, внимательно следил за происходящим за океаном. Например, 20 апреля 1865 г. в газете выступил П. Сокальский со статьей о всемирно-историческом значении победы Севера в Гражданской войне (закрывающемся в росте стоимости труда, таможенных пошлинах, внешней экспансии). Автор указал на потенциальные выгоды земляков от Гражданской войны в США: удорожание хлопка переориентирует легкую промышленность на шерсть, что стимулирует развитие овцеводства на юге и востоке России и, как следствие, рост товарооборота одесского порта. Поэтому, убежден Сокальский, расширение сети железных дорог вокруг Одессы становится «вопросом государственной важности». «И горе будет нам, если мы проспим эту новую «торговую революцию», готовящуюся у нас под боком!» – восклицал автор²¹. Из контекста статьи очевидно, что обращение к американскому сюжету явилось предлогом для обсуждения экономической конъюнктуры в регионе и пропаганды мер по ее улучшению. В публикации П. Сокальского отражена, таким образом, фундаментальная особенность провинциальной прессы – взгляд на США с позиции собственных практических интересов.

Освещение американской темы на страницах «Одесского вестника» по количеству, разнообразию и уровню публикаций не идет ни в какое сравнение с «губернскими ведомостями», однако привычка смотреть за океан со своей колокольни свойственна и для Одессы, и для Орла или Курска. В частности, «Одесский вестник» уделял много внимания США как реальному или потенциальному конкуренту России на международных рынках, путь к которым пролегал через одесский порт. Исследование американской темы на страницах «Одесского вестника» позволяет выделить три основных ее сюжета.

²⁰ Там же. С. 26-27.

²¹ Одесский вестник. 20 апреля 1865.

1. Конкуренция на европейском рынке зерна. Одесса являлась главным каналом экспорта украинского хлеба в Европу. Одновременно США наращивали поставки дешевой пшеницы в Старый Свет, угрожая, таким образом, процветанию российского порта. Редакция «Вестника» следила за урожаем, погодой, внутривосточной обстановкой в Америке для того, чтобы информировать отечественных экспортеров хлеба о конъюнктуре рынка.

2. Знакомство читателей с американскими техническими новинками и передовыми технологиями. П. Сокальский в одном из фельетонов, рассказывая об успехах аграрного производства США, восклицал: «Вот лучшая рекомендация сельскохозяйственным машинам и энергичному труженику полей! Законы физические везде одни и те же: если в Америке одна паровая сила заменяет 8-10 рабочих, то отчего же эта сила будет слабее на почве Новороссийского края?»²² В «Одесском вестнике» регулярно рассказывалось об американских изобретениях, механизации труда фермеров и рабочих в США, возможностях новых машин (жатки Мак-Кормика, плуга Вуда), публиковались приглашения на выставки-продажи импортной техники и рекламные объявления.

3. Пропаганда капиталистических социально-экономических отношений на примере американского индивидуализма, предприимчивости, свободного труда. В отличие от исконных русских регионов, юг России начал осваиваться лишь в XIX веке. Избавленная от пережитков крепостничества, южная Украина получила возможность воспользоваться прогрессивным опытом западных стран. «Одесский вестник» поставил задачу сформировать идейно-идеологическую основу хозяйственной модернизации региона. Америка привлекала редакцию «Одесского вестника» как цивилизационный феномен, как образец триумфальной реализации социально-экономической стратегии, к которой Новороссия только примеривалась. В разных формах газета знакомила соотечественников с американским «духом капитализма», системой ценностей и социально-экономическими отношениями за океаном. В частности, подробно освещался приезд в Одессу с лекциями бельгийского политэкономиста Густава

де Молинари, разъяснявшего на американском материале преимущества свободного труда над принудительным, публиковались путевые заметки и тематические статьи П. Сокальского и других авторов, побывавших в США. Американские примеры звучали при обсуждении народного образования, общественной жизни, культуры чтения, таможенного режима, и пр.

Изучение исключительно содержательной по провинциальным меркам американской темы на страницах «Одесского вестника» подтверждает тезис об утилитарном отношении периферийных изданий к информации из-за океана. Экономические потребности региона, желание внедрения технических и технологических инноваций для модернизации промышленного и сельскохозяйственного производства, торговая, особенно экспортно-импортная активность местной буржуазии определяли интерес провинциальной печати к США.

Так как в середине века в России было мало динамично развивающихся регионов, пример «Одесского вестника» до определенного момента оставался единственным, однако первые шаги прибалтийской прессы свидетельствовали, что и она двигалась в том же направлении, демонстрируя сходные особенности восприятия Америки. Экономическим и общественным центром Прибалтики являлась Рига – важный перевалочный пункт экспорта русского льна и древесины, опередивший к концу века Петербург по объемам импортной торговли²³. «Рижский вестник» (редактор Е. Чешихин), основанный в конце 1860-х гг., почти сразу обратил внимание на США. В 1869 г. в российских портах, в том числе рижском, были установлены новые таможенные тарифы, пресекающие контрабанду товаров из Пруссии. «Рижский вестник» поддержал эту меру, используя в качестве аргумента пример таможенной политики США, всегда защищающих отечественного товаропроизводителя²⁴. В начале 1870 г. «Вестник» заинтересовался протекционистской статьей о керосине тифлисской газеты «Кавказ». Через рижский порт проходили громадные партии керосина из США,

²² Одесский вестник. 22 июля 1859.

²³ Сартор В. Международные фирмы в Российской империи. 1800-1917 // Экономическая история. Ежегодник. М., 2005. С. 111.

²⁴ Рижский вестник. 12 июля 1869.

называвшегося первое время «американской жидкостью». Сравнивая себестоимость заокеанского топлива и бакинского керосина, газета указывала на возможности и выгоды отказа от импорта²⁵. Патриотизм газеты объяснялся дороговизной американского керосина для местных потребителей и заманчивыми перспективами рижского порта по экспорту в Европу отечественного сырья.

Так же, как и в «Одесском вестнике», американские материалы в «Рижском вестнике» периодически помещались на второй странице, в разделе «Иностранные известия», посвященном текущим международным отношениям. Здесь редакция рассуждала о пользе для России дружбы с США, упоминала об инаугурации президента У. Гранта, о завершении строительства трансконтинентальной железной дороги. Помимо информационных материалов, редакция использовала пример Америки при первых шагах на ниве просветительства. В частности, ее внимание привлек опыт организации общественной медицинской помощи, женских комитетов заботы о раненых в период Гражданской войны. Газета призывала рижских дам последовать американскому примеру²⁶.

В то же время новорожденный «Рижский вестник», проявляя интерес к Америке, пока значительно уступал одесским коллегам в уровне публикаций. Бросаются в глаза его затруднения в американской терминологии (фамилиях, этнонимах, географических названиях) и неразборчивость в публикуемой информации: в обзоре могли мирно соседствовать известия о предоставлении избирательных прав женщинам в Вайоминге и о производстве в США дешевой бумажной ткани²⁷.

Особое место в истории провинциальной журналистики изучаемого периода занимает литературная и политическая газета «Амур» (Иркутск, 1860-1862, ред. М. Загоскин). Уникальность издания заключалась в составе редакции и условиях его недолгого существования. Газета объединила сибирскую интел-

²⁵ Рижский вестник. 10 января 1870. Редакция газеты проявила дальновидность – к концу века Россия стала крупнейшим экспортером керосина в Европу, прежде чем сдать позиции перед натиском подешевевших американских нефтепродуктов.

²⁶ Рижский вестник. 14 января 1869.

²⁷ Рижский вестник. 18 января 1870.

лигенцию, тесно связанную с политическими ссыльными. Инициатором издания выступил М.В. Буташевич-Петрашевский, иностранное обозрение вел П.А. Горбунов, бывший воспитатель в семье декабриста С.П. Трубецкого²⁸. К утилитаризму рядовых провинциальных изданий и просветительству лучших из них, «Амур» добавил четкую политическую позицию, круг авторов определял идеологическую насыщенность публикуемых материалов. Именно поэтому век «Амура» был недолог.

Пока политическим ссыльным покровительствовал всемогущий и либеральный генерал-губернатор Восточной Сибири гр. Н.Н. Муравьев-Амурский, он, не читая, подписывал цензурные листы. Смена руководителя региона означала крах прогрессивного издания.

Вокруг «Амура» собрались люди, равнодушные к США, хотя по-разному к ним относившиеся. Декабрист Д. Завалишин отрицательно отзывался об американцах, в частности, об их деятельности в Приамурье, монополизации ими внешней торговли в регионе, браконьерстве в российских водах. Инженер Д. Романов, партизан строительства транссибирского телеграфа, побывав в США в 1860-1861 гг., стал активным пропагандистом американского опыта. Сам генерал-губернатор Муравьев-Амурский был знаком с американцами (в частности, с П.М. Коллинзом, предполагавшим строить русско-американский телеграф), являлся одним из инициаторов продажи Аляски и сторонником укрепления отношений с США. Его привлекала американская модель освоения обширных пространств; в 1850-е гг. подчиненные Н.Н. Муравьева путешествовали по США с целью изучения заокеанского опыта²⁹.

Солидный идейно-интеллектуальный потенциал редакции выразился в качестве американских материалов, глубине анализа заокеанских процессов, точности оценок событий в США, что поднимает «Амур» над уровнем периодики российской провинции. С первых выпусков издание показало компетентность в американских вопросах и наличие гражданской позиции. В четвертом

²⁸ Березина В.Г. Указ. соч. С. 53.

номере газеты рассказывалось о казни Джона Брауна – «великого человека», одиннадцатый выпуск критиковал послание президента Д. Бьюкенена Конгрессу как «самую грубую апологию невольничества». Сецессию Юга, считавшуюся многими в столицах конфликтом амбиций, и взятие форта Самтер, оцененное некоторыми как фарс, редакция выделила особо: «Мы давно не сообщали читателям известий иностранных. Это потому, что мы помещаем в своей газете только известия, выходящие из ряда обыкновенных, о событиях, обещающих важные последствия. Только в США совершается сейчас событие, которое может иметь большое влияние на Америку и весь свет»³⁰.

Высокий интеллектуальный уровень, широкий кругозор, гражданская позиция, политизированность авторов «Амура» позволили родиться в неразвитом в социально-экономическом плане регионе полноценному печатному органу. Из-за отсутствия объективных предпосылок существования газеты (слабости торговли и промышленности, тонкости прослойки местной интеллигенции) ее можно рассматривать как виртуальный интеллектуальный проект, нацеленный скорее на будущее, на потенциальные потребности края, чем на текущие нужды населения. Когда на Амуре только появились первые поселенцы, газета на американских примерах уже обсуждала методы колонизации. В Восточной Сибири почти ничего не добывали и не производили, использовали труд каторжников, а «Амур» агитировал за организацию золотодобычи по калифорнийскому образцу, разбирал преимущества и недостатки машин и механизмов, применяемых на приисках США, рассказывал об апробации русскими энтузиастами американских технологий.

Обилие американских примеров в публикациях «Амура» объясняется не только личными вкусами членов редакции, но и традицией восприятия региона, сложившейся в общественном мнении. Еще в первой трети XIX века некоторое сходство территориальной протяженности, географического расположения Сибири и американского Запада, одновременность начала освоения этих регионов

²⁹ Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830-1850-е годы. Волгоград, 2005. С. 197.

подталкивали декабристов, а затем А.И. Герцена к сопоставлению роли колонизируемых земель в истории России и США. Во второй половине века сибирские областники в поисках причин серьезного отставания Сибири от темпов экономического роста американского Запада также сравнивали территориальную экспансию обеих стран³¹. Когда в 1858 г. Амурский край вошел в состав России, его природное богатство, производственный потенциал вдохновили общественных деятелей всей страны – пока в гораздо большей степени, чем национальную буржуазию. Приамурье они уподобляли неосвоенному Дикому Западу США, их американские ассоциации были не менее устойчивыми, чем сравнение южной Украины с плодородными прериями.

На страницах «Амура» горячо обсуждались трудности колонизации Восточной Сибири и Дальнего Востока. Правительство насильно переселяло сюда крестьян из многолюдных губерний Центральной России. Сибирские общественные деятели резко возражали против сложившейся практики. В частности, декабрист Д. Завалишин отстаивал принцип добровольности перед «аракчеевскими приемами», А. Гильфердинг предлагал реиммиграцию из США на Амур выходцев из славянских стран³². В качестве примеров колонизации ими упоминались земледельческие штаты США и Калифорния. «Дай Бог, чтоб Амур стал со временем благословенным русским Кентукки», – писал из Нерчинска М. Зензинов³³. В. Карпов из Кяхты объяснял медленное заселение Приамурья его суровым климатом, удаленностью от России, дефицитом рабочих рук, низкой мобильностью русских, являющейся их национальной чертой. В то же время автор указывал на миграционную специфику западных штатов США, неприемлемую для края: «Если в Калифорнию люди стремились ради быстрого обогащения, то Сибирь заинтересована в поселенцах, а не сезонных работников»³⁴.

³⁰ Амур. 30 мая 1861.

³¹ Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005. С. 9.

³² Амур. 1860. № 26.

³³ Амур. 1860. № 36.

³⁴ Амур. 1860. № 24.

Следует упомянуть, что на восприятие США жителями Сибири влияло географическое положение региона. Если Европейская часть России получала информацию из Америки с запада (из Англии, Франции, Германии), воспринимая, таким образом, США как дальний форпост западной цивилизации, то для Восточной Сибири Америка являлась непосредственным соседом на востоке. Новости из США приходили в Иркутск через столицу с месячным (!) опозданием, тогда как через Тихий океан учащались прямые контакты с Америкой. Например, торговые отношения с США, завязавшиеся с присоединением Амура, развивались столь интенсивно, что уже в 1860-е гг. Петр Кропоткин отметил устойчивое местное обозначение понятием «американцы» всех иностранных купцов³⁵. Закономерно, что для авторов газеты обращение к опыту ближайшего соседа представлялось разумным, использование аналогий между Амуром и западными штатами США обоснованным, экспорт технологий, оборудования и даже американских колонистов легко осуществимым.

Неординарному изданию не удалось в полной мере реализовать свой богатый потенциал. Новый генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков не разделял либерализма Муравьева. Он вмешался в деятельность редакции, усилил давление на вольных авторов, а ссыльных перевел в другие места, например, Петрашевского в Енисейскую губернию. Тогда М. Загоскин попросил прекратить издание газеты, но губернатор не согласился и предложил субсидию, ставящую «Амур» в полную зависимость от администрации по образцу «губернских ведомостей». Редакция фактически распалась и в 1862 г. «Амур» был упразднен³⁶.

Итак, 1850-1860-е гг. явились важным этапом истории отечественной провинциальной печати. Либеральный дух пореформенной эпохи определил тональность, пафос ее публикаций не только на региональные, но и на любые другие темы, позволил прогрессивной общественности вырваться из узких рамок местных интересов в национальное и мировое информационное поле. По-

³⁵ «... все иностранцы, приезжие с Амура - американцы, хотя в числе их 9/10 гамбургских купцов, - так установилось с начала» (*Кропоткин П. Дневники разных лет. М., 1992. С. 91*)

луофициальная риторика об общественной пользе печати, а также растущая популярность народнических идей привели к просветительской трактовке американских материалов в лучших провинциальных газетах, проявлению внимания к американскому опыту в ряде второстепенных изданий. В отличие от столичной печати американская тема в региональной прессе не предназначалась ни для удовлетворения информационной жажды, ни для скрашивания досуга местного населения. В потоке информации о США провинциальные журналисты вылавливали сюжеты, имеющие реальную (или потенциальную) пользу для города, губернии, региона. В провинции на характер и тематику публикаций в гораздо большей степени, чем в столице, влиял персональный интерес к американской теме членов редакции, состоявшей, как правило, из двух-трех человек. В таком случае резко усиливалось присутствие американских сюжетов на страницах издания, вырастал уровень публикаций о США, прояснялось отношение издания к заокеанской цивилизации.

³⁶ Глинский Б.Б. Указ. соч. С. 307.

«Эффектный журнализм» в американской прессе последней трети XIX века

The "stunt journalism" is considered one of the most productive aspects of the concept of the "new journalism". The practices of the "stunt journalism" or the "stunt reporting" were used by the reporters of Bennet's "The New York Herald" long before Joseph Pulitzer who made the figure of reporter the key character of the newspaper. James Gordon Bennet, jr. send his reporter Henry Morton Stanley to find the lost expedition of David Livingstone in the Central Africa. The success of Stanley was turned into the travelogue reporting book "How I Found Livingstone: Travels, Adventures and Discoveries in Central Africa" (1872). Genre of travelogue became the journalistic one and it was confirmed by the famous travel of Nellie Bly sent by Pulitzer around world to beat the record of Jules Verne's hero - Phileas Fogg.

Так называемый «эффектный журнализм» (или «журнализм трюка» – «stunt journalism»), представляющий собой совокупность журналистских практик, ориентированных на заранее подготовленную или прогнозируемую сенсацию, стал одной из наиболее продуктивных составляющих концепции «нового журнализма».

Однако еще до появления «нового журнализма» приемы «эффектного журнализма» с успехом использовали репортеры из беннетовской «The New York Herald». Эксцентричный наследник Джеймса Гордона Беннета – Джеймс Гордон Беннет-младший – стал редактором газеты «The New York Herald» в 1867 г. К тому времени «The New York Herald» приносила своему владельцу 750 000 долларов чистого ежегодного дохода, и, располагая такими средствами, Беннет-младший не только продолжил направление, намеченное его отцом, но и показал, каким образом можно создавать сенсационные новости, предвосхитив эстетику «эффектного журнализма».

При этом необходимо отметить, что для достижения необходимого результата было крайне важно совпадение методов решения поставленной редактором задачи с психотипом и амбициями самого репортера, как правило, исполненного азартом поиска и склонного к авантюризму.

Для Беннета-младшего таким идеальным репортером оказался Генри Мортон Стэнли (Henry Morton Stanley, 1841–1904), иммигрант из Уэльса, ус-

певший повоевать в Гражданскую войну на стороне конфедератов, поскитаться по миру и попробовать себя в качестве военного корреспондента.

Биограф Стэнли Тим Джил, поставивший под сомнение многие канонизированные эпизоды жизни репортера (в частности, историю его усыновления), отмечает, что бытовая неприкаянность его героя, настоящее имя которого было Джон Роулендз, привела его к мысли о том, что только «отверженный обретает полную свободу», а потому был волен выбирать себе любую биографию, отчасти придумывая ее, но в большей степени творя ее сам.

Как выяснилось позднее, сочиняя для потомков соответствующую его новому имиджу автобиографию, Генри Стэнли, которого современники часто упрекали в преувеличениях и неточностях, «бродил по улицам и кладбищам Нового Орлеана в поисках подходящей семейной истории, так как не мог и мысли допустить о том, что сочиненная им история собственного усыновления никогда не существовала в реальности»¹.

Зато реальной оказалась его репортерская карьера в «The New York Herald», приведшая его в 1867 г. в Африку. Через два года, когда в Центральной Африке пропала экспедиция известного английского путешественника Дэвида Ливингстона, Беннету-младшему пришла в голову идея снарядить собственную экспедицию на поиски исчезнувшей. Идея была венчурного плана, но в духе «эффектного журнализма» – максимальная прибыль в случае успеха при крайне высокой степени риска.

Выбор Беннета пал на Генри Стэнли, который подробно описал судьбоносный миг, направивший его, малоизвестного репортера, на встречу с Ливингстоном: «Шестнадцатого октября в год тысяча восемьсот шестьдесят девятый от рождения Господа нашего я оказался в Мадриде ... где получил телеграмму следующего содержания:

«Приезжайте в Париж по неотложному делу». Телеграмма была от мистера Джеймса Гордона Беннета-младшего, юного хозяина «The New York Herald». Со стен моего номера на втором этаже пришлось снять собственные рисунки, в

чемоданы отправились книги и сувениры, за ними – наспех собранное и наполовину высохшее белье, и через пару часов напряженного труда все мои вещи были упакованы и помечены наклейками «Париж».

В три часа пополудни я уже был в пути, чтобы после нескольких часов остановки в Байонне добраться до Парижа к следующему вечеру. Там я прямоком отправился в Гранд Отель и постучал в дверь апартаментов мистера Беннета.

«Войдите», – услышал я голос из-за двери.

Войдя, я обнаружил мистера Беннета в кровати.

«Кто Вы?» – спросил он.

«Меня зовут Стэнли», – ответил я.

«Ах, да! Присаживайтесь, я хочу поручить Вам важное дело».

Набросив на плечи халат, мистер Беннет спросил:

«Как Вы думаете, где сейчас Ливингстон?»

«Право, не знаю, сэр».

«Думаете, он сейчас жив?»

«Может, да, а может быть, и нет», – ответил я.

«А я думаю, что он жив, что его можно найти, и я намереваюсь послать Вас найти его».

«Что! – вскричал я. – Вы действительно полагаете, что я смогу найти доктора Ливингстона? Вы посылаете меня в Центральную Африку?»

«Да, я полагаю, что Вы должны ехать, найти его там, где бы Вы ни узнали, он мог бы быть, добыть все сведения какие только можно о нем, и, возможно, «доставить заботливо и не торопясь» то, в чем может нуждаться пожилой человек: возьмите с собой достаточно, чтобы помочь ему. Конечно, Вы будете действовать самостоятельно и как сочтете нужным, **НО НАЙДИТЕ ЛИВИНГСТОНА!**»

¹ *Theroux P. Stanley, I Presume? // New York Times, Sunday Book Review. September 30. 2007.*

Размышляя о разумности решения послать меня в Центральную Африку на поиски человека, которого я, как и большинство других жителей Земли, считали мертвым, я спросил:

«А Вы представляете себе расходы, которые потребуются на организацию этой небольшой прогулки?»

«Что это будет стоить?» – отрывисто спросил он.

«Путешествие Бертона и Слика обошлось от 3 000 до 5 000 фунтов стерлингов, но я боюсь, что сумма не может быть ниже 2 500».

«Хорошо, я скажу Вам, что нужно делать. Вы получаете тысячу фунтов сразу, когда она закончится, Вы получаете другую тысячу, когда Вы ее потратите, Вы получаете еще одну тысячу, когда она закончится – еще одну и т.д., но **НАЙДИТЕ ЛИВИНГСТОНА**»².

Получив столь необычное служебное задание, Стэнли стал готовиться к путешествию, собирая сведения о возможном местопребывании Ливингстона, чтобы в январе 1871 г. набрать около 200 участников для экспедиции и отправиться в Занзибар, а оттуда двинуться к заветной цели в направлении озера Танганьика.

Стэнли удалось невероятное – вступая в вооруженные столкновения с враждебными туземными племенами, преодолевая огромные расстояния и совершая попутно ряд важных географических открытий (в частности, его именем названы водопады на реке Конго – Stanley Falls), 10 ноября 1871 г. он все же разыскал на берегах озера Танганьика изможденного, больного, но живого Ливингстона. Их встреча стала сенсацией, а репортаж Стэнли – хрестоматийным: «Подойдя ближе, я разглядел в группе самых знатных арабов белое лицо пожилого человека. На нем была шапка с золотой каймой, одежда его состояла из короткой куртки красного цвета, штаны его – похоже, что я их не увидел. Я

² *Stanley H.M. How I Found Livingstone: Travels, Adventures and Discoveries in Central Africa. L., 1901. P. 4.*

обменялся с ним рукопожатием. Мы приподняли шляпы, и я спросил: «Доктор Ливингстон, я полагаю?» – И он ответил: «Да»»³.

Фраза из репортажа «Доктор Ливингстон, я полагаю?» («Dr. Livingston, I presume?»), мгновенно растиражированная мировыми масс-медиа, вошла в ряд крылатых выражений английского языка. Хотя весьма вероятно, что слова, произнесенные Генри Стэнли, были придуманы позднее, так как страницы с записями, которые могли бы пролить свет на обстоятельства этой знаменательной встречи, оказались вырванными из путевого дневника журналиста⁴.

Ливингстон и Стэнли вместе объехали на лодке северную часть Танганьики и побывали в устье реки Рузизи, причем миссионер Ливингстон стал для Стэнли своего рода наставником, заменившим отсутствующего отца.

Авантюра, предпринятая Беннетом, обернулась невиданной удачей. Публикации в «The New York Herald» получили международный резонанс, а имя Стэнли стало синонимом репортера героического типа, который ради спасения чужой жизни готов жертвовать собственной.

Написанная по следам совершенного путешествия репортерская книга Генри Стэнли «Как я нашел Ливингстона: путешествия, приключения и открытия в Центральной Африке» («How I Found Livingstone: Travels, Adventures and Discoveries in Central Africa», 1872) имела шумный успех, став «классическим» африканским травелогом.

Так состоялось включение репортажа (или репортажной основы) в жанр травелога (от англ. «travelogue» – путевая проза, повествование или лекция о путешествии, зачастую сопровождаемые иллюстрациями и географическими картами). Этот жанр, уходящий своими корнями еще в античность, сохранял свою популярность как в средние века, так и в эпоху Просвещения, получая в определенные исторические периоды разное идеологическое наполнение.

Жанр документального травелога в девятнадцатом столетии также соответствовал разным авторским стратегиям – от познавательно-

³ The New York Herald. Aug. 10. 1872.

⁴ Jeal T. Stanley. The Impossible Life of Africa's Greatest Explorer, N.Y., 2007.

культурологических до политических (достаточно вспомнить тексты Алексиса де Токвиля или Чарльза Диккенса), но с появлением «эффектного журнализма» тревелог мог уже задействовать эстетику репортажного описания окружающего мира, включающую в себя сюжетную динамику, событийный монтаж, сенсационность.

В 1874 г. Беннет-младший решил повторить успех, снарядив вместе с лондонской «The Daily Telegraph» вторую африканскую экспедицию, во время которой Стэнли определил течение Конго и сделал ряд новых серьезных географических открытий. Но путешествие оказалось крайне тяжелым – за 999 дней пути из 356 человек, входивших в состав экспедиции, смогли выжить только 114. Итогом стала новая книга-тревелог «Через темный континент» («Through the Dark Continent»), также имевшая неплохой резонанс.

После завершения второй организованной Беннетом экспедиции пути репортера и редактора разошлись. В 1879 г. Стэнли оказался на службе бельгийского короля Леопольда II, также склонного к авантюризму, и оставался на этой службе по 1884 г., оказав бельгийской короне серьезную помощь в колонизации так называемого «бельгийского Конго».

В 1886 г. внимание мировой общественности привлекла судьба Эмина (Эдуарда Шнитцера), губернатора Экваториальной провинции Судана, который оказался отрезанным от Египта махдистским восстанием. Отправившись в новое путешествие и затем благополучно вернувшись, Вернувшись из экспедиции, Стэнли написал двухтомный тревелог «В дебрях Африки, или Поиск, спасение и избавление Эмина, правителя Экватории» («In Darkest Africa, or The Quest, Rescue and Retreat of Emin, Governor of Equatoria», 1890), который хотя и получил читательское признание, не смог повторить феноменальный успех первых репортажей.

Джеймс Гордон Беннет в поисках новых сенсаций в 1879 г. снарядил на собственный счет экспедицию к Северному полюсу (корабль «Дженнет»), имевшую несчастный исход. К 1887 г. основные интересы Беннета-младшего переместились в Париж, что привело к созданию «The International Herald Trib-

une» с ее особым типом издательской модели «газеты для космополитов»⁵, и место в нью-йоркской прессе оказалось свободным для появления нового тандема под брендом «Джозеф Пулитцер и Нелли Блай».

Джозеф Пулитцер, с именем которого связывается феномен «нового журнализма» в американской и мировой прессе, начинал свою редакторскую карьеру в Сент-Луисе, став в 1878 г. редактором-издателем газеты «The St. Louis Post-Dispatch».

За четыре года пулитцеровское издание стало самым популярным в Сент-Луисе, значительно потеснив конкурентов. Одно из серьезных нововведений Пулитцера – проведение постоянных газетных кампаний по различным поводам с политическими разоблачениями и кричащими заголовками. Эти «крестовые походы» приковывали внимание читателей, поднимали тираж газеты и приносили солидный доход редактору-издателю.

Газета Пулитцера стала восприниматься как защитница интересов общества, отстаивающая эти интересы от натиска нечистой на руку власти, а сам Пулитцер в одной из передовых статей провозгласил кредо своего периодического издания:

«”The St. Louis Post-Dispatch” будет служить не партии, а людям; будет органом не республиканцев, а органом правды; будет показывать не следствия, а причины; будет не поддерживать администрацию, а критиковать ее; будет противостоять мошенничеству и обману, где бы они не встречались; будет защищать принципы и идеи, а не предрассудки и круговую поруку»⁶.

Джозеф Пулитцер обладал феноменальной работоспособностью и требовал такой же отдачи и от своих сотрудников. Ему везло – вскоре в газете появился Джон Кокерилл, ставший правой рукой Пулитцера и занявший пост редактора «The St. Louis Post-Dispatch» в 1880 г. Кокерилл разделял принципы своего патрона в плане подачи новостей и эксплуатировал, наряду с критикой

⁵ См: *Тангейт М.* Медиагиганты: Как крупнейшие медиакомпании выживают на рынке и борются за лидерство. М., 2006. С. 93-97.

⁶ *Emery M., Emery E.* The Press and America. An Interpretive History of Mass Media. Englewood Cliffs, 1992. P. 221.

политиков и разоблачением коррупции, темы убийств, насилия, секса. Все это подавалось с броскими, кричащими заголовками, невольно привлекающими внимание читателя.

Таким образом, опробовав основные идеи «нового журнализма» в «The St. Louis Post-Dispatch», Пулитцер был готов к завоеванию общенационального информационного рынка, приобретя в 1883 г. газету «The New York World».

Как справедливо заметил Уиллард Блэйер: «Основание газеты “The New York World” произошло в Сент-Луисе. Битва за новые идеи в теории журналистики шла под знаменем “The St. Louis Post-Dispatch”»⁷.

Случай для завоевания общенационального информационного рынка представился в 1883 г., когда Джозеф Пулитцер по состоянию здоровья был вынужден переехать в Нью-Йорк.

Как раз в это время на торги была выставлена утренняя газета «The New York World», принадлежавшая Джею Гулду, одному из владельцев Пенсильванской железной дороги, желавшему получить за свой убыточный проект 346 000 долларов. Хотя ситуация на нью-йоркском газетном рынке не давала повода к оптимизму, Пулитцер решил рискнуть. «Первый взнос он оплатил деньгами, заработанными в “The Post-Dispatch”, а последний, к удивлению Гулда, Пулитцер оплатил уже из прибыли, полученной от “The New York World”»⁸.

Издание «The New York World» началось с тиража в 15 000 экземпляров. Газета Пулитцера выходила на восьми полосах и стоила два цента. Газета «The New York Herald» Джеймса Беннета-младшего, одного из основных конкурентов Пулитцера на тот момент, выходила на двенадцати – шестнадцати полосах и стоила три цента, а «The New York Sun» Чарльза Дана – на четырех полосах и стоила два цента.

После успешного выхода первого номера газеты 11 мая 1883 г. о ней заговорил весь Нью-Йорк. Продукция «нового журнализма» быстро завоевывала читателей. 24 мая того же года Пулитцер объявил свой первый нью-йоркский

⁷ Bleyer W.G. Main Currents in the History of American Journalism. Boston, 1927. P. 328.

⁸ Emery M., Emery E. Op. cit. P. 222.

«крестовый поход», отстаивая право пешеходного прохода по только что построенному Бруклинскому мосту.

Газета требовала социальных реформ и выступала с позиции простого человека, интересы которого зачастую игнорировались властями. В передовице Пулитцер подчеркивал, что усилия его газеты будут «направлены на интересы простых людей, а не на интересы обладателей толстых кошельков»⁹.

В 1885 г. он опередил конкурентов, проведя классическую пропагандистскую кампанию по сбору средств на постройку пьедестала для статуи Свободы. Пулитцер прекрасно понимал, что многие иммигранты поддержат эту идею, а потому обратился непосредственно к рядовому читателю: «Это будет позором для Нью-Йорка – принять такой роскошный подарок от Франции и не найти деньги для пьедестала. “The New York World” – газета общественных интересов, и она обращается простым людям с просьбой собрать необходимые средства»¹⁰.

Шумная и блестяще организованная газетная кампания привлекла внимание всей страны к пулитцеровскому изданию. И в результате была собрана необходимая сумма в сто тысяч долларов, а тираж «The New York World» достиг ста тысяч экземпляров.

В пулитцеровском «новом журнализме» репортер становился основной фигурой газеты. Центр внимания перемещался с «факта» на «сюжет» – поэтому репортер должен был найти не столько свежий факт, сколько новый сюжет. Сочетание информативности и развлекательности – важный аспект «нового журнализма», при этом особая роль отводилась личности самого репортера.

Из фигуры функциональной удачливый репортер постепенно превращался в фигуру креативную и, в определенной степени, даже харизматическую, а репортерская профессия приобретала ореол романтичности и черты привлекательности. Это было связано с наиболее известными персонажами репортерско-

⁹ Schlesinger A.M. *The Rise of the City, 1878-1898*. N.Y., 1956. P. 188.

¹⁰ *Jeurgens G. Joseph Pulitzer and the New York World*. Princeton, 1966. P. 56.

го мира, сделавшими себе имя не только публикациями, но и умением подать себя в наиболее выгодном свете.

Отныне репортер, получивший известность, не останавливался на достигнутом, а стремился объединить серию репортажей или переработать эту серию в документальное повествование, чтобы в итоге издать написанное отдельной книгой. Если раньше отдельными изданиями выходили преимущественно эссе, то в последней трети девятнадцатого столетия наступила очередь книги-репортажа, которая в силу своей сенсационности могла претендовать и на неплохие финансовые сборы.

Если говорить о репортерах, исповедовавших принципы «эффектного журнализма» и прославившихся на этом поприще, то в пулитцеровском контексте в первую очередь возникает колоритная фигура Элизабет Джейн Кокрейн (Elizabeth Jane Cochran, 1864–1922), появление которой в редакции «The New York World» было не случайным. Типологически Элизабет была похожа на Генри Стэнли – не самое счастливое детство, научившее не бояться трудностей и давшее умение преодолевать любые препятствия, склонность к авантюризму, без которого, наверное, не может быть настоящего репортера.

С 18 лет она работала в газете «The Pittsburgh Dispatch» за 5 долларов в неделю, взяв себе по настоянию редактора псевдоним Нелли Блай (Nellie Bly). Там она в совершенстве овладела мастерством репортажа, а ее материалы из Мексики, в которых подробно описывались ужасающая бедность и процветающая коррупция, стоили ей высылки из страны.

По возвращению из Мексики Блай решила переехать в Нью-Йорк, где в течение четырех месяцев не могла нигде устроиться, однако ей удалось «превратить свое затруднительное положение в мощный импульс, чтобы все-таки получить работу»¹¹.

Она прорвалась на аудиенцию к самому Джону Кокериллу, долгие годы бывшему правой рукой Пулитцера, и наспех изложила свои предложения по поводу возможных тем для репортажей. Блай произвела такое впечатление на

Кокерилла, что тот заплатил 25 долларов вперед, пока он не обсудит вопрос с Пулитцером о ее будущем трудоустройстве.

В сентябре 1887 г., как только Нелли Блай была принята в штат «The New York World», ей было поручено провести расследование в духе «эффектного журнализма» – отправиться под видом умалишенной в женскую больницу для душевнобольных на Блэуэлл Айленд, провести там определенное время, чтобы, используя метод «включенного наблюдения», проверить подлинность тех темных слухов, которые ходили о злоупотреблениях в этом медицинском заведении.

Блай настолько достоверно симулировала сумасшествие, что четыре из пяти психиатров поставили ей соответствующий диагноз, и, попав в больничную палату, она смогла наблюдать ситуацию в клинике изнутри.

«Хотя я знала, – писала она, – что вполне нормальна, и получила заверения о том, что буду освобождена через несколько дней, на сердце было неспокойно. Четыре доктора сочли меня сумасшедшей и задвинули за мной засовы дома для душевнобольных! Быть день и ночь не в одиночной камере, а в окружении бормочущих, потерявших разум безумцев, спать рядом с ними, есть вместе с ними, считаться одной из них – не самое лучшее времяпрепровождение»¹².

Напечатанный в «The New York World» материал об ужасающих условиях содержания пациентов и издевательствах над ними со стороны медицинского персонала вызвал грандиозный скандал и привел к громкому судебному процессу. А Нелли Блай, которой было на тот момент 23 года, написала свою первую журналистскую книгу «Десять дней в больнице для душевнобольных» («Ten Days in a Mad-House», 1887), умело преподнеся себя читающей публике и создавая образ хрупкой женщины и бесстрашного репортера.

В 1889 г. Пулитцер продемонстрировал журналистскому миру новый образец «эффектного журнализма», отправив Нелли Блай в путешествие вокруг

¹¹ Kroeger B. Nellie Bly: Daredevil, Reporter, Feminist. N.Y., 1994. P. 84.

¹² Bly N. Ten Days in a Mad-House. N.Y., 1888. P. 18.

земного шара. Ей было необходимо преодолеть этот путь быстрее, чем Филеас Фогг – герой нашумевшего романа Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней».

Дополнительный интерес к этой журналистской акции был вызван и тем обстоятельством, что совсем недавно, чуть более пятнадцати лет назад, вся Франция следила за вымышленным путешествием Филеаса Фогга, зачитываясь романом Жюль Верна, который публиковался с ноября по декабрь 1872 г. в парижской газете «Le Temps». Причем роман был написан таким образом, что его действие происходило в те же месяцы того же года, а поэтому он воспринимался читателями как настоящий репортаж. Стоит отметить и тот факт, что американцы следили за перипетиями этого путешествия бесстрашного джентльмена по телеграммам парижских корреспондентов, пересказывавших содержание очередной главы романа Жюль Верна и терявшихся в догадках об итогах заключенного пари.

Даже тема «лишних суток», позволивших Филеасу Фоггу выиграть пари точно в указанный срок (в субботу, двадцать первого декабря, ровно в восемь часов сорок пять минут вечера), возбудила бурные споры в европейской и американской печати, и роман вызывал ощущение подлинности. Возникла уникальная ситуация – художественный текст подстраивался под репортаж, чтобы стать реальностью в репортажном следовании за придуманными героями.

Идея выкристаллизовалась осенью 1888 г., когда на редакционной летучке «The New York World» было высказано предложение отправить корреспондента по пути Жюль Верна. Дальше события по версии Нелли Блай, которая сама пришла к такой же мысли, развивались следующим образом:

«Я робко обратилась к редактору, боясь, что моя идея покажется слишком дикой и нереальной.

«У Вас есть какие-нибудь идеи?» – спросил он, когда я села напротив его стола.

«Одна», – быстро ответила я.

Он сидел, перекладывая карандаши и ожидая, что я скажу, и я выпалила:

«Я хочу отправиться вокруг света!»

«Да ну?» – сказал он, вопросительно взглянув на меня, и тень улыбки мелькнула в его добрых глазах.

«Я хочу объехать вокруг земного шара за семьдесят дней или быстрее. Думаю, что смогу побить рекорд Филеаса Фогга. Можно мне попробовать?»

К моему разочарованию, он сообщил мне, что эта идея уже обсуждалась в его кабинете и что было принято решение послать мужчину...

«Это невозможно», – прозвучал ужасный приговор. «Во-первых, Вы – женщина и Вам необходим защитник, и даже если Вы поедете одна, Вам понадобится большое количество багажа, и это будет задерживать Ваше путешествие. Кроме того, Вы не говорите ни на одном из языков, кроме английского, да, впрочем, не о чем и говорить, на такое способен только мужчина».

«Отлично, – сказала я в ярости. – Посылайте мужчину, и в тот же день я отправлюсь в путешествие от другой газеты и обгоню его»¹³.

В итоге выбор пал на Нелли Блай, перед которой была поставлена задача уложиться в семьдесят пять дней, – и она не упустила свой шанс. Как писала в 1922 г. в своем некрологе «The New York Times»: «Она опускалась на морское дно в специальном колоколе, поднималась к небу на воздушном шаре, жила в сумасшедшем доме, но ее самым важным свершением оказалось путешествие вокруг света в 1889 году»¹⁴.

Пулитцер дал Нелли Блай на сборы всего два дня, а затем обеспечил грандиозную рекламу – «Нелли Блай со своим несессером отправляется в невиданное до сих пор человечеством путешествие».

Так 14 ноября 1889 г. посланница Пулитцера отправилась в путешествие на борту лайнера «Augusta Victoria» в 9 часов 40 минут и 30 секунд, что было зафиксировано в официальном протоколе, а все газеты мира задавались вопросом о том, устоит ли рекорд Филеаса Фогга.

Отважная журналистка плыла на пароходах и парусниках, ехала на поездах и дилижансах, а с мест остановок (Лондон – Париж – Бриндизи – Порт-

¹³ Bly N. Around the World in Seventy-Two Days. N.Y., 1890. P. 2.

¹⁴ Nellie Bly, Journalist, Dies of Pneumonia // The New York Times. January 28. 1922.

Саид – Цейлон – Сингапур – Гонконг – Йокогама – Сан-Франциско) по телеграфу отправляла репортажи, причем, сделав для эффектности незапланированную остановку в Амьене, Блай умудрилась взять интервью у самого Жюль Верна. И не могла не задать вопрос о романе:

«Как Вам пришла в голову идея романа «Вокруг света за семьдесят дней?» – спросила я.

«Из газеты, – был ответ. – Как-то утром мне попался экземпляр газеты «Le Siècle» с обсуждением и расчетами того, что можно совершить кругосветное путешествие за семьдесят дней. Идея мне приглянулась, и я засел за разработку маршрута»¹⁵.

Жюль Верн был очарован корреспонденткой, но неосмотрительно высказал сомнение в успехе ее предприятия.

В итоге Нелли Блай удалось обогнуть земной шар за 72 дня 6 часов 11 минут и 14 секунд, проделав путь длиной в 24 899 миль. В Нью-Йорке ее встречали как национальную героиню оркестрами и салютом из пушек. Тысячи писем и телеграмм засыпали редакцию «The New York World», но одна из самых сенсационных телеграмм была от проигравшего спор Жюль Верна, который вынужден был поздравить Нелли Блай и владельца «The New York World» с блестящей победой принципов «эффективного журнализма».

¹⁵ Bly N. Around the World in Seventy-Two Days. N.Y., 1890. P. 18.

Ричард Т. Гринер – первый американский консул во Владивостоке (1898-1905)

Richard Theodore Greener (1844–1922) was one of the most remarkable American public figures of the second half of the 19th century. Some of his contemporaries considered him to be the most gifted African-American intellectual of his generation. He became the first black graduate from Harvard College in 1870 and made a successful academic career. During the next decades he was one of the leading figures in abolitionist and black education movement among such famous leaders as F. Douglass, B.T. Washington, W.E.B. Du Bois. Then he turned to politics and civil service until the July 1898 when he accepted appointment as the first US Consul to Vladivostok and served in that capacity until 1905. His experience in Russia became the highest point of Greener's political and public career.

Имя Ричарда Теодора Гринера (1844–1922) практически неизвестно в России и малоизвестно в современной Америке. Тем не менее он являлся одной из наиболее примечательных фигур в общественной жизни США второй половины XIX в. Некоторые из современников считали его самым одаренным афро-американским интеллектуалом своего поколения. У. Дюбуа включил его в число представителей «талантливой десятой части», «черной аристократии таланта и характера», призванной возглавить и просветить чернокожих американцев¹. Гринер стал первым черным выпускником Гарварда в 1870 г. и сделал успешную академическую карьеру. В течение следующих двух десятилетий он был одним из лидеров аболиционистского движения и борьбы за доступ черных американцев к образованию наряду с такими известными фигурами как Ф. Дуглас, У. Дюбуа, Б.Т. Вашингтон.

Позднее он занимался политической деятельностью, принимал участие в различных избирательных кампаниях, а в июле 1898 г. был назначен первым американским консулом во Владивостоке и оставался в этом качестве до 1905 г. Дипломатическая служба в России стала высшим пунктом политической и общественной деятельности Гринера, но вместе с тем имела весьма противоречивые последствия для его дальнейшей жизни.

Собственно, вся жизнь Р.Т. Гринера была отмечена противоречиями, характерными для американского общества. В его биографии нашли отражение

все основные социальные, расовые, политические конфликты второй половины XIX в. в США. Его дед по отцовской линии Джейкоб Гринер был хорошо известен своей просветительской деятельностью среди черного населения Балтимора. Его отец Ричард У. Гринер служил матросом на флоте и Ричард-младший однажды совершил с ним плавание в Ливерпуль. Другой дед (по материнской линии) был испанцем из Вест-Индии, что объясняло светлый цвет кожи и отсутствие ярко выраженных негроидных черт у Р.Т. Гринера². Сам он родился в Филадельфии в 1844 г., лишившись в пятилетнем возрасте отца (тот отправился в Калифорнию искать золото и не вернулся), был перевезен матерью в Бостон. Материальные условия семьи были крайне тяжелыми, поэтому Гринер в 1858 г. бросил школу и начал работать с 14 лет. Он сменил несколько видов деятельности, работал в обувном магазине, резчиком по дереву в мастерской, портье в гостинице. Казалось, его ждала судьба тысяч подростков из бедных черных семей, однако в 1860-е гг. в его жизни произошли кардинальные изменения, открывшие для него новые перспективы и возможности. Гражданская война в США, отмена рабства, движение за эмансипацию афро-американцев, целый ряд образовательных экспериментов, призванных обосновать их право на получение полноценного образования, позволили наиболее способным черным американцам реализовать это право. Р. Гринер оказался в их числе, проявив при этом недюжинное упорство и настойчивость. Ему удалось убедить одного из своих нанимателей оплатить учебу, что позволило окончить школу и подготовиться для поступления в колледж. Осенью 1865 г. он поступил в Гарвард, став там одним из первых черных студентов. Несмотря на многочисленные трудности, с которыми он столкнулся в процессе обучения (достаточно сказать, что ему пришлось дважды проходить курс первого года обучения, в результате вместо четырех учеба в университете заняла у него пять лет), в 1870 г. он успешно

¹ *Du Bois W.E.B. The Talented Tenth // Washington B.T. et al. The Negro Problem. N.Y., 1903. P. 34, 45.*

² *Blakely A. Richard T. Greener and the «The Talented Tenth» Dilemma // The Journal of Negro History. Vol. 59. № 4 (Oct., 1974). P. 306.*

окончил Гарвардский университет³. Особые успехи он проявил в изучении языков, классической литературы и права.

Полученное образование стало важнейшим жизненным преимуществом Гринера, определило всю его дальнейшую карьеру. Получив известность в стране как первый черный выпускник Гарварда, он начал свою в целом успешную академическую карьеру. Ее важнейшими этапами стали преподавательская работа в университете Южной Каролины и должность декана юридического факультета университета Хоуард. При этом Гринер не ограничивался исключительно преподавательской деятельностью, сочетая ее с высокой общественной активностью. В 1870-е гг. он получил известность как борец за права афроамериканцев, сторонник их полной эмансипации, и прежде всего предоставления им равного права на получение образования. Практически он участвовал во всех значимых общественных процессах, связанных с проблемой расовых отношений в США 70–80-х гг. XIX в. Гринер выступал в роли публициста, отстаивавшего принципы аболиционизма в период Реконструкции⁴. Он стал одним из активных пропагандистов так называемого Исхода 1879 г., движения за массовое переселение черных американцев из южных штатов на Север, где они имели возможность получить образование, работу и обеспечить свою безопасность. При этом Гринер вел полемику с Фредериком Дугласом, считавшим, что Исход ослабит позиции аболиционистов на Юге и затруднит преобразование южных штатов⁵.

В 1880 г. он приехал в свою родную Филадельфию во время происходивших там расовых беспорядков специально для того, чтобы поддержать более приемлемого для черной части населения города кандидата в мэры, что

³ *Slater R.B.* The Blacks Who First Entered the World of White Higher Education // *The Journal of Blacks in Higher Education*. № 4 (Summer, 1994). P. 48-49.

⁴ *McPherson J.M.* Coercion or Conciliation? Abolitionists Debate President Hayes's Southern Policy // *The New England Quarterly*. Vol. 39, № 4 (Dec., 1966). P. 478-479.

⁵ *Van Densen J.G.* The Exodus of 1879 // *The Journal of Negro History*. Vol. 21. № 2 (April, 1936). P. 121; *Higgins B.D.* Negro Thought and the Exodus of 1879 // *Phylon*. Vol. 32. № 1(1st Qtr. 1971). P. 51.

свидетельствовало о его известности и авторитете⁶. Позднее в одной из своих статей Гринер писал о молодых черных американцах, переехавших на Север и получивших там образование, необходимые знания и опыт, а затем вернувшихся в качестве учителей и бизнесменов, чтобы помочь развитию Юга⁷. Очевидно, что он имел в виду и личный опыт участия в борьбе за продвижение интересов представителей своей расы, используя для этого возможности, полученные им благодаря своему новому социальному статусу и известности.

Помимо преподавания Гринер занимался юридической практикой, наиболее известным его делом стало участие в качестве одного из защитников Дж. Уиттекера, чернокожего курсанта военной академии Вест-Пойнт, обвиненного в умышленном нанесении себе увечья. Гринеру и его коллегам удалось доказать, что истинной причиной произошедшего стали издевательства на расовой почве, которым Уиттекера подвергали белые сослуживцы⁸. Естественным продолжением карьеры Гринера стало его участие в политической деятельности. Он играл важную роль в предвыборных кампаниях республиканской партии 1880-х гг. по привлечению голосов афро-американцев, выступая в печати и на митингах в различных штатах страны. Наградой за это стало назначение его сначала секретарем Ассоциации по увековечиванию памяти У. Гранта в штате Нью-Йорк, а затем главным инспектором муниципального управления гражданской службы Нью-Йорка. В этом качестве он проработал до 1889 г.⁹ Гринер воспринял эти назначения как признание его достоинств, в одном из писем этого периода он писал: «Впервые в жизни я чувствую, что добился чего-то благодаря своим способностям»¹⁰.

Однако широкая известность и высокая репутация не гарантировали материального достатка. Ни академическая карьера, ни журналистика, ни жалова-

⁶ Lane R. *Roots of Violence in Black Philadelphia, 1860-1900*. Cambridge, 1986. P. 63.

⁷ Greener R.T. et al. *The Future of the Negro* // *The North American Review*, Vol. 139, Issue 332 (July, 1884). P. 89.

⁸ Crowe M.D. Richard Theodore Greener // *Negro History Bulletin*, Vol. 6. № 3 (Dec., 1942). P. 58; Blakely A. Richard T. Greener and the «Talented Tenth» Dilemma... P. 307.

⁹ Crowe M.D. *Op.cit.* P. 58.

¹⁰ Цит. по: Blakely A. Richard T. Greener and the «Talented Tenth» Dilemma... P. 308.

ние чиновника не могли обеспечить его большую семью (у Гринера было шестеро детей). Юридическая практика также не принесла большого успеха, скорее всего причиной этого стал все тот же расовый вопрос. В результате в 1890-х гг. он столкнулся с серьезными материальными трудностями. Это вынуждало Гринера искать новую для себя сферу деятельности. Кроме того, осознание собственных способностей и высокие амбиции требовали новых возможностей для их удовлетворения. Такие возможности открывались в связи с применявшейся республиканской администрацией практикой привлечения известных чернокожих общественных деятелей на дипломатическую службу. При жизни Гринера более 40 афро-американцев находилось на дипломатической службе, в том числе занимая посты консулов и вице-консулов. Среди них были очень известные личности, например Ф. Дуглас, Г. Гарнет и др.¹¹ Как правило, они представляли Соединенные Штаты в Либерии и Гаити, Гринер же стал первым чернокожим консулом в европейской стране, хотя и в ее азиатской части. Примечательно, что его назначение в Россию было в значительной степени случайным, первоначально ему был предложен пост консула в Бомбее, но в связи с эпидемией бубонной чумы в Индии вместо Бомбея он был назначен первым американским консулом во Владивостоке. Существенную роль в судьбе Гринера сыграл Букер Т. Вашингтон, с которым его связывали длительные дружеские отношения. Именно по его рекомендации президент Маккинли согласился назначить Гринера на консульскую должность¹².

В итоге российское правительство не подтвердило его консульский статус, после чего он в декабре 1898 г. прибыл во Владивосток в качестве торгового агента.

Это назначение вызвало различные оценки современников. Некоторые из них рассматривали его как своего рода сибирскую ссылку для 54-летнего Гринера¹³, но, с другой стороны, этот пост стал вершиной его политической карье-

¹¹ *Seraile W. The Brief Diplomatic Career of Henry Highland Garnet // Phylon, Vol. 46. № 1 (1st Oct., 1985); Blakely A. Richard T. Greener and the «Talented Tenth» Dilemma... P. 308.*

¹² *Строус Дж. Морган. М., 2002. С. 667.*

¹³ *Blakely A. Richard T. Greener and the «Talented Tenth» Dilemma... P. 309.*

ры и, видимо, максимально высокой и престижной должностью, на которую он мог рассчитывать. Более того, с учетом исторических событий, происходивших на Дальнем Востоке, и значимость тихоокеанского направления во внешней политике США рубежа веков, роль официального представителя американского правительства во Владивостоке приобретала первостепенную важность. Испано-американская война, ознаменовавшая превращение США в великую державу, провозглашение доктрины «открытых дверей», обострение противоречий между державами на Дальнем Востоке, завершение Россией строительства Транссибирской магистрали и КВЖД, восстание ихэтуаней в Китае, ввод в Китай иностранных войск и Русско-японская война, важную роль в завершении которой сыграли Соединенные Штаты, – все эти события превратили Владивосток из далекой периферии в один из центров мировой политики. В связи с этим обязанности Гринера выходили далеко за рамки функций торгового агента, помимо защиты интересов американских граждан, он собирал информацию о российском обществе и направлял в Вашингтон отчеты о ситуации на Дальнем Востоке. Дополнительные обязанности на него были возложены во время восстания ихэтуаней, и в 1900 г. он был награжден китайским правительством за оказание помощи жертвам войны. А в период Русско-японской войны он представлял во Владивостоке интересы японцев и британцев, после того как британский торговый агент покинул город.

Но Гринер не ограничивался лишь исполнением своих официальных обязанностей. Он проявил огромный интерес к изучению российской социальной и культурной жизни, начал учить русский язык и даже пытался переводить Пушкина¹⁴. В свои отчеты он включал разнообразную информацию и свои оценки различных сторон жизни российского общества. Он отмечал его существенные отличия от американского, был очень критичен по поводу «еврейского вопроса» в России, особенно в связи с событиями в Кишиневе 1903 г. Естественным для него (как и для многих его современников) было сравнение положения рос-

¹⁴ *Saul N.E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867-1914. Lawrence, 1996. P. 435.*

сийских евреев и черных американцев, при этом он приходил к выводу, что в России, в отличие от Америки, если еврей принимал православие и не выступал против правительства, то он более не подвергался преследованиям¹⁵. В то же время Гринер не испытывал никаких неудобств из-за своей расовой принадлежности в России. Более того, он осознавал определенную парадоксальность ситуации – в деспотической России он чувствовал себя более комфортно, чем в демократической Америке. Прочитав о расовых конфликтах в южных штатах, он писал в письме из Владивостока: «... когда я пишу, сидя здесь в окружении двух больших флагов и одного маленького, развивающегося над моим кабинетом, я ощущаю всю аномальность нашего положения – я чиновник правительства, бессильного или равнодушного к проблеме моей безопасности на родине. Здесь в моем распоряжении фактически все военно-морские силы, необходимые для защиты меня или американских интересов. Дома, в сатрапии округа Колумбия (*у Гринера: in the satrapy of D.C. – A.O.*) я могу быть безнаказанно убит за мои политические убеждения»¹⁶.

Особый интерес Гринер проявлял к вопросам экономического развития России, его впечатляли темпы промышленного роста страны, масштаб строительства, в частности сооружение Транссибирской магистрали, растущая миграция населения в восточные районы. Он считал, что Сибирь представляла собой регион с огромным экономическим потенциалом, и в связи с этим она могла стать объектом экономической экспансии для американского бизнеса. В своих отчетах госдепартаменту он описывал Сибирь как новый фронт, где американский бизнес имел гигантские возможности для своей экономической деятельности. Исходя из этого, он выступал за экономическое сотрудничество между США и Россией на Дальнем Востоке. По его мнению, это обеспечило бы Соединенным Штатам конкурентное преимущество в борьбе с другими державами, имевшими экономические интересы в этом регионе. Одним из условий успеха в этой борьбе он полагал повышение статуса американского представи-

¹⁵ *Blakely A. The Negro in Imperial Russia: A Preliminary Sketch // The Journal of Negro History. Vol. 61. № 4. Oct. 1976. P. 359.*

тельства на Дальнем Востоке, предлагая открыть генеральное консульство во Владивостоке. Наилучшей кандидатурой на пост генерального консула Гринер считал себя и даже обращался за поддержкой по этому вопросу с письмами к сенаторам Т. Платту и Г.К. Лоджу¹⁷.

Проекты Гринера можно рассматривать в контексте дискуссий по проблемам американо-российских отношений, которые происходили в этот период в американской политической элите и прессе. Эта дискуссия сопровождалась антиросийской пропагандистской кампанией, сокращением экономического сотрудничества и охлаждением политических отношений между двумя странами¹⁸. В подобной ситуации предложения Гринера оказались несвоевременными и были проигнорированы Государственным департаментом. Более того, сама его фигура на столь значимом в новых условиях посту стала нежелательной. Результатом стала отставка, сопровождавшаяся скандальными обстоятельствами. Поводом к ней явились обвинения в недостойном поведении и небрежении обязанностями, которые были высказаны в отчете помощника госсекретаря Г. Пирса, составленного по итогам его инспекционной поездки. Эти обвинения не подкреплялись никакими доказательствами, Пирс не доехал до Владивостока и пользовался лишь слухами, ранее поведение Гринера и его отношение к служебным обязанностям не вызывало никаких нареканий. Тем не менее, безо всякого служебного расследования Гринер был отозван из Владивостока, а его репутации был нанесен серьезный ущерб.

Странные обстоятельства его отставки дали основания для утверждения о том, что истинной ее причиной стала расовая принадлежность Гринера и изменение расовой политики Республиканской партии¹⁹. Видимо это обстоятельство сыграло свою роль, но в целом проблема носила более сложный и комплексный характер. Изменение роли США в мировой политике, превращение Дальнего Востока в одно из важнейших направлений внешней политики страны, измене-

¹⁶ Цит. по: *Blakely A. Richard T. Greener and the «Talented Tenth» Dilemma... P. 317.*

¹⁷ *Blakely A. Richard T. Greener and the «Talented Tenth» Dilemma... P. 311-312.*

¹⁸ *Saul N. Op. cit. P. 470-472.*

¹⁹ *Blakely A. Richard T. Greener and the «Talented Tenth» Dilemma... P. 317.*

ние целей и методов проведения этой политики диктовали необходимость ротации дипломатических представителей Соединенных Штатов. В этих условиях Гринер более не устраивал Государственный департамент, тем более что его прежних покровителей там уже не было. Расовый фактор являлся дополнительным обстоятельством, возможно определившим способ и форму его отстранения. Косвенным подтверждением негативного отношения чиновников госдепартамента лично к нему может служить тот факт, что его преемник Р. Грин получил статус консула, которого так добивался Гринер.

Как бы то ни было, Гринер никогда более не привлекался на государственную службу и не смог добиться оправдания или хотя бы серьезного разбирательства по своему делу. Его пребывание во Владивостоке сыграло крайне противоречивую роль в собственной судьбе. Несомненно, оно стало наивысшим моментом его карьеры, но вместе с тем в итоге была уничтожена его репутация, он потерял семью (жена развелась с ним и больше Гринер не общался ни с ней, ни с детьми), утратил свое влияние в общественной жизни страны. Несмотря на то, что, находясь в России, он сохранял связь с Родиной и друзьями, живо интересовался событиями, происходившими в США (о чем свидетельствует его переписка с Б.Т. Вашингтоном и другими корреспондентами), долгое отсутствие и изоляция от американской общественно-политической жизни не способствовали сохранению его имиджа как одного из лидеров в борьбе за равноправие афро-американцев. Попытка с помощью Б.Т. Вашингтона вернуться к активной политической деятельности закончилась неудачей, разрывом с прежними друзьями и соратниками (включая Вашингтона) и изоляцией²⁰.

Таким образом, жизнь Гринера после возвращения из России стала историей поражений и разочарований. Он неоднократно пытался очистить свою репутацию от несправедливых обвинений, но не добился результата; он стремился вернуться на государственную службу, но не преуспел в этом; он хотел вновь играть значимую роль в общественном движении, но новое поколение

²⁰ *Harlan L.R.* The Secret Life of Booker T. Washington // *The Journal of Southern History*. Vol. 37. № 3 (Aug. 1971). P. 408.

борцов уже имело своих лидеров. В результате остаток своей жизни он провел в Чикаго, продолжая писать и выступать с лекциями. При этом он неоднократно возвращался к своему российскому опыту, в том числе и продолжая критиковать отношение американского общества к афро-американцам. В одном из своих писем он писал: «Я предпочел бы быть гражданином деспотической России, чем парией в столь ублюдочной республике»²¹. Разочарование в политике привело его к разрыву с республиканской партией, которой он сохранял лояльность в течение многих лет. История жизни Гринера является ярким примером того, как блестящие таланты, одаренность, энергия и работоспособность оказались не в состоянии преодолеть расовые предрассудки и были не востребованы обществом в полной мере.

Тем не менее Ричард Теодор Гринер стал частью не только истории США или борьбы за расовое равноправие, но также и истории американо-российских отношений. Эта часть его наследия незаслуженно забыта и достойна внимательного и подробного изучения как в Соединенных Штатах, так и в России.

²¹ *Blakely A. Richard T. Greener and the «Talented Tenth» Dilemma... P. 319.*

Академическое сообщество США и процесс принятия внешнеполитических решений (1917–1918 гг.)

The article considers the participation of the American scientists in decision-making in foreign policy during the final stage of the First World War. The special attention is given to activity of the research bureau «Inquiry» which was created for preparation of the American program of post-war peace settlement.

С начала XX в. академическое сообщество США, объединявшее в тот период прежде всего преподавателей университетов, стало активно вовлекаться в орбиту политической жизни страны. Победу бывшего профессора Принстонского университета Вудро Вильсона на президентских выборах 1912 г. можно рассматривать символическим событием, которое подтверждало указанную тенденцию.

Став президентом, Вильсон не только сохранил тесные связи с интеллектуальной элитой США, но и попытался найти в ней своеобразную «новую кровь», призванную усилить потенциал исполнительной власти. С этой целью он предпринял довольно неординарный для своего времени шаг: целый ряд ученых был приглашен им на государственную службу, главным образом во внешнеполитический аппарат. Известный правовед Дж. Мур, профессор Колумбийского университета, был назначен юридическим советником государственного департамента. Профессора Г. Ван Дейк, П. Рейнш, Э. Кеппс были направлены им главами различных дипломатических представительств США за рубежом. Многие преподаватели университетов активно привлекались Белым домом к работе в качестве внешнеполитических экспертов.

Фактически взаимоотношения ученых и власти, сложившиеся в ту пору, стали основой для создания в Соединенных Штатах особого феномена, позднее получившего название политико-академического комплекса. Под этим термином понимается довольно устойчивое, хотя и неформальное, объединение науки и политического истеблишмента страны, в котором ученые играли роль «мозгового центра». Окончательное оформление такого комплекса, по мнению

В.Ф. Петровского, произошло только к середине XX века¹. Тем не менее во время пребывания у власти администрации Вильсона уже наметилось существенное сближение ученых и политиков. Без преувеличения можно сказать о том, что академическое сообщество стало тогда значимым фактором в процессе принятия внешнеполитических решений². Попытаемся в данной статье выяснить, какую роль сыграли ученые в формировании вильсоновской концепции миропорядка в 1917–1918 гг.

Важнейшим событием, ускорившим указанный процесс, стало вступление США в войну в апреле 1917 г., которое самым настойчивым образом потребовало от власти использовать науку для обеспечения внешней политики страны. Отметим, например, активное привлечение ученых к решению чисто военных задач. В работе вновь созданного Национального исследовательского совета, который действовал при Совете национальной обороны США, и Консультативного комитета военно-морского министерства были задействованы такие известные деятели американской науки, как Т. Эдисон, А. Майкельсон, Р. Милликен, П. Бриджмен и др.³ Естественно, что их работа была направлена на разработку военно-технических вопросов.

Однако более значимым для Вильсона было идеологическое обеспечение американского участия в войне. И в данном случае администрация, конечно же, не могла обойтись без представителей академических кругов. В частности, существенный вклад в работу на данном направлении внесли историки. Особое место среди «мобилизованных» на борьбу за умы занимали представители т.н. «новых историков», придерживавшихся, как правило, реформистских взглядов. Война чаще всего рассматривалась ими как столкновение «демократической» Антанты с «автократической и милитаристической» Германией. Следова-

¹ *Петровский В.Ф.* Внешнеполитическая мысль США. М., 1976. С. 8.

² О роли академического сообщества в обеспечении внешней политики США см.: *Колобов О.А., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Сергунин А.А.* Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. Нижний Новгород, 1992; *Макарычев А.С.* Наука и власть: системы внешнеполитического планирования и анализа в США и странах Западной Европы. Нижний Новгород, 1995.

³ *Шейнин Ю.М.* Наука и милитаризм в США. М., 1963. С. 127-128.

но, для них это была своего рода борьба за реформу миропорядка⁴. Поэтому многие «новые историки» активно поддерживали действия администрации Вильсона.

Одним из них был Джеймс Шотуэлл, профессор истории Колумбийского университета. Именно он сразу же после вступления США в войну выступил с инициативой по организации особого комитета историков для изучения ее различных аспектов. В своем университете Шотуэлл создал «информационный отдел» и библиотеку, где собирались и сохранялись различные материалы по войне. Он, конечно, не был единственным историком, предложившим привлечь силы своих коллег к поддержке усилий администрации. Такую же идею высказала Историческая ассоциация долины Миссисипи, историки Университета штата Висконсин и др. В результате в апреле 1917 г. было создано «Национальное управление исторической службы» («National Board for Historical Service»). Его первым руководителем стал Шотуэлл. На проведенной 28-29 апреля 1917 г. конференции историков было решено, что новая организация будет заниматься публикацией в прессе исторической информации по военной проблематике, публичными лекциями, совершенствованием преподавания истории, сбором библиографии по военным темам. Словом, это была помощь правительству в деле формирования общественного мнения во имя поддержки внешнеполитического курса США.

Наиболее зримой работой историков стали, конечно, их публикации. Только для Комитета общественной информации, созданного администрацией Вильсона, сотрудники Управления подготовили примерно 50 памфлетов, тираж которых превышал 75 млн. экз. При этом Шотуэлл и его коллеги никогда не сближались с ультра-патриотическими организациями, поскольку не считали возможным для себя участвовать в джингоистской истерии или откровенно антигерманской кампании. Историки оставались сторонниками сохранения «научного уровня» в деятельности Управления. Данный подход, как справедливо

⁴ *Mayer A.J. Historical Thought and American Foreign Policy in the Era of the First World War // The Historian and the Diplomat. The Role of Historians in American Foreign Policy. N.Y., 1967. P.*

отметил автор монографии о Шотуэлле Г. Джозефсон, в целом отражал понимание «новыми историками» предназначения истории. Для них она была прагматической наукой, призванной помочь в понимании и объяснении настоящего⁵. Позднее многие деятели Управления, в т.ч. и сам Шотуэлл, были приглашены к работе исследовательского бюро по подготовке американских условий мира.

Помимо историков пропагандистской деятельностью занимались, конечно, и другие ученые США. В частности, Академия политической науки весной 1917 г. выступила инициатором проведения крупной национальной конференции по вопросам внешней политики. Своей целью организаторы называли «формирование и распространение “международного духа”» в стране, информирование населения о проблемах положения в мире. Всего за четыре дня конференции с ее трибуны выступило 140 человек, которые представляли не только многочисленные университеты, но и различные общественные организации США (например, Фонд Карнеги, Лига по принуждению к миру, Женская партия мира и т.п.). В центре дискуссии оказалась тогда проблема создания Лиги Наций. Практически все участники говорили о крайней необходимости такого шага. В частности, общее настроение сумел точно выразить Г. Холт, один из организаторов Лиги по принуждению к миру. Он сформулировал две возможные альтернативы дальнейшего развития цивилизации: после войны может произойти «либо европеизация Америки, либо американизация Европы»⁶. Таким образом, приведенные факты демонстрируют, что ученые активно подключились к работе по трансформации общественного сознания в пользу интернационализма.

79-80.

⁵ *Josephson H. James T. Shotwell and the Rise of Internationalism in America. L., 1975. P. 50-52, 57-63.*

⁶ *The Foreign Relations of the United States. A Series of Addresses and Papers Presented at the National Conference on Foreign Relations of the United States at Long Beach. May 28 – June 1. 1917 / Ed. by H.R. Mussey and S.P. Duggan // Proceedings of the Academy of Political Science. Vol.7. №2-3. July 1917. P. IX-XIV, 17-19, 45, 69.*

Наиболее важным практическим вкладом академического сообщества в дело подготовки официальной американской программы послевоенного миропорядка стала деятельность особого исследовательского бюро, получившего известность как «Инквайри». Оно было создано по распоряжению Вильсона в сентябре 1917 г. По справедливой оценке историков, эта организация явилась не только «первым “мозговым трестом” в Америке», но и «первым случаем широкого использования правительством Соединенных Штатов талантливых ученых из самых различных областей в целях формирования американской внешней политики»⁷. Неофициальным руководителем «Инквайри» считался советник президента полковник Э. Хауз. Директором бюро был назначен сначала Сидней Мезес, президент одного из нью-йоркских колледжей, а затем – Исайа Боумэн, глава американского географического общества. Определяя главную задачу создаваемой организации, Вильсон в письме Хаузу подчеркнул необходимость «настраивать свои дудки» для подготовки американских предложений по послевоенному урегулированию «с полным знанием позиции всех воюющих сторон»⁸. Используя академический потенциал страны для конкретизации своих планов, Вильсон надеялся получить действительно «научные» по своему характеру рекомендации относительно создания нового миропорядка. Примечательно, что для него сам термин «научный миропорядок» был практически синонимом провозглашенного им принципа «мир без победы»⁹.

Для решения указанной проблемы были отобраны наиболее перспективные и знающие ученые различных специальностей – историки, юристы, экономисты, этнографы и др. Всего за год с небольшим, когда работало бюро «Ин-

⁷ *Knock T.J.* To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. N.Y.-Oxford, 1992. P. 140; *Gelfand L.E.* The Inquiry: American Preparation for Peace, 1917-1919. New Haven, 1963. P. XI.

⁸ W. Wilson to E.M. House. Sept. 1, 1917 // *The Papers of Woodrow Wilson* / Ed.: Link A.S. et al. Vol. 1-69. Princeton, 1966-1994. (Далее: PWW). Vol. 44. P. 120-121; Архив полковника Хауза: В 4 т. М., 1937-1944. Т. 3. С. 122.

⁹ *Link A.S.* Wilson: Campaign for Progressivism and Peace, 1916-1917. Princeton, 1965. P. 268; *Wimer K.* Woodrow Wilson and World Order // *Woodrow Wilson and a Revolutionary World, 1913-1921* / Ed. by A.S. Link. Chapel Hill, 1982. P. 147; *Gelfand L.E.* The American Mission to Negotiate Peace: An Historian Looks Back // *The Treaty of Versailles: A Reassessment after 75 Years* / Ed. by M.F. Voemeke, G.D. Feldman, E. Glaser. Washington-Cambridge, 1998. P. 192.

квэйри», к его деятельности было привлечено до 150 ученых. По преимуществу это были представители северо-восточных университетов. Средний возраст специалистов составил всего лишь 40 лет, а некоторым ведущим сотрудникам организации едва исполнилось 30. К числу последних можно отнести, например, Роберта Лорда, профессора Гарвардского университета; Сэмюэля Моррисона, преподавателя того же университета; Роберта Кернера, преподавателя университета Миссури; Чарльза Сеймура, профессора Йельского университета; Престона Слоссона, ассистента Колумбийского университета¹⁰.

Руководство «Инквэйри», в соответствии с инструкциями президента, предполагало изучить представления великих держав о политике по отношению к другим странам, для того чтобы вооружить делегацию США на предстоящей мирной конференции необходимой фактической и аналитической информацией, конкретными альтернативными вариантами решения территориальных и иных споров, создания механизма международного урегулирования конфликтов, сокращения вооружений и т.д.¹¹ Итогом работы «Инквэйри» стала подготовка почти 2000 докладов по различным проблемам, 1200 карт. Для того чтобы представить характер материалов, подготовленных экспертами, приведем некоторые цифровые данные, имеющиеся в монографии Л. Гельфанда. В архивах «Инквэйри», по его подсчетам, сохранилось 894 различных документа, связанных только с вопросами европейского урегулирования. Из них: 174 были посвящены Германии; 140 – Австро-Венгрии; 159 – Балканам; 203 – России и балтийским государствам; 158 – Западной Европе; 60 – нейтральным странам. Для еще большей детализации содержания материалов рассмотрим те частные вопросы, которые оказались в поле внимания экспертов из «Инквэйри», например, по германской проблеме. 4 доклада включали т.н. первичные документы; 5 являлись историческими справками; в 10 были даны оценки политической ситуации и государственного устройства; 5 были посвящены вопросам границ; 1 – системе образования; 1 – колониям; 1 – пангерманизму; 1 – состоянию общест-

¹⁰ О персональном составе «Инквэйри» см.: *Gelfand L.E. The Inquiry*. P. 53-68.

¹¹ S.E. Mezes to W. Wilson. Nov. 9, 1917 // PWW. Vol. 44. P. 549-551.

венного мнения; 1 – милитаризму; 30 – торговле и тарифам; 3 – Шлезвигу; 1 – Ютланду; 46 – Эльзас-Лотарингии; 1 – социальному благосостоянию; 2 – животным и лесным ресурсам; 14 – финансам и послевоенному экономическому положению; 1 – вопросу об ответственности за войну; 7 – общей политической и экономической ситуации в 1918 г.; 9 – промышленности; 5 – торговому флоту; 26 документов имели смешанную проблематику¹². Как видим, круг вопросов, который рассматривался и оценивался специалистами, вобрал в себя самый широкий спектр материалов по различным аспектам внутривойны, экономического и международного положения в Германии. Все это, естественно, помогло бы американскому руководству располагать необходимой информацией для принятия решений на Парижской мирной конференции.

На какой внешнеполитической философии строили свой анализ сотрудники «Инквайри»? Большинство из них в целом разделяло вильсоновскую концепцию нового миропорядка. В частности, уже упоминавшийся профессор Шотуэлл, возглавивший один из отделов новой организации, был убежденным сторонником либерального интернационализма. Он считал, что США должны нести меру ответственности за мир, отстаивая повсеместно принципы справедливости¹³.

Рассмотрим некоторые суждения Шотуэлла по поводу внешнеполитических аспектов вильсонизма. В своих мемуарах историк указывал, прежде всего, на созидательный характер программы президента США. «В то время, когда моральные силы человечества оказались на исходе, именно он (*Вильсон. – В.Р.*) сумел пробудить их к жизни. ... В темные часы разочарования он увлек цивилизацию от бесполезного участия во всемирном разрушении к задаче, связанной не с перестройкой старой структуры, а с созданием нового мирового сообщества, о котором человечество даже и не мечтало». Определяя суть предложений Вильсона, Шотуэлл указывал не только на его намерение добиться для США мирового лидерства, но и на морализм всей его внешнеполитической фи-

¹² *Gelfand L.E. The Inquiry. P. 110, 184-186.*

¹³ *Josephson H. Op. cit. P. 76.*

лософии. Президент США, не желавший повторения Священного союза или универсальной империи, разработал программу, основанную на новой для мирового сообщества концепции, которая на деле означала всего лишь «глобализацию доктрины Монро». Все это, как считал Шотуэлл, стало настоящей «дипломатической революцией»¹⁴.

Самым существенным документом, подготовленным в «Инквайри» к январю 1918 г. стал меморандум «Современный момент: цели войны и вытекающие отсюда условия мира». Политическая ситуация к этому времени (наметившиеся перспективы окончания войны, революция в России и др.) требовала выдвижения серьезной внешнеполитической инициативы, которая определила бы направленность программы США по послевоенному мирному урегулированию. Уолтер Липпман, один из руководителей «Инквайри», в беседе с Вильсоном так обрисовал смысл американских предложений: необходимы «условия мира, на которые со временем могли бы согласиться и сами немцы». Вместе с тем, и Вильсон, и Хауз, обсуждая суть американской программы, подчеркивали, что важнейшей целью ее должно стать соблюдение национальных интересов США¹⁵. Содержание указанного меморандума представляется чрезвычайно важным, поскольку в нем, по сравнению с официальными «14 пунктами», более полно раскрывается политико-стратегическая подоплека американской программы. Кроме того, фактически данный меморандум был первым серьезным документом, который был представлен от имени коллектива ученых для нужд Белого дома. Можно предположить, что в нем нашли отражение внешнеполитические представления, распространенные в той части академического сообщества, которая была ближе всего к идеологии вильсонизма. В качестве цели как войны, так и мира меморандум определял «демонтаж прусской срединной Европы», т.е. исключение самой возможности доминирования германского милитаризма, являвшегося, по сути, главной угрозой национальной безопасности США. В связи с этим предполагалась демократизация Германии. В документе

¹⁴ *Shotwell J. T. At the Paris Peace Conference. N.Y., 1937. P. 20-25.*

¹⁵ *Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 79.*

оговаривалась, вместе с тем, и опасность чрезмерного унижения Германии, которое привело бы к господству реваншистских настроений в стране. Главным рычагом внешней политики Соединенных Штатов по отношению к Германии назывались экономические меры. Относительно России документ рекомендовал американской администрации занять примирительную позицию, для того чтобы попытаться сохранить ее в качестве союзника, «облагородив» цели войны. Политические взаимоотношения со странами Западной Европы должны опираться на либеральные круги Франции и Великобритании. Западные союзники, по словам составителей меморандума, должны быть подкреплены: «1) энергичным высказыванием в пользу экономического единства и контроля; 2) либеральным дипломатическим наступлением США, которое указало бы либералам в Великобритании и Франции путь к восстановлению национального единства во внешнеполитических целях; ... 3) подъемом интереса к войне и ее итогам со стороны американского народа». Лига Наций, в основу которой мог быть положен антигерманский союз, должна была стать краеугольным камнем всего мирного урегулирования. «Должна ли эта Лига быть вооруженной и не включающей в свой состав теперешних противников или, наоборот, разоруженной и дружественно включающей в себя Германию, зависит от того, будет ли германское правительство фактически представлять германскую демократию»¹⁶. Как видно из содержания анализируемого документа, Вильсон впоследствии принял большую часть рекомендаций «Инквайри», затушевав при этом наиболее спорные территориальные вопросы и усилив общедекларативную часть в своем послании Конгрессу от 8 января 1918 г.

В дальнейшем специалисты из исследовательской организации продолжили активную детальную разработку наиболее существенных проблем мирного урегулирования. На наш взгляд, позиция представителей академических кругов в этих условиях отличалась серьезным научным подходом в определении перспективных ориентиров американской внешней политики. Зачастую со-

¹⁶ A Memorandum by S.E. Mezes, D.H. Miller, and W. Lippmann. The Present Situation: The War Aims and Peace Terms It Suggests. [c. Dec. 22, 1917] // PWW. Vol.45. P. 459-473.

трудники «Инквайри» отстаивали в представляемых материалах противоположные точки зрения. Например, Р. Кернер (ун-т Мичигана) в своих докладах, посвященных национальным проблемам в Центральной и Восточной Европе, настойчиво обосновывал концепцию «федерализации» Австро-Венгрии. По его мнению, все народы, проживавшие на ее территории, и прежде всего славяне, должны были получить полную автономию. А вот Ч. Сеймур (Йельский ун-т) предлагал реализовать в послевоенной Австро-Венгрии концепцию «триализма», предоставив третью полноправную роль в государстве полякам. В меморандумах «Инквайри» обсуждались и другие варианты решения данной проблемы, но все специалисты вплоть до окончания войны, как правило, исходили из целесообразности сохранения единства империи¹⁷.

Важно заметить, что материалы, подготовленные сотрудниками «Инквайри» по отдельным проблемам, проходили тщательное рецензирование. Иногда комментарии содержали крайне негативную оценку тем или иным выводам. Однако именно альтернативность суждений следует назвать главным достижением новой консультативной организации. Противоположные мнения по различным аспектам мироустройства давали политическому руководству США более целостное представление о реальной международной ситуации и, таким образом, позволяли принять более взвешенное решение.

Анализ участия американских интеллектуалов в процессе разработки и осуществления международного курса США в 1917–1918 гг. показывает, что благодаря их усилиям началось постепенное преодоление очевидной «узости» традиционного механизма принятия внешнеполитических решений. Происходило это под влиянием как минимум двух важнейших факторов. Во-первых, Вильсон сумел быстро осознать необходимость комплектования дипломатической службы новыми людьми, способными активно участвовать в совершенствовании содержания, форм и методов осуществления внешней политики Соединенных Штатов. Во-вторых, повышения эффективности принимавшихся решений настойчиво требовали исторические реалии того времени. Мировая

¹⁷ Ibid. P. 200-203.

война, работа над перестройкой всей системы международных отношений поставили перед американской администрацией труднейшие задачи, разрешить которые силами старого бюрократического аппарата было уже невозможно. Все это и подтолкнуло президента сформировать из числа ученых первый в истории США «мозговой центр», занимавшийся вопросами внешнеполитического прогнозирования. Сотрудничество официального Вашингтона с представителями академического сообщества, конечно, способствовало повышению интеллектуальной «планки» принимаемых властью решений. Активное привлечение интеллектуалов к обеспечению международного курса как на официальном, так и на неформальном уровнях обеспечило, кроме того, необходимый уровень состязательности идей в американской внешнеполитической мысли того времени. Конечно, не все предложения советников и экспертов были тогда использованы. Но идеи, высказанные ими, демонстрируют многообразие и богатство воззрений американских интеллектуалов на то, как «сделать мир безопасным для демократии».

Американский исторический роман 1930-х годов

о Войне за независимость

«Drums along the Mohawk» (1937), the historical novel by W. Edmonds, is most representative of the tendency of depicting the War for Independence in the 30-es, with their urgent need for finding in history a corresponding precedent when the people rallying themselves could overcome hard times and build a basis for the prosperous and mighty society. This contemporary need determined the message of the novel and its pathos of glorifying the heroic struggle of the people for their land and their rights.

At the same time this heroic pathos didn't affect the philosophy of history of the author expressing itself in the conflict of the novel, his idea of antagonism between the state and common people, the class character of the War for Independence. In its estimation of the War for Independence W. Edmonds's novel ushered in the historical novels by Howard Fast about the American revolution.

30-е годы XX века отмечены усилением интереса к эпохе Войны за независимость в развитии американского исторического романа. Э. Лейси¹ и Э. Уагенкнехт² объясняют возрождение интереса к этой теме, с которой, кстати, и началось развитие американского исторического романа около сотни лет назад, атмосферой Великой депрессии, породившей, с одной стороны, настроения эскейпизма, а с другой – настоятельную потребность вернуться к «камню, из которого мы были вытесаны», подвергнуть анализу фундаментальные принципы, на которых основывалось мышление и образ жизни американцев со времени основания нации, чтобы, вдохновившись героическим историческим опытом, легче пережить нынешние тяжелые времена. В свете дальнейшей, послевоенной интерпретации темы Революции в историческом романе США представляет интерес замечание Уагенкнехта о том, что в 1930-е гг. целью исследований этой темы историческими романистами было «просвещение, а не развенчание устоев»³.

Возврат к теме Войны за независимость в американском историческом романе наметился еще в 1925 г., с выходом в свет прекрасного романа Джеймса Бойда «Барабаны», на который широкая читающая публика, к сожалению, не

¹ *Leisy E. The American Historical Novel. Norman, 1950.*

² *Wagenknecht E. Cavalcade of the American Novel from the Birth of the Nation to the Middle of the 20-th Century. N.Y., 1952.*

³ *Ibid. P. 426*

обратила внимания. Возрождение темы Революции в американском историческом романе межвоенного двадцатилетия можно датировать 1930 г. – годом публикации романа Робертса Кеннета «Эрандел». Эта книга, вместе со своим продолжением «Вооруженный сброд» (1933), была первым историческим романом о Войне за независимость, завоевавшим огромную популярность. Неувядаемый успех «Эранделу» и «Вооруженному сброду» принесли мастерство повествователя, совмещающего захватывающее действие с точностью воссоздания исторической детали, что придает романам Робертса эффект исторической достоверности. Увлечательность повествования отодвинула на второй план для широкого читателя несколько, мягко говоря, нетрадиционную концепцию американской революции. Независимость американского национального характера герой-рассказчик, за которым стоит автор и которому он в романе доверяет выразить свою позицию, сводит к извечному духу противоречия или упрямству. Автор с презрением относится к Сыновьям свободы, собравшим весь городской сброд, иронизирует над их борьбой против налогов, учитывая, что сами они были неимущими, и объясняет их готовность бороться против англичан стремлением досадить отечественным купцам. Революцию породила, по мнению Робертса, анти-английская истерия, быстро охватившая широкие слои населения. Автор высмеивает революционный энтузиазм, отрицает существование высоких идеалов у восставших против английского владычества и видит побудительные силы революции в стремлении к увеличению прибылей у богатых купцов и к сведению счетов с имущими, а также к надежде что-то урвать для себя, у люмпенов. Подобная историческая концепция Робертса делает закономерным появление его третьего романа о Революции – «Оливер Уизуел» (1940), представляющего показ американской революции с точки зрения лоялиста.

Подобная философия истории американской революции была нехарактерна для исторического романа 1930-х гг. Более общепринята та ее концепция, которая получила развитие в выдающемся историческом романе У. Эдмондса «Барабаны над Могавком» (1937). Интересно отметить, что успех этого романа,

возглавившего список бестселлеров 1937 г., напрямую связан с сенсационной популярностью «Унесенных ветром», романом, открывшим дорогу американскому историческому роману к самой широкой аудитории и способствовавшим утверждению, узаконению исторического романа как жанра в американской литературе.

Созданный в самый разгар Великой депрессии и наступления фашизма по всему фронту, роман Эдмондса был призван вдохнуть в американцев мужество и уверенность в победе над тяжелыми жизненными обстоятельствами напоминанием о мужестве и стойкости их предков, отстаивших свою землю и право на свободу в сходных, по мнению автора, но еще более драматичных исторических условиях. У. Эдмондс так объясняет свой выбор темы: «Прошрое, изображенное в романе, совсем не кажется мне прошлым. Параллель с нашей жизнью самоочевидна. Люди долины (*Могавка. – Т.К.*) противостояли безрассудному Конгрессу и расстроенной финансовой системе, неизбежными последствиями чего были нищета и настоящий голод. Шаги, предпринятые ими, последовали с автоматической неизбежностью. Обращение за помощью, помощь оказана не была, и тогда пришло понимание, что человек, чтобы выжить, должен постоять сам за себя... Они пережили паралич жалкой зависимости от центрального правительства, абсолютно неспособного решить локальную проблему. И тогда ... эти люди собрали все свое мужество и поднялись на борьбу за свою жизнь и будущее. В схватке с численно превосходящими, прекрасно экипированными и обученными войсками эти фермеры одержали победу в последней битве долгой войны, сохранили свои дома и заложили основу великого и сильного общества»⁴.

Художественная задача, поставленная автором, определила пафос его романа, пафос прославления героической борьбы народа, поднявшегося на борьбу за свою землю и свои права. Этот пафос нашел выражение не только в философии истории Эдмондса, заключенной в романе, но и в идее истории, воссозданной в нем. Эдмондс показывает, насколько в начале Войны за независимость

его героям, простым фермерам, безразличны идеалы Революции и насколько мало они осведомлены о том, что происходит в стране. «Простой фермер, у которого мысли заняты сеном и пшеницей, понятия не имел, из-за чего шла война ... все, что он вспоминал, это начало 1775 г., когда Батлеры и Джонсоны вместе со своим шерифом Александром Уайтом проехали по всей долине, чтобы срубить шесть свобод, перед церковью Хекимера, так же, как перед этим они сделали в Канауаге»⁵. Перемены в настроении жителей долины Могавка начинаются после первых же налетов индейцев, инспирированных руководством британских войск и жившими в долине сторонниками Короны. «Впервые они начали понимать, что только они сами смогут защитить себя»⁶. Впрочем, пройдет немало времени, много тягот, лишений и похорон близких придется пережить фермерам долины, не раз они будут обмануты посулами Конгресса защитить их, прежде чем это понимание перерастет в конкретные действия и фермеры, организовавшись в отряды милиции, в бою с врагом ощутят, что «они могут постоять за себя»⁷. Эдмондс мастерски показывает, как в боях за свою землю и независимость рождается новое чувство родины, которая для них уже тесно связана с совершающейся революцией. И вот уже герой романа Джил, фермер и только фермер до мозга костей, при виде американского флага ощущает, что он «значит нечто большее, чем флаг Континентальной армии»⁸, что он – его и знаменует победу и мир. В плане выражения авторской философии истории, того значения, которое он придает борьбе жителей долины Могавка в ходе Войны за независимость, знаменательно совпадение маленькой победы фермеров, разбивших армию Батлера и очистивших т.о. долину Могавка от врага, с победой большой, победой Вашингтона над войсками Корнуоллиса в Виргинии. По мысли Эдмондса, победа американцев в Войне за независимость и образование

⁴ *Edmonds W. Drums along the Mohawk. Boston, 1938. P. IX.*

⁵ *Edmonds W. Drums along the Mohawk. Boston, 1938. P. 168.*

⁶ *Ibid. P. 194.*

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Ibid. P. 446.*

американской нации не были бы возможны без подобных «малых» побед, без активного действия на новой основе широких народных масс.

Героический пафос романа не помешал Эдмондсу в выражении главного тезиса его философии истории, тезиса антагонизма государства и простых людей, проявившегося еще на стадии формирования этого нового якобы демократического государства, что нашло отражение во внутреннем конфликте романа: жители романа против центрального правительства, которое не желает их защищать, но обирает и разоряет. С первых страниц романа получает развитие авторская мысль о том, что революционная борьба против Короны ведется только в экономических интересах купцов-янки, до местных жителей (в основном потомков немцев и датчан) революционному правительству дела нет, они предоставлены сами себе, их выживание становится их личным делом. Жители долины просят защиты от грозящих рейдов индейцев и тори, а Конгресс упорен в укреплении никому не нужного форта Стэнуикс. Долина оголена против неприятеля. С едкой иронией рисует Эдмондс командование Континентальной армии. Чтобы как-то среагировать на разорение долины, которое можно было предвидеть и предотвратить оно разоряет поселение дружественных американцам индейцев. Он высмеивает медлительность, позволившую враждебным племенам ускользнуть, нерасторопность, непродуманность действий, склонность к бюрократическим отпискам. Автор показывает, что их бессмысленная жестокость к индейцам приуготовила жителям Долины безжалостный террор, которому после ухода Континентальной армии индейцы подвергли долину. В изображении Эдмондса, война ведется за счет народа, хотя его и не защищают.

За свою службу в рядах милиции и за свои раны люди получили гроши, надменный чиновник, выдававший им деньги, настаивает на том, что он действует от имени Конгресса. Грабительский налог, установленный Конгрессом на издавна принадлежавшие жителям долины землю и строения, разорил почти всех. Горькой иронией окрашиваются в контексте романа слова, сказанные в замешательстве одним из фермеров: «Я думал, что причина, по которой в Бос-

тоне начали войну, и была в том, чтобы нам не пришлось платить налогов»⁹. Когда же жители долины, благодаря своему мужеству и стойкости, ценой тяжелых жертв очистили долину от врага, бразды правления снова захватили новоанглийские штаты.

Концепция американской революции, воплощенная в романе Эдмондса, по сути, предваряет концепцию американской революции, выраженную Гором Видалом в «Бэрре»: «Богачи придерживались проанглийской ориентации, а беднякам было безразлично, платят американские купцы налоги далекому острову или нет. Честно говоря, кроме горстки честолюбивых адвокатов, патриотов в 1775 г. было очень мало»¹⁰.

Философия истории Эдмондса включает в себя осознание Войны за независимость как войны гражданской, войны, вызванной не в последнюю очередь столкновением классовых интересов. Один из героев романа, Херкимер, ставший предводителем милиции долины, так характеризует грядущую войну: «У нас будет хотя бы одна большая битва. Все внутри семьи, Джо. Мы и Джонсоны. И никаких солдат. Считай, что это и не война вовсе». Подобная концепция Войны за независимость как войны гражданской, вызванной классовым антагонизмом, могла появиться у Эдмондса под влиянием революционизирующей атмосферы «красных 1930-х» с их невиданным всплеском левого радикализма. Осмысление истории Эдмондсом вновь позволило американскому историческому роману обогнать американскую историографию, большинство представителей которой еще в 1950-1960-х гг. разрабатывала тезис, что американская революция не была революцией с социально-политической точки зрения, что роль ее якобы состояла в упрочении демократической традиции, зародившейся в XVII веке, в сохранении демократических институтов, что рождал демократию не было необходимости – она существовала с начала возникновения колоний (школа Брауна).

⁹ Ibid. P. 448.

¹⁰ Видал Г. Бэрр // Иностранная литература. 1977. №7. P. 49.

Мысль о классовом характере Войны за независимость станет основной в философии истории крупнейшего американского исторического романиста Говарда Фаста, в его осмыслении Войны за независимость.

Восхищаясь стойкостью и мужеством своих героев, Эдмондс предпочитает находить вполне материальное обоснование для их патриотизма и выбора своего места в борьбе колоний, словно чуждаясь и не доверяя возвышенным идейным мотивам, более того, высмеивая их. Его герои-фермеры сражаются не за высокие патриотические идеалы, а ради выживания – иначе победившие сторонники Короны «шкуру с них спустят»¹¹. Джо Болео, неоценимый следопыт и проводник отрядов милиции и Континентальной армии, без которого победа над английскими войсками и индейцами была бы невозможна, в своем выборе сторон руководствовался не патриотическими мотивами, а соображениями выгоды: его, охотника, ущемляли притязания англичан на регулирование торговли с индейцами и цен на пушнину, иначе он примкнул бы к Джонстонам. Только на здоровой основе материального интереса, считает Эдмондс, может произрасти честный патриотизм. Фанатиков идеи автор опасается, и не зря. Для понимания философии истории автора особое значение приобретает эпизод с Джоном Вулфом, содержателем трактира. В день военных сборов подвыпившие фермеры врываются в богатый дом одного из сторонников Короны, грабят, учиняют там разгром, а затем, чтобы не отвечать за содеянное, арестовывают Джона Вулфа, известного своими проанглийскими симпатиями, по обвинению в пособничестве шпиону, следы пребывания которого они обнаружили на чердаке разграбленного дома. То, что они пришли в дом инакомыслящего, освободило их от следования моральным догмам и от угрызений совести; а, стремясь снять с себя ответственность за незаконные действия, они, прикрываясь патриотическими мотивами, арестовывают ни в чем не повинного человека. Доказательств вины Вулфа нет никаких, но тенденциозный суд приговаривает его к расстрелу, фактически, не за действия, а за политические убеждения, за инакомыслие. В аресте и в вынесении ему приговора особенно усердствует учитель

МакНод, неприязнь к которому автор не скрывает. Капитан Демус, человек более высокого интеллекта, чем окружающие, которому автор доверяет здесь высказать свою точку зрения, предупреждает, что МакНод будет еще причиной многих бед, потому что «он действительно патриот. Для меня патриотизм значит не многое»¹². Автор, конечно же, не против патриотизма, но он не приемлет политического экстремизма ни в каком его виде, чем бы он ни был продиктован, мотивами ли сверхпатриотическими или обратными, и всей логикой развития образов и действия в романе показывает, что политический экстремизм порождает беззаконие, нарушение прав человека, произвол. Так философия истории Эдмондса соприкасается с бурной историей 1930-х гг.

В рамках литературной традиции роман Эдмондса явился одним из ближайших продолжений темы, начатой романом С. Льюиса «У нас это невозможно» и ставшей затем магистральной в американской литературе – темы предупреждения современников против угрозы фашизации жизни в самих Соединенных Штатах.

Описание битв в романе выдержано в традиции Стивена Крейна, предшествующих исторических романов 1920–1930-х гг., литературы «потерянного поколения». Эдмондс подчеркивает ужас, варварство и бессмыслицу войны, ожесточающей людей и заставляющей их бесцельно уничтожать друг друга. Его особое неприятие вызывают акты политической мести, выражающиеся в убийстве невинных. С возмущением рассказывает он о том, как после одного из рейдов индейцев солдаты милиции в отместку сожгли среди ночи поселение приверженцев Короны, издевались над их женами и детьми. Для выражения своей позиции трижды обращается автор к одному и тому же эпизоду – рейду армии и милиции, предпринятому против индейцев, показывая его то глазами индейца Синяя Спина, то через восприятие Джила, то – Джона Уивера. Подобный фолкнеровский прием (множественность точек зрения на одно событие) не только помогает автору воссоздать стереоскопическую картину действительно-

¹¹ *Edmonds W. Drums along the Mohawk. Boston, 1938. P. 83.*

¹² *Ibid. P. 86.*

сти и более полно выразить свою концепцию события, а через него – свою философию истории, но и делает возможным воссоздание идеи истории людей, участвовавших в ее сотворении. Индеец, тайно следующий за армией, потрясен видом сожженных городов, убитых животных, уничтоженных посевов, изнасилованных и зверски убитых затем молодых индианок. Индеец перестает понимать белого человека.

Добропорядочный фермер Джил, любящий муж и заботливый отец, вернувшись из похода, походя говорит жене о карательной экспедиции: «Мы сожгли города. Взяли пленных. Ничего особенного, только много пришлось маршировать»¹³. И только умудренный жизненным опытом Джон Уивер осуждает жестокость против индейцев, да и то потому, что в дальнейшем они будут жестоко мстить белому населению. По мысли автора, индейцы нравственно гораздо выше белых, даже в своих проявлениях жестокости.

Отношение к индейцам – важный момент, определяющий мировосприятие людей изображенной в романе эпохи и региона, фронтисменов, живущих с индейцами в постоянном контакте. Эдмондс показывает, насколько психология завоевателей, истинных хозяев земли стала частью национального сознания. Джо Болео, до сих пор с любовью вспоминающий свою жену индианку и с ностальгией – те времена, когда индейцы были дружелюбно настроены к белому человеку и охотно отдавали ему своих дочерей в жены, неожиданно заключает свой идиллический рассказ о счастливой жизни с женой: «В индейцах нет ничего хорошего. В этой стране жилось бы гораздо лучше, если бы не индейцы»¹⁴.

В своем романе Эдмондс раскрывает национальные, этнические конфликты, существовавшие при рождении нации. Янки не любят местное население, а Лана, жена Джила, отстаивая невинно осужденного Вулфа, с презрением бросает в ответ на рассказ о бесчинствах янки по отношению к женам и доче-

¹³ *Edmonds W. Drums along the Mohawk. Boston, 1938. P. 466.*

¹⁴ *Ibid. P. 322.*

рям Тори: «Мы – не янки»¹⁵, выражая этим укоренившуюся в долине Могавка точку зрения.

Исторический роман Эдмондса отразил наболевшие проблемы эпохи, в которую он был создан; интерпретация истории в «Барабанах над Могавком» своим пафосом прославления активного политического действия широких народных масс и обличения социального антагонизма, проявившегося еще во времена Революции и Войны за независимость, заложенного в основу американского государства, подготовила почву для появления исторических романов Говарда Фаста об американской революции.

¹⁵ Ibid. P. 82.

Т.М. Данилина

Вариативность использования урбанистического пейзажа в трилогии Джеймса Т. Фаррелла «Стадс Лониган» (1932–1935)

The article is devoted the problem of reflecting urban landscape in the life and fate of the main hero Studs Lonigan in James T. Farrell's trilogy. The appearance of the city strongly deals with the subject of the novel.

Джеймс Томас Фаррелл (1904–1979)¹, ученик и друг Теодора Драйзера, американский писатель, публицист и критик, вошел в историю литературы США прежде всего как автор нашумевшей в «красные тридцатые» трилогии о Стадсе Лонигане: «Юный Лониган» (Young Lonigan, 1932), «Молодые годы Стадса Лонигана» (The Young Manhood of Studs Lonigan, 1934), «Судный день» (The Judgment Day, 1935)). Это произведение было первым в «большой прозе» Фаррелла и послужило для писателя своеобразной творческой лабораторией. Именно в нем были намечены темы, идеи, метод и стиль будущей чикагско-нью-йоркской «саги» американского прозаика, объединившей в себе трилогию о Стадсе Лонигане, пенталогию о Дэнни О'Ниле, трилогию о Бернарде Кэрре и множество рассказов. В основу большинства произведений лег личный опыт автора, на протяжении всего творческого пути исповедовавшего принцип: писать только о том, что хорошо знаешь сам. В свете этого неудивительным выглядит то, что местом действия трилогии о Стадсе Фаррелл выбирает Чикаго, город, знакомый ему с отроческих лет, когда он пятнадцатилетним подростком переехал сюда вместе с родными.

Чикаго Фаррелла отличается от образа этого города, скажем, у того же Драйзера в «Трилогии желания». Если Драйзер изображает город растущим,

¹ См. о нем: Писатели США. Краткие творческие биографии / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 1990. С.508-510; Данилина, Татьяна Михайловна Своеобразие художественного метода Дж.Т. Фаррелла в трилогии о Стадсе Лонигане Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995; Beach J.W. American Fiction, 1920-1940. N.Y., 1941; Kazin A. On Native Grounds: An Interpretation of Modern American Prose Literature. N.Y., 1956; Branch E.M. James T. Farrell. Chicago, 1971; Wald A.M. The New York Intellectuals. N.Y., 1987; http://en.wikipedia.org/wiki/James_T._Farrell.

обновляющимся, поражающим воображение своей мощью и размахом перемен, то у Фаррелла на Чикаго совершенно иной взгляд. У Драйзера мы видим город конца самого начала XX века, когда Соединенные Штаты переживали небывалый экономический подъем. Действие же фаррелловской трилогии происходит в 1916–1931 гг., время, когда «американская мечта» часто оборачивалась «американской трагедией». Избрав для трилогии о Стадсе в качестве главной проблемы вопрос о взаимовлиянии среды и личности, Фаррелл-натуралист в первых двух частях намеренно сужает драйзеровскую панораму Чикаго до описания Саут-Сайда – небольшого района, населенного ирландцами-эмигрантами, представителями нижнего среднего класса. Заметим, что локализация места действия тоже обусловлена биографией писателя (его юность прошла в Саут-Сайде) и уже упомянутым выше принципом достоверности. Тщательное описание урбанистических пейзажей, нравов и быта населяющих этот район людей, среди которых живет и воспитывается протагонист цикла романов о Стадсе, помогает писателю в его стремлении показать атмосферу жизненной стагнации, пропитывающей в изображаемой им среде все – от идеологии до личных взаимоотношений. Жизнь Стадса, его поиски себя – это не только история конкретного индивидуума, но и воплощение разрушительного влияния окостенелой обыденности среды на личность вообще.

Саут-Сайд в трилогии о Стадсе выступает сразу в двух ипостасях: как место действия и как символ. Детализация пейзажных зарисовок, предоставление читателю возможности точно определить местоположение героя, прочная привязка события к тому или иному месту используются писателем-натуралистом и как средство «документализации» происходящего, создающей впечатление жизнеподобия. В то же время, при всей точности, описание места действия писателем достаточно сжато, можно сказать – пунктирно. Возникает впечатление присутствия в художественной ткани произведения некой системы координат, по одной из осей которой размечается время, а по второй – пространство.

На город мы смотрим глазами самого Лонигана, чему способствует используемый автором прием интроспекции, превращающий непримечательность

и серость мирка Саут-Сайда с его однотипными многоквартирными домами, пыльными улицами, неизменными биллиардной, аптекой и пивной в «метафоре ума» героя. Серость и убогость духовного мира Саут-Сайда как бы отразились в тусклых красках, покрывающих здания в этом районе. Относительное однообразие архитектуры символизирует обезличенность населяющих эти здания персонажей. Автору удастся создать почти физическое ощущение удушающей атмосферы, воспитывающей Стадса среды, история воспитания превращается в рассказ о саморазрушении личности под влиянием духовного и материального окружения.

Символика городских пейзажей дает ключ к разгадке значимости цветовой гаммы, используемой писателем. Цвета контрастируют, их можно четко разделить на темные, мрачные, холодные и – светлые, радостные, теплые. Все, что связано с Саут-Сайдом, окрашено в серый, черный, грязно-бурый, коричневый цвета. Эти мрачные тона символизируют невежество, одиночество, беспричинную жестокость и страх, в атмосфере которых живет Стадс Лониган. Описание природы (Вашингтон-парка, озера Мичиган) как единственной среды, в которой протагонист сбрасывает маску «крепкого парня» и позволяет проявиться своей инстинктивной тяге к прекрасному, создается с помощью зелено-голубой палитры. Голубой и красный цвета связаны и с образом возлюбленной Стадса – Люси. Встречи и расставания с этой героиней становятся в трилогии своеобразными вехами, означающими прохождение Лониганом очередного этапа становления его личности.

В завершающем трилогию романе «Судный день» автор расширяет место действия. В первых двух частях, написанных по жанровым законам «романа воспитания», нарушение героем границ локального места действия, района Саут-Сайд, пока лишь эпизодично. Фаррелл заинтересован в неизменности «декораций», которая помогает ему создать образ рутинности и застывленности среды, воспитывающей юного Лонигана. Пространственно-вещные символы становятся знаками определенных жизненных установок и ценностей, образа жизни и мысли главного героя и воспитывающей его среды. В третьем романе ме-

стом действия становится весь Большой Чикаго времен Великой Депрессии. Размах и ширь огромного города лишь подчеркивают беспомощность и инфантильность Стадса, затерянного в этом пугающем масштабностью проблем и во многом непонятном для героя урбанистическом мире. Личностное и социальное тесно переплетаются, образуя трагический узор неудавшейся жизни героя, которая заканчивается в финале смертью. Камерность сменяется эпичностью, вызванной желанием автора рассказать об Америке и ее народе в эпоху экономического кризиса, за индивидуальной судьбой показать трагедию нации. Меняется и жанр: третья часть написана в жанре социального романа.

Образы города и в третьем томе трилогии не перестают быть «метафорами ума» Лонигана, потому что не только очерчивают границы места действия, но и, пропущенные через сознание героя, получают окраску его эмоционального состояния в этот момент. Как это, например, происходит в сцене объяснения Стадса с Кэтрин в четвертой части второй главы «Судного дня»². Стадс впервые в жизни делает предложение, он взволнован новизной нахлынувших на него чувств, и все окружающее видит как бы впервые: «Впереди было широкое цементное шоссе, окаймленное горящими электрическими фонарями, и вдалеке – окруженный замерзшей, покрытой снегом землей Букингемский фонтан с живыми струями воды, переливающимися разноцветными огоньками. Прогуливаясь по мосту, справа от Института искусств, он увидел всю эту панораму перед ним, как если бы это было в первый раз»³.

Совсем другие краски использует автор в первой главе романа, когда Стадс обуреваем мыслями о близкой смерти (смерть – один из главных лейтмотивов произведения): «Снаружи он видел поля, голые, мокрые, скользкие в сгущающемся мраке, как бы засыпающие в пустоте. Ночь покрывала их, как застегнутое на все пуговицы пальто, сшитое из темноты. И такое же одеяние, но из еще более тяжелого мрака, окутывало его собственные мысли»⁴.

² Farrell J.T. Judgment Day // Farrell J.T. Studs Lonigan. N.Y., 1958. P. 462-467.

³ Ibid. P. 462-463.

⁴ Ibid. P. 437.

В одном из предисловий к многочисленным изданиям трилогии Фаррелл писал, что его целью было «правдивое произведение, рассказывающее о том, как в его время (20-е – 30-е гг. XX в. – Т.Д.) люди жили, страдали, радовались и умирали»⁵. Так и была воспринята книга «Стадс Лониган», принеся писателю заслуженную славу. Во многом успешность достижения автором поставленной цели объясняется его мастерским использованием новаторских и достаточно традиционных средств изображения, среди которых одним из важнейших становится городской пейзаж. Фаррелл-урбанист создает осязаемый, объемный, объективный портрет города, неотделимый от эпохи, и в то же время глубоко личный, переданный через восприятие протагониста и других персонажей трилогии.

⁵ Farrell J.T. James Farrell on James Farrell // New Republic. Vol. CIII. October 28. 1940. P. 596.

Создание и деятельность Комитета политических действий в США в 1943–1944 гг.

The article is devoted to the examination of the political activity of American labor during the Second World War. The author analyses the causes of the creation of the Political Action Committee, its organizational structure, its aims and strategy in the elections of 1944. The attention is also paid to the main functions of the Political Action Committee, including its educational work, its registration and financial campaigns, and to its cooperation with other labor institutions.

Вступление США во Вторую мировую войну серьезно повлияло на изменение стратегии и тактики борьбы американских профсоюзов в защиту социально-экономических прав рабочих. После нападения Японии на США 7 декабря 1941 г. профсоюзы и рабочее движение в целом оказали безоговорочную поддержку правительству Ф. Рузвельта, объявившего войну державам «оси». Профсоюзы заявили о своей готовности сделать все для разгрома фашизма. Они одобрили мероприятия правительства, направленные на наращивание темпов и объема военной продукции, высказались за военное сотрудничество с СССР в деле разгрома фашизма, за скорейшее открытие второго фронта.

И Американская федерация труда (АФТ), и Конгресс производственных профсоюзов (КПП), два главных центра, объединявших большинство профсоюзов страны, поддержали идею национального единства в борьбе с фашизмом и безоговорочно одобрили все усилия государства для разгрома нацизма.

Выступив в целом за установление «национального единства» в качестве первостепенного условия успешной войны против мирового фашизма, лидеры профсоюзов считали признание ведения войны своим важнейшим делом при условии, во-первых, сохранения трудового законодательства «нового курса», а во-вторых, на основе добровольного урегулирования трудовых споров с учетом требований рабочих. Для бесперебойной работы военного производства во имя победы над фашизмом, рабочие были готовы пойти на определенные жертвы – отказаться от стачек.

На состоявшейся 17–23 декабря 1941 г. конференции профсоюзов и предпринимателей, созванной Ф. Рузвельтом для достижения соглашения о недо-

пущении остановок производства из-за трудовых конфликтов на время войны, профсоюзные делегаты подтвердили отказ от стачек и согласились передавать вопрос разрешения конфликтов на арбитражное решение специального управления из представителей профсоюзов, предпринимателей и «общественности».

Однако надежды профсоюзов на относительную справедливость рабочей политики государства во время войны оказались тщетными, что продемонстрировала политика администрации Рузвельта в области регулирования заработной платы, которая стала самым важным аспектом трудовых отношений в годы войны. Начавшийся военно-промышленный бум способствовал, с одной стороны, баснословному росту прибылей крупного бизнеса, а соответственно, и платежеспособности предпринимателей, а с другой стороны, стремительному росту цен, в том числе на товары первой необходимости. В то же время война началась в условиях, когда в стране существовали миллионы безработных, а ставки заработной платы большинства работающих были чрезвычайно низкими. Необходимость более решительной борьбы рабочих за повышение базовых ставок оплаты труда естественно встала на повестку дня.

В условиях отказа рабочих от забастовок в решении вопроса о заработной плате очень многое зависело от позиции правительства Ф. Рузвельта, которое фактически встало на путь авторитарного администрирования в области трудовых отношений в годы войны. Ф. Рузвельт поддержал в этом вопросе предпринимателей, которые, заботясь прежде всего об извлечении наибольшей прибыли, стремились переложить основное бремя войны на плечи трудящихся. Во-первых, рабочих лишили голоса при решении важнейшего вопроса трудовых отношений - заработной платы. Он разрешался не путем арбитража с участием профсоюзов, а предписаниями сверху. Во-вторых, правительство Ф. Рузвельта фактически взяло курс на замораживание заработной платы, которое осуществлялось в соответствии с узаконенной в октябре 1942 г. формулой «малой стали»¹. Согласно ей, допускалось, что с 1 января 1941 г. до мая 1942 г. стоимость

¹ См. подробнее: *Сивачев Н.В.* Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974. С. 147–179.

жизни возросла на 15%. Это значило, что базовые ставки оплаты труда можно было повышать в этих 15-процентных пределах. Профсоюзы не имели права требовать увеличения оплаты труда сверх 15%, даже если платежеспособность предпринимателей позволяла идти на это.

В результате проведения государством такой политики базовые ставки заработной платы, по официальным данным, с января 1941 г. по июль 1945 г. возросли на 24% за счет незначительных послаблений в формуле «малой стали», а стоимость жизни за это время поднялась на 32%². Это было неблагоприятным соотношением двух важнейших экономических показателей и явилось крупной победой предпринимателей над трудящимися, достигнутой с помощью государства, что не могло не вызвать сопротивления профсоюзов.

С началом войны ожесточились нападки консервативных сил США на трудовое законодательство «нового курса». Окрепшие не только в экономическом отношении, но и восстановившие свою сильно пошатнувшуюся в 30-е годы социальную репутацию, предприниматели яростно выступали за коренное ослабление профсоюзов как института, утверждая, что их деятельность мешает эффективному функционированию военного производства. В стране развернулась мощная антирабочая кампания, которая преследовала цель подготовить общественное мнение страны к принятию антипрофсоюзных законов. В июне 1943 г. через президентское вето конгресс одобрил закон Смита-Коннэлли о порядке урегулирования трудовых конфликтов в военное время. Данный закон затруднял объявление стачек на предприятиях, осуществлявших производство военной продукции, объявлял уголовным преступлением всякое содействие забастовке в том случае, если охваченное стачкой предприятие переходило в управление правительством, и запрещал профсоюзам вносить вклады в избирательную кампанию лиц, добивавшихся избрания на федеральные должности. Естественно, что данный антирабочий закон не мог не вызвать осуждения со стороны профсоюзов.

² Сивачев Н.В. Указ. соч. С. 175.

В итоге профсоюзы, отказавшиеся от такого действенного оружия борьбы, как стачки, вынуждены были искать другие эффективные методы защиты интересов рабочих против наступления предпринимателей. И таким эффективным инструментом в условиях широкомасштабного государственного вмешательства в экономику и социальные отношения, по мнению руководителей профсоюзов, должна была стать активная политическая деятельность организованных рабочих. Один из лидеров Конгресса производственных профсоюзов С. Хилмэн, убеждая членов профсоюзов сделать более активным свое участие в политической жизни страны, утверждал, что рабочие больше не могут решать свои ежедневные проблемы за столом переговоров с предпринимателями, что вопросы забастовочной платы, продолжительности рабочего дня, условий труда начинают в значительной степени зависеть от политики, одобренной конгрессом и администрацией президента, и профсоюзы тогда должны влиять на характер этой политики³. Для этого рабочим предлагалось создать политическую организацию, используя механизм, которой профсоюзы могли, во-первых, участвовать в выборах, содействуя избранию прогрессивных президентов страны и членов конгресса, а во-вторых, влиять на принятие тех или иных законопроектов в высшем законодательном органе США. Подобная независимая политическая организация – Беспартийная рабочая лига (БРЛ) – была создана профсоюзами еще в 1936 г.⁴ Ее председателем и казначеем являлись соответственно Дж. Льюис и С. Хилмэн. БРЛ сыграла важную роль в мобилизации голосов рабочих на поддержку Ф. Рузвельта на президентских выборах 1936 г., содействовала избранию прогрессивных кандидатов в конгресс на промежуточных выборах 1938 г., выступала как влиятельная политическая сила, оказывающая давление на членов конгресса с целью одобрения важных законопроектов в 1936–1939 гг. Однако, переживая кризис в 1939–1940 гг. и в результате утратив статус национальной политической организации профсоюзов, Беспартийная ра-

³ См.: *Fraser S. Sidney Hillman: Labor's Machiavelli // Labor Leaders in America / Ed. by M. Dubofsky and W. Van Tine. Urbana-Chicago, 1987. P. 227.*

⁴ См. подробнее о деятельности Беспартийной рабочей лиги: *Корякова И.К. США: профсоюзы и политическая борьба (1936 - 1941 гг.). Изд-во Мордов. ун-та, 1991.*

бочая лига в 1941 г. превратилась фактически в политическую организацию одного профсоюза – профсоюза горняков, который в 1942 г. вышел из КПП, и профсоюзы остались без политического института, через посредство которого раньше участвовали в политике.

И тогда на заседании исполкома КПП в ноябре 1942 г. глава Конгресса производственных профсоюзов Ф. Мэррэй вновь поставил вопрос о политической позиции КПП. Для этого решено было создать специальный Законодательный комитет в рамках КПП и назначить туда трех наиболее политически активных лидера этого профсоюзного центра: Н. Коузена, главного лоббиста КПП в конгрессе США, Р. Уэлша, главу Исследовательского департамента КПП, и Дж. Брофи, директора советов производственных профсоюзов в штатах. И уже 30 декабря 1942 г. они подготовили доклад, в котором проанализировали негативные последствия ухода КПП с политической арены после 1940 г. в связи с кризисом БРЛ как национальной структуры, а также обосновали необходимость немедленных действий по восстановлению политических организаций КПП на местном уровне и возрождению политического органа КПП в национальном масштабе⁵.

8 января 1943 г. Ф. Мэррэй созвал специальную законодательную конференцию всех профсоюзов КПП для обсуждения и принятия решения по представленному докладу. А уже на заседании исполкома КПП, 7 июля 1943 г. было окончательно решено создать политическую организацию профсоюзов – Комитет политических действий (КПД). Президент профсоюза швейников С. Хилмэн и президент профсоюза автомобилестроителей Р. Томас были избраны, соответственно, председателем и секретарем КПД. Ван Биттнер стал вице-председателем, а Ш. Далримпл и Э. Фитцджералд – членами КПД. Но движущей силой⁶ КПД оставался С. Хилмэн.

⁵ См.: *Foster J. The Union Politic: The CIO Political Action Committee.* Baton Rouge, 1975. P. 6-7.

⁶ См.: *Gaer J. The First Round. The Story of the CIO Political Action Committee.* N.Y., 1944. P. 60, 65.

В документах Комитета политических действий подчеркивалось, что КПД, хотя и получал статус постоянной политической организации, не являлся «профсоюзной партией» или «третьей партией». Выступая в конгрессе США в августе 1944 г., С. Хилмэн объяснял: «Мы не заинтересованы в утверждении третьей партии, т. к. третья партия послужила бы скорее разъединению, чем объединению сил прогресса. Мы не являемся придатком какой-либо главной политической партии»⁷.

Задачей КПД провозглашались «мобилизация пяти миллионов членов КПП и привлечение активной поддержки всех других профсоюзов, АФТ, железнодорожных братств»⁸ для избрания на выборах 1944 г. Ф. Рузвельта президентом страны и «прогрессивного конгресса».

Участие КПД в избирательной кампании определял разработанный КПП к июню 1944 г. документ, получивший название «Программа народа на 1944 год». В этом документе разъяснялась позиция профсоюзов по основным пунктам внутренней и внешней политики США. Главной целью рабочих объявлялось достижение «полной и окончательной победы», «искоренение фашизма, нацизма и японского империализма»⁹. В программе ставились задачи добиваться гарантий права каждому гражданину США, независимо от расы, профессии и вероисповедания, получать заработок, обеспечивающий «приличные» условия жизни, «права на адекватное медицинское обслуживание», «права на хорошее образование», «права на адекватную защиту от экономического страха перед старостью, болезнью, несчастным случаем и безработицей»¹⁰.

Профсоюзы предлагали установить «справедливое» соотношение между заработной платой, ценами и прибылями, а как следствие считали необходимым разморозить заработную плату, установить «эффективный контроль за ценами и платой за жилье», повысить налоги на прибыль корпораций и высокие

⁷ Gaer J. Op. cit. P. 238.

⁸ Ibid. P. 60.

⁹ People's Program for 1944 // Gaer J. Op. cit. P. 192.

¹⁰ Ibid. P. 199.

личные доходы граждан¹¹. КПП настаивал на строительстве за государственный счет как минимум 1,5 млн. жилищ в год в течение 10-летнего периода для обеспечения граждан США жильем. Профсоюзы предлагали и создание государственной системы медицинского страхования и настаивали на принятии конгрессом билля Вагнера-Мэррэя-Динджелла как важного шага на пути к достижению этой цели¹².

КПД в 1944 г. полагался на очень простую избирательную стратегию – избрать президента страны и конгресс, которые смогли бы воплотить программу профсоюзов в жизнь. Ни один из четырех претендентов на пост кандидата в президенты от республиканской партии (губернатор Нью-Йорка Дьюи, генерал Д. Маккартур, юрист и бизнесмен У. Уилки, губернатор Огайо Дж. Брикер) не являлись приемлемыми фигурами для профсоюзов. С одной стороны, они не имели такого либерального прошлого, как Ф. Рузвельт, с другой, никто из них не пошел бы на одобрение каких-либо пунктов из программы КПД для получения голосов членов профсоюзов.

Еще задолго до начала избирательной кампании КПД не скрывала, что кандидатом, который получит поддержку профсоюзов на выборах, будет Ф. Рузвельт. 27 июля 1943 г. С. Хилмэн обратился с личным письмом к президенту страны, в котором просил о встрече для изложения политической программы КПП. Подчеркивая, что единственная цель Комитета политических действий заключалась в избрании конгрессменов, которые поддерживали Ф. Рузвельта, С. Хилмэн заявлял, что КПП и демократическая партия могли бы стать взаимно дополняющими друг друга политическими инструментами¹³.

Для избрания Ф. Рузвельта президентом страны, с одной стороны, и членов конгресса, поддержавших его и программу профсоюзов, с другой стороны, КПП планировал создать разветвленную структуру КПД с влиятельными филиалами на местах, провести активную кампанию по просвещению избирателей

¹¹ См.: People's Program for 1944 // *Gaer J. Op. cit.* P. 204.

¹² *Ibid.* P. 209.

¹³ См.: *Foster J. Op. cit.* P. 22.

и их регистрации и, конечно, организовать сбор финансовых средств, необходимых для осуществления политической деятельности профсоюзов.

9 сентября 1943 г. был одобрен план создания разветвленной структуры КПД. Этот план предполагал учреждение штаб-квартиры КПД в Нью-Йорке и его офиса в Вашингтоне и создание 14 региональных отделений КПД, которые охватывали все 48 штатов США. Региональные отделения КПД создавались для лучшей координации политической деятельности профсоюзов в ключевых штатах страны. Огромную работу для их создания проделал С. Хилмэн, колеся по всей стране, выступая с бесчисленными речами и радиообращениями, проводя предварительные конференции¹⁴. В рамках КПД были созданы и специальные подразделения по работе с женщинами, афро-американцами, молодежью, а также научные, радиобюро, бюро ораторов.

Более серьезные проблемы возникли у профсоюзов с финансированием их политической деятельности, т. к. закон Смита-Коннэлли запрещал организованным рабочим «делать взносы в связи с любыми выборами»¹⁵ на федеральные должности. И Комитет политических действий должен был изыскать легальные пути финансирования своей работы. Юридический советник КПД Джон Эбт считал, что использование профсоюзных взносов было законодательно оправдано в двух случаях. Во-первых, если они тратились, с одной стороны, на памфлеты, радио и другую «просветительскую деятельность», а с другой стороны, на оплату работы штата служащих КПД, на оборудование офисов, на дорожные расходы, на канцелярские принадлежности, т. е. не направлялись напрямую кандидатам на выборах. Во-вторых, как объяснял Дж. Эбт, взносы профсоюзов были приемлемые, если они расходовались на поддержку кандидата до его выдвижения той или иной партией на выборах. Для финансирования деятельности КПД на поддержку кандидата после его выдвижения партией предлагалось провести кампанию по сбору добровольных по-

¹⁴ См.: *Fraser S. Labor Will Rule. Sidney Hillman and the Rise of American Labor.* N.Y., 1991. P. 511.

¹⁵ *Foster J. Op. cit.* P. 24.

жертвований в размере одного доллара с члена профсоюза, что не запрещалось законом Смита-Коннэлли.

Сразу же после создания в июле 1943 г. Комитета политических действий большинство национальных профсоюзов КПП выделило на его деятельность сумму в размере около 700 тысяч долларов. Причем четыре профсоюза – швейники, автомобилестроители, сталелитейщики и электрики – внесли по 100 тысяч долларов¹⁶. К 23 июля 1944 г. КПД потратил из этой суммы 371 тысячу долларов, остальные 300 тысяч долларов «заморозил» до 7 ноября 1944 г. (день выборов)¹⁷. Причина этого заключалась в том, что до 23 июня 1944 г. КПД был вовлечен в «чисто просветительскую работу»¹⁸, цель которой состояла в разъяснении рабочим вопросов избирательной кампании, в убеждении их регистрироваться и голосовать, в объяснении того, почему они должны наносить поражение «реакционным конгрессменам» и почему выдвигать и голосовать на праймериз за Ф. Рузвельта. Но после того как 23 июня 1944 г. Ф. Рузвельт был выдвинут съездом демократической партии кандидатом на пост президента страны, оказание поддержки Ф. Рузвельту за счет средств из прямых взносов профсоюзов, уже противоречило закону Смита-Коннэлли.

Для того, чтобы осуществлять свою деятельность с 23 июля по 7 ноября 1944 г., КПД обратился к рабочим за добровольными пожертвованиями. Если бы каждый из 5 млн. членов КПП внес в фонд КПД 1 доллар, набралась бы достаточно внушительная сумма в 5 млн. долларов. Однако 28 августа 1944 г. КПД собрал только 17 тысяч долларов, а к 7 ноября 1944 г. – всего около 418 тысяч долларов, израсходовав из них на избирательную кампанию 403 тысячи долларов¹⁹. Кампания по сбору добровольных финансовых пожертвований фактически провалилась.

Ограниченные финансовые возможности КПД не могли не снизить эффективность его деятельности в таких сферах, как «просвещение» и регистра-

¹⁶ Gaer J. Op. cit. P. 177.

¹⁷ Ibid. P. 178.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid. P. 181.

ция избирателей. Для «просвещения» избирателей Комитет политических действий использовал главный печатный орган КПП – еженедельную газету «CIO News», а также, по мере возможностей, издания национальных профсоюзов. К тому же в рамках КПД было создано отделение публикаций, которое выпустило в 1943–1944 гг. 85 млн. экземпляров печатной продукции, включая буклеты и листовки. В этих публикациях КПД старался привлечь внимание избирателей-рабочих к широкому кругу волновавших их вопросов, таких как обуздание инфляции, размораживание заработной платы, доступность медицинского обслуживания, обеспечение дешевым жильем низкодоходные группы населения страны.

Важной задачей КПД считал и содействие регистрации как можно большего количества избирателей, т. к. в США для участия в выборах требовалась предварительная регистрация в создаваемых для этого местными властями структурах. Лидеры КПП справедливо полагали, что чем большее количество рабочих регистрируется, тем большее количество их придет на выборы и как результат, тем большее количество голосов будет отдано Ф. Рузвельту и нью-дилерам на всеобщих выборах 1944 г.

Задача главы КПД С. Хилмэна заключалась в привлечении как можно более широкой социальной базы своей организации, а соответственно, тех кандидатов, которых она поддерживала. С этой целью накануне избирательной кампании 1944 г. С. Хилмэн обратился к главе АФТ У. Грину с предложением объединить усилия двух профсоюзных центров (КПП и АФТ) на арене политической борьбы. У. Грин вынес рассмотрение этого вопроса на заседание исполкома АФТ. После долгого обсуждения члены исполкома приняли решение не вступать в союзы ни с какой группой или организацией и продолжать следовать своей традиционной политике в области политической борьбы. Эта политика фактически сводилась к отказу от активной политической деятельности. АФТ не имела своей политической организации, которая бы координировала политическую активность профсоюзов. Лишь периодически, начиная с 1906 г., только на период избирательных кампаний АФТ создавала Национальный бес-

партийный комитет, куда входили члены ее исполкома и ряд других функционеров. Этот комитет не имел постоянного статуса и прекращал свою деятельность сразу же после окончания выборов. Члены данного комитета рассматривали кандидатуры претендентов на пост сенаторов, членов палаты представителей и губернаторов страны. За исключением 1924 г., АФТ отказывались от участия в кампаниях по выбору президента страны, и соответственно Национальный беспартийный комитет не рассматривал кандидатов на пост президента страны. При этом АФТ руководствовалась принципом «беспартийности», который нашел свое выражение в лозунге «вознаграждения друзей и наказания врагов». Данный лозунг АФТ применяла по отношению к кандидатам двух главных партий страны – республиканской и демократической, оказывая поддержку на выборах тем из них, кто зарекомендовал себя в глазах рабочих как их «друзья», и голосуя против тех, кого считали «врагами», независимо от их партийной принадлежности. Определив круг кандидатов, требовавших поддержки рабочих, Беспартийный комитет рассылал в национальные профсоюзы и федерации труда штатов циркуляры с призывами активизировать политическую деятельность, а также с информацией о том, кто являлся «другом», а кто «врагом» профсоюзов. Этим часто и ограничивалась деятельность комитета. Он не создавал финансовых фондов на политическую деятельность профсоюзов, не занимался изданием и распространением специальной литературы, не организовывал митингов и кампаний в поддержку кандидатов, практически не информировал рабочих о главных вопросах избирательного процесса. Не привлекались и активисты для серьезной политической работы. Главный печатный орган АФТ «American Federationist» практически не освещал ни работу Беспартийного комитета, ни политическую деятельность федерации в целом. Более того, лидеры АФТ фактически не предпринимали серьезных усилий для того, чтобы направить голоса рабочих в поддержку определенного кандидата в конгресс. Они отдавали на откуп федерациям труда штатов инициативу проведения политических кампаний в поддержку тех или иных кандидатов. Федерации труда штатов имели право автономно друг от друга участвовать в политической деятельно-

сти, которая, естественно, в этом случае не могла быть достаточно эффективной.

Не получив согласия лидеров АФТ создать единый фронт политического действия американских рабочих, С. Хилмэну, тем не менее, удалось добиться реального сотрудничества с некоторыми национальными профсоюзами и местными отделениями профсоюзов, объединенных в федерацию. В результате «во многих районах страны было установлено единство по политическим вопросам между КПП и АФТ»²⁰. Так, ряд национальных профсоюзов АФТ одобрил кандидатуру Ф. Рузвельта на пост президента страны и фактически поддержал выдвинутую КПД «Программу народа на 1944 г.»²¹.

В результате, несмотря на то что выборы 1944 г. проходили в условиях резкого сдвига политического спектра американского общества вправо, Комитету политических действий удалось внести определенный вклад в мобилизацию организованных рабочих для обеспечения победы Ф. Рузвельта и умереннолиберальных сил США. Вместе с тем итоги выборов выглядели неоднозначно. «С одной стороны, – как отмечает российский исследователь А.С. Манькин, – демократы смогли сохранить контроль над исполнительной и законодательной властью... С другой стороны, если сопоставить результаты выборов 1940 и 1944 гг., нельзя не отметить значительного укрепления позиций «великой старой партии». Разрыв между партиями во влиянии на электорат сократился до минимума: с 25% в 1936 г. до 7,5% в 1944 г.»²². И хотя большинство профсоюзов осталось в сфере влияния демократической партии, в том числе благодаря активности КПД, в целом эффективность политической активности профсоюзов, на выборах в 1944 г. нельзя оценивать как высокую.

²⁰ U. E. Guide to Political Action. N. Y., 1944. P. 31.

²¹ Gaer J. Op. cit. P. 255.

²² Манькин А.С. «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США (1933 – 1952). М., 1990. С. 148.

О конституционной легитимации социально-экономических прав граждан в США (историко-правовые аспекты)¹

The author gives a new approach to American constitutional rights. He uses methods of Russian jurisprudence and theory of socio-economic rights to analyze U.S. Law system. Social and economic rights are subject to critics but many researches and judges defense the point of view about Constitutional Legitimation of social and economic rights.

Об актуальности темы свидетельствует не только значение юридического признания (обеспечения правовой защитой), но и роль культурных традиций, исторических обстоятельств, общественного согласия по вопросу о социально-экономических правах. В Конституции США положения о социально-экономических правах не закреплены. В XIX веке, когда к основным правам относили право на жизнь, политические свободы и право частной собственности, крайне странно было бы услышать, что право на пенсионное обеспечение должен иметь каждый гражданин. В XX веке большинство американцев сказали бы, что право на жизнь конституционно не закреплено (имея в виду и нормы о смертной казни в отдельных штатах), но эти же люди утверждали бы, что каждый в их стране имеет право на пенсию по старости. Сохраняет злободневность высказывание американского исследователя М. Перри о том, что «самым значительным из остающихся открытых вопросов в американском конституционном праве является вопрос о том, в какой степени Верховный суд, судебная власть в целом обладают компетенцией по формулированию и защите социальных и экономических прав»².

¹ Автор придерживается взгляда, согласно которому дефиниция «социально-экономические права» включает в себя не только группу социально-обеспечительных прав, но более широкий перечень прав (социально-трудовые, в сфере образования и здравоохранения, право частной собственности). Термин отражает содержание прав второго поколения, например, права на социальное страхование как приобретенного, «заработанного», порождающего обязательную (принудительную) реализацию. Право частной собственности не включается в перечень соц.-эконом. прав, относя его либо к «основным личным, либо к «экономическим».

² *Perry M. Constitution, the Courts and Human Rights // An Inquiry into The Legitimacy of Constitutional Policymaking by the Judiciary. New Heaven (Conn.), 1982. P. 420.* В тексте «to formulate and to implement» – «выразить на языке формул конституционного права, ввести в действие», тем самым обеспечить защитой на основе конституции.

Понятие конституционной легитимации прав требует разъяснения. Такая легитимация не сводится к признанию Верховным судом США законов социально-экономического содержания и содержащихся в них положений о правах граждан соответствующими Конституции. Конституционная легитимация в США означает признание этой группы прав как подлежащих защите на основе Конституции в качестве основных прав, а не только на основе отраслевого законодательства, в качестве «производных» прав³. Для признания прав в качестве конституционных недостаточно нормативного оформления, или, по американской терминологии, т.н. «узаконивания», «позитивизации», или «легализации» прав. Помимо принятия со времени «нового курса» законов о социальном обеспечении, о защите труда, о правах уязвимых групп населения (что наличествует в США), легитимация означает еще и включение прав в сам текст Конституции, естественно-правовое обоснование социально-экономических прав, что не было сделано даже в период Суда Уоррена (50–60-е гг. XX века).

В США обращается внимание на то, что кроме конституционного оформления в том или ином виде (в виде Поправок к Конституции, прецедентов Верховного суда, содержащих толкование конституционного текста) конституционная легитимация должна сопровождаться общественным признанием и согласием, вытекающим из общественного договора. Это согласие большинства граждан как субъектов конституционного права на ту или иную степень государственного вмешательства, на те или иные действия власти, например, согласие с действиями по перераспределению доходов в пользу беднейших слоев. Дистрибутивные действия противоречат американскому менталитету и «нега-

³ В связи с непризнанием социально-экономических прав, за исключением права собственности, естественными, «неотчуждаемыми», «фундаментальными» и с отказом от включения в качестве таковых в Конституцию, в США распространен взгляд на эти права, как «позитивные», или «права, определенные законом» («entitled rights»). Это означает, что такие права не обеспечены прямой конституционной защитой и осуществляются под ответственность правительства исходя из наличия ресурсов. Впрочем, такой отрыв права от законодательства вызывает сомнения и у американских авторов. См. *Friedman K. Legitimation of Social Rights and the Western Welfare State. Chapel Hill, 1981. P.120-127; International Human Rights in Context. Law. Politics. Moral / Ed. by H. Steiner and Ph. Alston. N.Y., 2001. P. 121.*

тивной концепции» прав человека, утверждают противники конституционного признания социально-экономических прав граждан⁴.

Л. Трайб, авторитетный в США автор работ по конституционному праву, отвергает эту позицию и отмечает, что такое одобрение социально-экономических законов и соответствующих прав граждан большинством американского населения в XX веке в действительности стало фактом. Оно, в частности, осуществлялось через процедуры поддержки правительства или политических сил, совершающих действия по обеспечению этих прав (в частности, путем голосования на выборах). Этот же автор пишет, что «после 1937г. почти всеобщим стало убеждение о том, что реальная свобода должна быть обеспечена путем позитивных правительственных действий»⁵.

Было бы неверно сводить процесс легитимации к «народному одобрению». Отечественный теоретик права Г.В. Мальцев справедливо отмечает, что «легитимность устанавливается на основе комплекса разнородных критериев – экономических, социальных, социально-психологических, моральных, юридических и других»⁶

Выяснение вопроса о легитимации социально-экономических прав с начала XX века связано с возрастающим в США количеством нормативных предписаний, локальных и иных актов в рамках процесса т.н. «зарождающегося права» («incipient law»).

⁴ Под негативной концепцией прав человека имеют в виду защиту прав человека от нарушения их государством. Приоритет частноправового регулирования в правовой системе США ведет к постоянному подчеркиванию неприемлемости принудительного вмешательства в социально-экономические отношения, как в отношении, основанные на договоре и на согласии, а не на государственном принуждении. К таким отношениям, требующим согласия владельцев собственности, по мнению американских авторов, следует отнести и общественные отношения, связанные с перераспределением доходов (дистрибутивные отношения).

⁵ American Constitutional Law / Ed. by L. Tribe. N.Y., 1988. P. 8. Американские юристы указывают на пуританское согласие (Covenant) как идейную основу правовой системы страны. Дефиниция «general welfare» – общее благосостояние появилась в ранних протестантских документах. См. подробнее о связи идей пуританизма с зарождающимся социальным порядком: *Покровский Н.Е.* Ранняя американская философия. М., 1989. С. 66-84.

⁶ *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 754. В этой же книге подробнее о теоретических аспектах легитимации и об институционализации социально-экономических прав см.: С. 450-464.

Основатель американской «социологической юриспруденции» Р. Паунд обращал на это особое внимание. В связи с появлением насущной потребности государственного вмешательства в социальной и экономической сфере началась экспансия законодательства, направленного на удовлетворение общественных нужд, то есть социального законодательства. Соответствующие задачи реализовывались путем административных действий через наделение органов исполнительной власти полномочиями. Конституционное признание и обеспечение судебной защитой действий государства по защите социальных интересов, по мнению представителей научных школ «социологической юриспруденции» и «правового реализма», необходимо⁷. Все более активными в первой половине XX в. становились и попытки негосударственных учреждений (профсоюзов, фирм, органов просвещения, кредитно-финансовых учреждений и т.п.) установить собственные правила и нормы. Следовательно, конституционная легитимация «подталкивалась снизу» – была связана с легализацией, с нормативным оформлением, с закреплением новых прав в решениях судебных органов всех уровней⁸.

На этом пути возникали серьезные препятствия. В США часто отмечалось, что, по мере того как роль и масштабы государства непрерывно увеличивались, возрастала угроза ограничения основных прав, прежде всего права собственности в результате распределительной деятельности и активизации налоговой политики. «Государство благосостояния» имеет не только положительные последствия для защиты прав, поскольку обеспечивает граждан рядом социальных услуг и наделяет их правами на эти услуги. В то же время «оно способствует усилению роста расходов на содержание государственного аппарата,

⁷ *Pound R. Administrative Law. Its Growth, Procedure and Significance. Pittsburgh, 1942. P. 27.*

⁸ В этой связи возникает вопрос, в чем США продвинулись дальше. В легализации прав, поскольку законодательно утверждены и действуют более 200 федеральных социальных программ, а соответствующие права защищаются в системе общего и административного правосудия? Или в легитимации прав, учитывая одобрение большинством трудоспособного населения и престарелых, признание Верховным судом США социально-экономических прав как производных от основных прав и обеспеченных защитой в соответствии с конституционным принципом надлежащей правовой процедуры?

поскольку распределение этих услуг с неизбежностью требует создания правительственных органов и аппарата служащих»⁹.

Задачи эффективного управления (например, с точки зрения экономии ресурсов, в том числе бюджетных расходов) и соблюдения законности в плане защиты фундаментальных конституционных ценностей (свобода собственников) не всегда совпадают. Отсюда необходимость, по мнению американских авторов, в судебной защите мер по дистрибутивной справедливости, понимаемой и как облегчение возможностей для рабочих, получателей пособий, представителей нацменьшинств, и как сохранение конституционного права частной собственности. В этой связи в соответствии с традициями частного права говорится о необходимости судебного контроля над большим количеством государственных властных решений.

Следует признать появление коллизии между двумя концепциями развития прав человека и необходимостью поддержания баланса между ними. «Нельзя игнорировать, – пишет социолог права Ф. Селзник, – что создание новых социальных институтов (как в результате государственного регулирования, так и в рамках негосударственных институтов, например органов частного страхования) обеспечивает все усиливающуюся способность обеспечивать и поддерживать механизм надлежащей правовой процедуры (*защиту многообразных прав и законных интересов с соблюдением принципов равенства и справедливости – В.С.*)¹⁰.

Обращаясь к опыту США в XX веке как к исторически незавершенному процессу признания социально-экономических прав в этой стране, следует подчеркнуть, что в процессе легитимации социально-экономических прав особое внимание обращалось на их соответствие конституционным принципам. К таким принципам (наряду с разделением властей и народным суверенитетом) относят и неприкосновенность основных («фундаментальных») прав на жизнь, свободу и собственность.

⁹ Perry M. Constitution, the Courts and Human Rights ... P. 420

По мнению Ф. Селзника, «именно конституционные принципы, содержащие идею гражданских прав, были использованы для легитимации социально-экономических прав»¹¹.

Принципы излагаются в виде формулирования социальных идеалов («общее благоденствие», «необходимые и уместные действия» «в интересах общей пользы»¹²) и могут быть применены для обоснования судебных решений по конкретным обстоятельствам. Ф. Селзник далее отмечает: «Разрыв между конституционным идеалом и реальностью в течение некоторого времени может сохраняться, но изменения в социальной жизни могут дать новые возможности для более эффективного осуществления принципов на практике»¹³.

Проблемы конституционного закрепления социально-экономических прав свидетельствуют о необходимости изучения отдельных направлений конституционной легитимации и для выяснения форм влияния права на социальные изменения. В американской юридической социологии выделяют три направления: законодательство, общее право, административное право. В разные периоды развития американского права тот или иной способ становился доминирующим, хотя сама сущность конституционной легитимации требует их согласованного применения.

Законодательство – самое необходимое и очевидное средство для социальных изменений. В США роль статутного законодательства возросла только в XX веке, но и в этот период Верховный суд подчеркивал, что законодательство не должно противоречить конституционным положениям и принципам. Напри-

¹⁰ *Selznick Ph. Law and Social Change // International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by D. Sills. Vol. 9. N.Y., 1968. P. 55.*

¹¹ *Ibid. P. 56.*

¹² По справедливому мнению В.Е.Чиркина, «конституционные принципы ... абстрактны и декларативны. Будучи социологическими идеологемами, они нередко не ложатся на строгий язык правовых норм, требуют дополнительного истолкования и развития для того, чтобы их применение было обеспечено юридическими средствами» См.: *Чиркин В.Е. Ук. соч. // Государство и право. 2005. №6.* Вместе с тем, отечественные юристы в последнее время говорят о прямом действии конституционных принципов, об их применении как основании вынесения решений судами всех уровней. См. об этом: *Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. М., 2002. С. 54.*

¹³ *Selznick Ph. Law and Social Change... P. 55.*

мер, серия законов привела к появлению отрасли права социального обеспечения и трудового права («Welfare Law» and «Labor Law»). Поскольку соответствие отраслевых законов конституционным принципам не признавалось Верховным судом США в начале XX века, социальная политика «выходила за рамки» Конституции¹⁴. Отторжение судебной властью социально-экономического законодательства и соответствующих прав в так называемый «локнеровский период»¹⁵ (1900–1936) не соответствовало насущным потребностям общественного развития. Это потребовало от Верховного суда уточнения правовой позиции для обоснования соответствующих действий¹⁶.

Направление легитимации через статутное законодательство стало проблемным – в первые десятилетия XX века Верховный суд отменял социальные законы как неконституционные. В США активно использовалось второе направление – применение общего права («common law approach»)¹⁷. Такой способ основан на признании судебных решений основанием легитимности действий федерального правительства и штатов по защите социально-экономических прав граждан. В его рамках суд «переводил» социальные идеи на язык права, включая разработку новых правовых установок¹⁸. Обобщенно-абстрактный характер их формулирования оказался полезен, поскольку способствовал их приспособлению к социальным реалиям и одновременно сохранению правовой преемственности, как нерушимости основных прав, прежде всего права частной

¹⁴ Американский социолог права Ф. Селзник уточняет: «за рамки буквы Конституции». *Selznick Ph. Law and Social Change // International Encyclopedia of the Social Sciences ...* P. 56.

¹⁵ В деле Локнера «Lochner vs. New York, 198 U.S. 45 (1905)» Верховный суд отменил первый закон о регулировании условий труда.

¹⁶ Имплементация социально-экономических прав в правовую систему требует создания механизма гарантий и средств предоставления социальных услуг. Будет ли судебная власть, если считать, что она обладает такой компетенцией, принимать решения, требующие дополнительных расходов и значительных усилий по созданию механизма гарантий?

¹⁷ Под общим правом имеется в виду «право, вырабатываемое судьями» (судейское право). В связи с этим возникал вопрос о юридической силе судебного прецедента и применимости прецедентов, направленных ранее на защиту прав собственника, к новому социально-экономическому законодательству, в рамках которого права собственников подвергались некоторому ограничению.

¹⁸ В решении по делу *Nebbia vs. New York, 291 U.S. 502 (1934)* Верховный суд, исходя из невозможности определения смысла V Поправки без интерпретации, истолковал Поправку, как

собственности. Правовая преемственность, по мнению Ф. Селзника, «обеспечивала дополнительную легитимность новым правам и новому социально-экономическому законодательству... эволюционный и постепенный характер перемен. Она дала возможность применения косвенных методов легитимации вместо прямого изменения приоритетов по отношению к тем или иным видам прав»¹⁹.

Третьим направлением конституционной легитимации является административное право. Оно тесно связано с двумя другими направлениями (законодательством и действиями судебной власти). Связь эта определяется тем, что законодательство предполагает реализацию путем правоприменения и осуществления законодательных положений соответствующими органами – административными агентствами, которые создаются законодательными органами, но имеют различный статус, выполняют различные функции, в том числе нормотворческие, а кроме того, наделяются квазисудебными полномочиями²⁰. Административная деятельность – средство и правовых, и политических изменений. В ее рамках используются материальные ресурсы, чтобы законодательство было ближе к социальной реальности с целью защиты прав граждан. В США часто отмечают необходимость предоставить исполнительной власти право на экспериментирование в социальной сфере. Сам дискреционный характер деятельности административных органов приводит к необходимости последующих

«допускающую лишение или ограничение собственности с соблюдением указанных в тексте (Закона штата Нью-Йорк. - В.С.) условий».

¹⁹ После дела *Неббиа* появилась возможность толковать клаузулу V Поправки как допускающую лишение или ограничение собственности в социальных целях с соблюдением указанных условий, то есть с соблюдением требований «надлежащей правовой процедуры». Формула надлежащей правовой процедуры отныне могла применяться как основание для позитивной распределительной (социальной) политики.

²⁰ В американской правовой системе нет иерархии нормативных актов по европейскому континентальному образцу. «Законность», конституционность определяется судом, поэтому нормативный акт исполнительной власти может иметь юридическую силу, равную силе федерального закона, а нормативный акт штата – юридическую силу, превышающую силу федерального закона, если данный вопрос отнесен судом к компетенции штата. См.: *Бернам У. Правовая система США*. М., 2006. С. 105-109.

законодательных изменений. Однако не менее важен судебный контроль, содержанием которого является защита конституционных прав²¹.

Р. Паунд в этой связи отмечал, что «в Англии и США развивается не административное, а позитивное конституционное право»²².

Вновь следует отметить большое значение для легитимации социально-экономических прав судебной защиты и соответствия конституционным положениям о правах человека. Л. Трайб, говоря о легитимации социально-экономических прав, отметил, что в США она проходила в специфической форме – через установки и определения общего (судейского) права²³.

В свете американского опыта возникает вопрос о том, какое направление легитимации предпочтительнее. В условиях сильного влияния догматов общего права у всех трех есть немало минусов. Передача решения социальных проблем правительственным органам и системе административных агентств не являлась решением проблемы из-за непризнания социально-экономических прав как основных конституционных прав, ставила под сомнение возможность судебной защиты прав. С другой стороны, подход через общее право (акцент на частно-правовых методах и законодательной роли суда) не позволяет добиться комплексного и всеобъемлющего решения социально-экономических проблем, поскольку возникает конкуренция между законодательной и судебной властью, сокращающая возможности развития социально-экономических прав. Суду не свойственно заниматься законодательной деятельностью, да это и противоречит Конституции. Иначе говоря, способ применения общего права гораздо бо-

²¹ Под термином «административное право» в США понимают защиту прав граждан в их взаимоотношениях с административными органами. Регулирование статуса административных органов осуществляется в рамках другой отрасли – права публичного управления (Public Administration Law)

²² Паунд доказывал, что существующее ранее разделение между правом и административным управлением преодолено в Европе и Америке. Создание новых социальных институтов и их нормотворческая деятельность способны усилить защиту прав и интересов более широких слоев, и тем самым обеспечить механизм функционирования защиты основных прав.

См.: *Pound R. Administrative Law ...* P. 16.

²³ *American Constitutional Law / Ed. by L. Tribe. N.Y., 1988. P. 9.*

лее эффективен, когда разработаны основы политики и на долю судебной власти остается ее применение и реализация.

Американские авторы отмечают, что нерешенность вопроса о приоритетах развития права и о том, какому направлению легитимации социально-экономических прав следует отдавать предпочтение, ослабляет его эффективное применение для решения социальных проблем²⁴.

В условиях продолжающейся дискуссии о путях конституционно-политического развития следует выделить роль Верховного суда. Применение способов общего права в США вело к тому, что судьи в процессе конституционного правотворчества и применения конституционного контроля брали на себя роль законодателей, пользуясь своим полномочием конституционной интерпретации. В этом случае общественно-политическая поддержка линии Верховного суда становилась дополнительным фактором легитимации социально-экономического законодательства. Действия Верховного суда в период 30–70-х годах XX века стали основой конституционной легитимации социально-экономических прав. Эти действия развивались по двум направлениям.

Первое направление предусматривало доказательство конституционной обязанности правительства осуществлять меры по обеспечению общего благосостояния и привело к решениям Верховного суда 1937 г. Постановления о признании законодательства «нового курса» Ф. Рузвельта были названы американским правоведом О. Корвином «конституционной революцией»²⁵. Верховный суд использовал такие положения конституции, как «общее благосостояние» («общее благоденствие»), «общественная польза» (трактуемая как «общественный интерес» еще со времени решения по делу «Манн против Иллинойса»

²⁴ In the Shadow of the Legislature: The Common Law in the Age of the New Public Law / Ed. by D.A. Farber and Ph. Frickey // <http://www.eeoc.gov/abouteeoc/40th/panel/>

²⁵ В деле «*Helvering vs. Davis*, 301 U.S. 619 (1937)» Верховный суд признал соответствие конституции принципов социального страхования; в решении по делу «*NLRB vs. Jones and Laughlin Steel Corp.*, 301 U.S. 1 (1937)» конституционность закона Вагнера, в решении по делу «*West Coast Hotel Co. vs. Parrish*, 300 U.S. 379 (1937)» полномочий государства по установлению минимальной зарплаты и максимальной продолжительности рабочего времени.

1877 г.²⁶). Общественный интерес увязывался с конституционным полномочием применять «контроль над межштатной торговлей», «устанавливать налоги и расходовать средства», использовать «инспекционные полномочия»²⁷.

В рамках этого первого подхода в решениях Верховного суда 1930-х гг. не был решен вопрос о конституционном признании социально-экономических прав. Были подтверждены обязанности государства, что влекло за собой конституционную легитимацию социально-экономического законодательства. Вместе с тем связанность объективного и субъективного права, обязательств государства и прав граждан, необходимость следовать принципу о том, что любое право, закрепленное в законе, должно быть защищено, предопределили в США начало процесса легитимации социально-экономических прав граждан и тем самым наступление нового этапа в истории конституционализма.

Вопрос о конституционной сущности новых социально-экономических прав с того времени привлекает внимание все новых поколений юристов, судей, исследователей. Многие из них видели выход в признании этих прав не как конституционных, а как «прав по закону». Первое направление легитимации, связанное с признанием роли государства и значения социальных реформ «нового курса», уже освещалось в отечественной науке. В американской конституционной юриспруденции оно было названо «основой теории конвенционализма», то есть общего теоретического согласия о признании соответствия конституции и о необходимости социальных мер Ф. Рузвельта.

Хотя одобрение реформ Ф. Рузвельта не привело к признанию социально-экономических прав в качестве основных конституционных прав, во второй половине столетия шло углубление социально-экономических реформ, особенно в период реформ «войны с бедностью» и массовых движений 1960–нач. 1970-х

²⁶ Munn vs. Illinois, 94 U.S. 113 (1877).

²⁷ В отечественной литературе для положения Преамбулы и VIII Раздела Конституции США «general welfare» используется два варианта перевода – «общее благоденствие» и «общее благосостояние». Если учитывать, что Верховный суд применил эту формулу для правового обоснования социального обеспечения, то более логичным будет использование второго термина – «общее благосостояние». В качестве общего конституционного принципа допустим первый термин.

годов. Одновременно (а иногда, как свидетельствует дело Брауна 1954 г., с опережением действий исполнительной и законодательной власти) судебная власть предприняла новые усилия по признанию конституционного статуса социально-экономических прав. Немаловажно, что до конца 1970-х гг., до рейгановского периода, преобладало общественное согласие с либерально-активистским подходом (предусматривающим государственное вмешательство в социально-экономические отношения).

Применение второго подхода имело основной целью обоснование конституционной легитимности не только обязательств государства, но и соответствующих субъективных прав граждан, подлежащих защите не только на основании законодательства («позитивных основаниях»), но и на конституционных («естественно-правовых») основаниях. С этой целью Верховный суд США расширил конституционный перечень прав человека и использовал приемы косвенной защиты социально-экономических прав и их единой сущности с основными конституционными правами.

В деле «Шапиро против Томсона» 1969 г.²⁸ Верховный суд постановил, что штаты не могут вводить в качестве условия получения пособия по социальному вспомоществованию требование обязательного проживания в данном штате в течение определенного срока времени. Это решение основывалось на конституционной клаузуле «равной защиты законом», а требование обязательного годичного проживания отвергалось им как нарушающее свободу передвижения между штатами, то есть право, которое он характеризовал как «фундаментальное» право. Верховный суд не ограничился этим аргументом и постановил, что пособия по вспомоществованию для решения дела по существу имели «такое же значение, как и свобода передвижения, а право обладания ими – как производное от прав на жизнь и свободу». По словам судей, решение основывалось на необходимости защиты «самой возможности существования, пищи, жилья и других необходимых условий жизни»²⁹.

²⁸ Shapiro vs. Thompson, 394 U.S. 618 (1969).

²⁹ Cases and Materials on Constitutional Law / Comp. by D. Crump ... P. 436.

В деле «Гольдберг против Келли» в 1970 г.³⁰ Верховный суд постановил, что право на социальное пособие для его получателя является основным правом, поскольку, будучи основным средством существования, является основным правом на жизнь. Оно не может быть изъято без решения суда, поскольку это будет квалифицировано как незаконное изъятие собственности и противоправное нанесение ущерба. В этом же деле право на социальное пособие было истолковано как право собственности получателя исходя из обязательств по аналогии с частноправовыми отношениями³¹. Кроме того, право на социальное пособие было признано как подлежащее защите на основании надлежащей правовой процедуры исходя из ее применения к социально-экономическому праву как обеспечивающему реализацию основных прав. Судьи стали допускать косвенную защиту социально-экономических прав как конституционных фундаментальных прав. По мнению американских авторов, «в течение некоторого времени получатели социальной помощи рассматривались как обладатели конституционного права на поддержку от государства»³². Это могло привести к прямому, а не косвенному признанию социально-экономических прав. Два направления конституционной легитимации – через признание обязательств государства и через признание социально-экономических прав как субъективных прав – увязывались (согласовывались и гармонизировались) в ходе деятельности Верховного суда США.

В рамках второго направления (действий Верховного суда по обоснованию конституционности социально-экономических прав как субъективных прав) они не только приравнивались к правам на жизнь, свободу и собственность, но и обеспечивались судебной защитой. Судом санкционировались два вида судебных процедур (частноправовая, по гражданским искам и публично-

³⁰ Goldberg vs. Kelly, 397 U.S. 254 (1970).

³¹ Р. Паунд, основываясь на теории общественного договора как сущности государства, говорил о необходимости исполнения им социальных обязательств и соответствующих правах граждан по аналогии с категориями обязательственного права. В 60-х гг. концепцию развил Ч. Рейч, труды которого цитировали судьи в решении по делу Гольдберга. И в отечественной юридической науке такая концепция находит свое выражение: См.: Федорова М.Ю. Понятие социального страхования // Журнал Российского права. 2001. № 1.

правовая, где одной из сторон выступал правительственный орган³³), но к обеим применялись процессуальные требования защиты основного права (вызов в суд, устное разбирательство, приглашение свидетелей, перекрестный допрос, обязательность решения для исполнения с возможностью обжалования). Права, производные от «фундаментальных» конституционных прав, стали защищаться на основе процессуальных гарантий, закрепленных в Конституции США. Суд ссылаясь на конституционные клаузулы («оговорки») «надлежащей правовой процедуры» и «равной защиты законом». Эти клаузулы сформулированы настолько абстрактно, что допускают различное толкование; их содержание привязывается в V и в XIV Поправках к основным фразам текста этих поправок и другим положениям Конституции. Определить, какой именно смысл клаузулы, очень непросто, что дает возможность судьям в соответствии с принципами общего права придавать клаузулам самостоятельное (и зачастую новаторское) значение.

Применение такого метода было направлено на разрешение коллизии между двумя типами правопонимания и двумя концепциями прав человека. Л. Трайб отмечал, что при сохранении господствующего понимания сущности конституционализма, как ограничения роли государства, не должно вызывать удивление, что даже юридическое формулирование позитивных («аффирмативных»³⁴) мер правительства осуществлялось с использованием прежней терми-

³² Encyclopedia of American Law. Supplement 1 / Ed. by D. Levy. N.Y., 1998. С. 378.

³³ По американскому законодательству при обсуждении вопросов факта административные органы (путем применения публично-правовых процедур в специальных органах, наделенных квазисудебными функциями и выполняющих роль административных судов) имеют право выносить окончательные решения. Если же затрагиваются вопросы права, получатели социальных пособий, работники в отношениях с работодателями, другие категории наделены правом обращения в суды общей юрисдикции. См. подробнее: *Никеров Г.И.* Административное право США // Административное право зарубежных стран / Под ред. А.И. Козырина и М.И. Штатиной. М., 2003; *Harrington Cr. Administrative Law and Politics*. (3rd ed.). N.Y., 2000. P. 214-215.

³⁴ В широком смысле под аффирмативными («позитивными») действиями понимают действия по обеспечению равных возможностей граждан (например, предоставление дополнительных рабочих мест или прием в университеты представителей национальных меньшинств) с целью реализации социально-экономических прав для уязвимых социальных групп. Подробнее об аффирмативных мерах см.: *Сафонов В.Н.* Аффирмативные меры и Верховный суд США // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 8. С. 83-97.

нологии, преимущественно в виде установления ограничений для правительств штатов.

В 1960–1970х гг. в решениях Верховного суда появилась новая идея, которая могла привести к далеко идущим последствиям: правительство должно обеспечивать каждому индивиду некий минимальный уровень условий жизни. И эта идея была облечена в форму запрета дискриминации, которую фактически проводит государство, если не предпринимает позитивных действий по исправлению положения в отношении бедняков. По словам Л. Трайба, «отказываясь от таких действий, отказываясь обеспечить минимум существования, государство тем самым лишает человека его основных прав и нарушает Конституцию»³⁵. В «деле Альбемарли» 1975 г. Верховный суд рассмотрел правомерность контрольных испытаний при приеме на работу. Суд не согласился с тем, что предложение одинакового испытания для выходцев из всех этнических групп не означает дискриминации и тем самым признал соответствие Конституции «аффирмативных» мер (по предпочтению тем или иным социальным группам, подвергшимся дискриминации)³⁶. Право на недискриминацию в социально-экономической сфере, прежде всего в сфере труда, было закреплено.

Специфическое содержание второго подхода к социально-экономическим правам, как субъективным правам граждан свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообусловленности двух подходов и главных способов толкования (интерпретации) Конституции США Верховным судом.

Авторы, стоящие на позициях «судебного активизма», то есть выступающие за развитие Конституции путем создания новых конструкций, не скрывают, что Верховный суд вынужден в новых исторических условиях создавать новые конституционные нормы. При этом они отрицают отсутствие в их судебной аргументации связи с конституционными положениями («неинтерпретивизм») и говорят, что лишь развивают конституционные принципы и вкладывают в конституционные формулы новое содержание.

³⁵ American Constitutional Law. P. 768.

³⁶ Albemarle Paper Co. vs. Moody, 422. U.S. 402 (1975).

Новый подход судебной власти подрывает старую концепцию прав человека как наделенного неотчуждаемыми правами и порождает новую концепцию индивида как являющегося объектом социального и публично-правового интереса. Об этом свидетельствует развитие американского законодательства о социальном обеспечении и характер судебных решений о праве на социальное обеспечение.

С конца 1970-х гг. начинается новый этап в деятельности Верховного суда США, который совпадает по времени с усилением политического консерватизма и назван в американской правовой науке «судебным минимализмом». Судебная власть должна отказаться от несвойственных ей функций по принятию решений в пользу тех или иных социальных групп. Это обосновывалось принципом «судейского самоограничения». Минималистская стратегия не увенчалась победой консерваторов. В ноябре 1996 г. в штате Калифорния опрос жителей, опасющихся обратной дискриминации (дискриминации белых), показал преимущество противников аффирмативных мер³⁷, опираясь на которое легислатура штата приняла законодательные решения по их отмене. Однако в 1999 г., в деле «Саенс против Рое»³⁸, Верховный суд США отменил закон штата Калифорния об ограничении размера пособий для прибывающих из других штатов до уровня пособий, получаемых ими по прежнему месту жительства и тем самым подтвердил прецедент «Шапиро против Томсона» 1969 г., отмеченный нами как одно из главных достижений Верховного суда в защите социально-экономических прав. В 2002 г. Верховный суд принял решение, сохранившее конституционную легитимность «аффирмативных» мер³⁹.

Таким образом, разнообразие направлений легитимации социально-экономических прав в США позволяют прийти к выводу о большом значении конституционных принципов и методов интерпретации Конституции США для

³⁷ Affirmative Action: Social Justice or Reverse Discrimination? / Ed. by F. Beckwith and T. Jones. N.Y., 1997. P. 102.

³⁸ Saenz vs. Roe, 526 U.S. 489 (1999).

³⁹ EEOC vs. Waffle House Inc., 24 U.S. 117 (2002).

обеспечения защиты этих прав. В XX веке Верховный суд использовал два основных методологических подхода, два направления легитимации, органически связанных между собой, дополняющих друг друга. Основная линия Верховного суда – установление баланса между позитивной и негативной концепциями прав человека.

Политика Соединенных Штатов относительно Восточной Европы в период второго президентства Р. Рейгана

«Distributions of democracy» in the second half of the 1980s proved to be the most effective means of realization of American strategy to control Eastern Europe. In particular, the United States used economic help as a pretext for demands on the countries of the Eastern Europe in order that they accept the American sample of democracy.

Results of Reagan's foreign policy doctrine, namely, strategy of «distribution of democracy» were considered by American politicians as obvious success that allowed the USA to strengthen the positions in the countries of the East Europe.

Восточная Европа занимает особое место во внешнеполитическом курсе США. Истоки современной восточноевропейской политики Соединенных Штатов были сформированы в период второго президентства Рональда Рейгана.

Стратегия администрации Р. Рейгана относительно стран Восточной Европы определялась общими доктринальными положениями внешнеполитического курса США. В период его второго президентства «идея национальной безопасности увязывалась с необходимостью распространения во всем мире демократии»¹. В докладе конгрессу «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов» президент четко обозначил ее приоритетные направления: «распространение политических свобод, демократических институтов и свободных рыночных экономик во всем мире»². Таким образом внешнеполитический курс США в Восточноевропейском регионе определялся на основании экспертных и аналитических данных и предложений различных исследовательских служб и учреждений. Прежде всего, авторитетом пользовался фонд «Наследие», основателем которого был личный друг президента Дж. Курс. Предложения его Фонда в основном определили восточноевропейскую политику США во второй половине 1980-х гг. и нашли свое выражение, в частности, в деятельности другого – Национального фонда в поддержку демократии.

¹ Mandate for Leadership III: Policy Strategies for the 1990s. Wash., 1989. P. 637.

² Department of State Bulletin. April 1988. Vol. 88. № 2133. P. 4.

В сентябре 1985 г. позиции экспертов были представлены на слушаниях в Сенате в подкомитете по европейским делам³. Прежде чем высказывать свои предложения относительно восточноевропейской политики, Дэвид Холлоуэй, старший научный сотрудник Центра по вопросам международной безопасности и контроля за вооружением при Стэнфордском университете, дал оценку ситуации в восточноевропейских странах. По его мнению, в Восточной Европе наблюдалось «падение авторитета власти»⁴. Речь шла о том, что Советский Союз более не мог обеспечивать жизнеспособность и легитимность восточноевропейских режимов⁵. Соответственно, делался вывод: США оказались в благоприятной ситуации для реализации планов разрушения прежних политических систем в Восточной Европе.

Аналогичного мнения придерживался Хельмут Зонненфельд, научный сотрудник Бруклинского института, возглавлявший ранее в госдепартаменте отдел исследований и анализа ситуации в СССР и Восточной Европе. Он акцентировал внимание на то, что положение дел в 1985 г. в соцлагере свидетельствовало о постепенном нарастании сопротивления восточноевропейских стран Советскому Союзу как в политической, так и в экономической сферах⁶. Эксперт считал, что именно приход в 1985 г. в СССР к власти М.С. Горбачева создал принципиально новую ситуацию для реализации американских внешнеполитических целей.

Вторая администрация Р. Рейгана свою восточноевропейскую политику строила в расчете на то, что перемены, происходившие в Советском Союзе, в перспективе должны были привести к ослаблению контроля со стороны Москвы за странами Восточной Европы. Это означало, что Запад получит возможность поощрять проведение в этом регионе демократических преобразований и содействовать им.

³ Crisis of Will in the Warsaw Pact. Hearing Before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. 99th Congress. 1st Session. Sept. 19. 1985. Part 4 of 5. Wash.: US GPO. 1985.

⁴ Ibid. P. 68.

⁵ Ibid. P. 69.

⁶ Ibid. P. 3.

По мнению Карен Дэвиша, профессора Мэрилендского университета, для достижения победы в политическом противостоянии необходимо было наличие продуманной и взвешенной политики у администрации Р. Рейгана по устранению советского контроля над странами Восточной Европы⁷. Таковой признавалась стратегия «распространения демократии».

Таким образом, в стратегических планах Соединенных Штатов Америки политика в отношении Восточной Европы рассматривалась в контексте американо-советских отношений. Мотивы и цели стратегии США относительно данного региона, несмотря на эволюцию концепций в течение десятилетий после окончания Второй мировой войны, сохраняли определенную традиционность. В частности, геополитическая мотивация действий Соединенных Штатов определялась задачами вывода стран Восточной Европы из советской сферы влияния.

Ведущие представители американской внешнеполитической элиты рассматривали развитие демократических форм правления в странах Восточной Европы в качестве одного из лучших способов вытеснения советского влияния, что, соответственно, позволяло «обеспечить присутствие Соединенных Штатов в восточноевропейских странах и, следовательно, открывало бы в перспективе возможности для утверждения гегемонии США в мире»⁸. Идеологическая мотивация американской восточноевропейской политики заключалась в стремлении переориентировать данный регион на западную модель развития путем реализации стратегии «распространения демократии».

Кроме того, данная политика рассматривалась американскими политическими кругами как средство разрушения иерархии ценностей социалистической системы, доказывающее несостоятельность коммунистической идеологии, позволяющее распространить американскую модель общественного развития. В этом случае США получали возможность подтвердить свой статус в качестве лидера западного мира, играть роль единственной сверхдержавы. Известный

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid. P. 467.

политик Г. Киссинджер неоднократно заявлял: «В течение обозримого будущего... Соединенные Штаты должны продолжать играть значительную, а зачастую и жизненно важную роль»⁹.

Збигнев Бжезинский, советолог, консультант Центра стратегических и международных исследований, признавал: «Взаимосвязь безопасности Америки и Европы является аксиомой»¹⁰. В связи с этим, подчеркивал он, от расширения рамок международной демократической системы в Европе «в большей мере зависит осуществление американского глобального первенства»¹¹.

Выдвижение и эффективность стратегии «распространения демократии» в качестве средства реализации внешнеполитических целей США в блоковом противостоянии двух политических систем было обусловлено изменениями внутри СССР во второй половине 1980-х гг. В американском истеблишменте практически единодушно пришли к мнению, что благодаря советской перестройке перед Соединенными Штатами открылся беспрецедентно благоприятный шанс решительно продвинуться в осуществлении стратегических целей Запада в отношении государств Восточной Европы.

В связи с политикой перестройки во второй половине 1980-х гг. начались изменения во взаимоотношениях Советского Союза со странами Восточной Европы. США в сложившихся условиях получили возможность для активизации своего внешнеполитического влияния в восточноевропейских странах, не опасаясь немедленной негативной реакции советского руководства. В американской стратегии во второй половине 1980-х гг. в связи с указанными выше обстоятельствами проявился приоритет в пользу стимулирования внутренних перемен в странах Восточной Европы, создания в них таких условий, которые бы способствовали образованию плюралистических режимов, переходу к рыночной экономике и, в конечном итоге, отстранению коммунистических партий от власти.

⁹ Foreign Affairs. 1988. Vol. 66. № 5. P. 902.

¹⁰ Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. № 1. P. 173.

¹¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 90-91.

Реализацию своих планов Белый дом осуществлял через деятельность Национального фонда в поддержку демократии, созданного в 1984 г. по решению Конгресса США. Перед ним была поставлена задача стимулировать демократические процессы в тоталитарных государствах Восточной Европы. Американская администрация ориентировала Фонд на создание в восточноевропейских странах различных оппозиционных структур: политических партий, свободных профсоюзов, неформальных группировок. Для реализации поставленных целей использовались различные фонды, финансирование большинства которых происходило из средств федерального бюджета. Выделяемые финансы использовались Фондом для реализации стратегии «распространения демократии» в странах Восточной Европы. В частности, им приобретались множительная техника, полиграфическое оборудование, которые передавались оппозиции в Польше, Чехословакии и Венгрии, где в большей степени были созданы условия для развития независимой прессы. Кроме того, Фонд оказывал финансовое содействие формированию в восточноевропейских государствах независимой от государства культуры, поддерживал кампании в защиту прав человека, оппозиционные политические организации, различные демократические движения восточноевропейского региона¹².

Национальный фонд в поддержку демократии также предусматривал выделение средств для американских организаций, которые занимались передачей специального аналитического и организационного опыта восточноевропейским демократическим движениям для борьбы с существующей системой¹³.

Для того чтобы оценить сложившуюся ситуацию в середине декабря 1985г., госсекретарь США Дж. Шульц совершил поездку по восточноевропейским странам¹⁴. Во время своего турне он заявил: «СССР должен, наконец, понять, что его собственные интересы безопасности не могут обеспечиваться за счет подавления свободы своих соседей»¹⁵. Далее госсекретарь отметил: «Мы

¹² Mandate for Leadership III. Op. cit. P. 468.

¹³ Ibid.

¹⁴ The Department of State Bulletin. Vol. 86. N 2107. February. 1986. P. 5.

¹⁵ Ibid. P. 6.

проводим четкую дифференциацию между восточноевропейскими странами; и между ними и Советским Союзом с целью поощрения большей независимости их внешней политики, большего уважения прав человека, осуществления экономических и социальных реформ. Правительства, проводящие подобный курс, находят у нас понимание»¹⁶.

Исходя из политической ситуации, сложившейся в результате изменений в СССР, весной 1986 г. заместитель госсекретаря Дж. Уайтхед занялся дальнейшей проработкой перспективного восточноевропейского курса США¹⁷. Для этого он сформировал специальную аналитическую группу по Восточной Европе¹⁸.

Во второй половине 1980-х гг. в связи с политикой перестройки в Советском Союзе Соединенные Штаты получили возможность использовать в качестве вывода Восточной Европы из сферы влияния СССР такую тактику, как подключение восточноевропейских стран к Западной Европе через участие их в интеграционных процессах в рамках Европейского Сообщества. Бывший сотрудник госдепартамента У. Луэрс ориентировал Белый дом на содействие постепенным изменениям в Восточной Европе в соответствии с международной ситуацией второй половины 1980-х гг.: «Американская политика ... должна использовать персональные амбиции М.С. Горбачева с тем, чтобы способствовать успеху Запада в достижении ... менее разделенной Европы»¹⁹. В контексте данной политики рекомендовалось активно возрождать концепцию Центральной Европы: противопоставление исторических судеб народов восточноевропейских стран и Советского Союза. Американскими политиками неоднократно подчеркивалось: «Этот регион всегда смотрел на Запад, а не на Восток... Из трех великих событий в европейской истории – Возрождения, Реформации и

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ The Department of State Bulletin. Vol. 88. N 2133. April 1988. P. 66.

¹⁸ Ibid. P. 67.

¹⁹ Luers W. The U.S. and Eastern Europe // Foreign Affairs. 1987. Summer. № 5. P. 981, 994.

Просвещения – Россия не участвовала ни в одном. Центральная Европа участвовала во всех»²⁰.

Концепцию создания единой Центральной Европы как средство вывода восточноевропейских стран из сферы влияния СССР поддерживал наиболее влиятельный в Соединенных Штатах интеллектуальный центр консервативной ориентации фонд «Наследие»: «США должны продвигать концепцию «Центральной Европы», включающей Чехословакию, Венгрию, Восточную Германию, Польшу и Румынию. Тем самым было бы проведено историческое отличие от Восточной Европы, которая на протяжении столетий означала Россию и ее экспансионистские амбиции»²¹. В данном случае подчеркивался тот факт, что Восточная Европа была и остается объектом борьбы за сферы влияния со стороны ведущих держав.

Рассматривая стратегические планы США относительно Восточной Европы во второй половине 1980-х гг., следует отметить, что американские политики использовали восточноевропейский фактор как средство давления на советское руководство в условиях его заинтересованности в развитии отношений, прежде всего экономических, с США. По заявлениям руководителей госдепартамента, Америка могла пойти на кардинальное улучшение отношений с Советским Союзом только после отмены «доктрины Брежнева», цель которой состояла в «поддержке коммунистических правительств, где бы то ни было, любой ценой»²².

Движение Германии к восстановлению своего единства рассматривалось Соединенными Штатами в рамках стратегии сдерживания СССР. Заинтересованность Советского Союза в сотрудничестве с Западом США использовали как средство давления на СССР по вопросу объединения Германии. Так, Р. Рейган в своей речи в Западном Берлине 12 июня 1987 г. заявил у Бранденбургских ворот: «Генеральный секретарь Горбачев, если Вы стремитесь к процветанию Советского Союза и Восточной Европы, если Вы стремитесь к либерализации

²⁰ Department of State Bulletin. November. 1983. Vol. 83. № 2080. P. 20.

²¹ Backgrounder. The Heritage Foundation. August 31. 1988. № 669. P. 10.

(демократизации), придите сюда к этим воротам, откройте их, разрушите эту стену»²³.

Американский истеблишмент увязывал прогресс в советско-американских отношениях с продвижением процессов либерализации в восточноевропейских странах. Для того чтобы придать демократизации в Восточной Европе устойчивый характер и вывести данный регион из сферы советского влияния, США должны были, с их точки зрения, нейтрализовать фактор советской вооруженной силы, право СССР на вооруженное вмешательство в Восточной Европе. Выражением данной политики была борьба против «доктрины Брежнева». В частности, в выступлении 4 ноября 1987 г., президент Р. Рейган заявил: «В последнее время много слышно о проводимых в Советском Союзе реформах. Нам говорят, что гласность открывает новую эру... Однако здравый смысл вынуждает нас искать осязаемые перемены в поведении... чтобы определить, что реально, а что иллюзорно... Такими переменами стало бы ослабление советского контроля над Восточной Европой»²⁴.

Однако задача расширения сферы американского влияния в Европе встречала немало препятствий различного рода, что подчеркивалось в заявлениях госдепартамента: «...Несмотря на нашу огромную военную силу, наша способность в одностороннем порядке формировать мир в возрастающей степени сокращается... Многим из наших самых верных друзей кажется, что советская угроза свободному миру уменьшилась, особенно с приходом к власти в СССР настроенного на реформы руководства. Это мнение ведет к уменьшению зависимости Запада от доминирующей роли Америки. В связи с этим США необходимо практиковать новые, более тонкие и всеобъемлющие формы руководства»²⁵.

Данные аналитиков и «мозговых центров» легли в основу программ поездок заместителя госсекретаря США Дж. Уайтхеда по восточноевропейским

²² Foreign Affairs. 1987. Vol. 65. № 5. P. 974.

²³ Times. June 22. 1987. P. 16.

²⁴ USA Documents. November 4. 1987. P. 4-5.

²⁵ Foreign Affairs. 1988. Vol. 66. № 5. P. 900.

странам. За 1986–1988 гг. он совершил четыре поездки, посетив все государства-члены Организации Варшавского договора²⁶. В турне по Восточной Европе перед представителем Белого дома стояла задача получить максимально полную информацию и усилить американское влияние на политическую ситуацию в восточноевропейских странах.

Дж. Уайтхед встречался с членами правительств и руководства правящих партий, с представителями различных оппозиционных групп и организаций. В частности, в ЧССР он общался с В. Биляком, членом политбюро КПЧ, и представителями правозащитной организации «Хартия-77», в Польше – с генералом В. Ярузельским, кардиналом Й. Глемпом, лидером «Солидарности» Л. Валенсой и его соратниками²⁷.

При этом Дж. Уайтхед подчеркивал, что Соединенные Штаты ведущую роль при формировании своего нового восточноевропейского курса уделяли вопросам уважения прав человека, политического плюрализма, развития демократии. В частности, руководителям восточноевропейских стран во время личных встреч заместитель госсекретаря указывал на конкретные проблемы их внутренней политики, которые не могли, по его заявлениям, оставаться вне поля зрения США. Так, Эрику Хоннекеру была передана «просьба» Белого дома остановить применение военной силы против граждан ГДР, которые пытались через Берлинскую стену уйти на Запад. К Тодору Живкову Дж. Уайтхед обратился с просьбой прекратить преследования представителей турецкого меньшинства. В беседах с Николае Чаушеску была затронута схожая проблема в отношении венгерского меньшинства. В Варшаве представитель Белого дома говорил о необходимости для польских властей начать реальный диалог с профсоюзом «Солидарность» и католической церковью. По его мнению, это был единственный путь сохранить стабильность в стране.

Представитель Белого дома, представляя позицию США, активно проводил политику давления на восточноевропейские страны. Дж. Уайтхед подчер-

²⁶ The Department of State Bulletin. Vol. 88. N 2136. July. 1988. P. 50.

²⁷ The Department of State Bulletin. Vol. 88. N 2133. April. 1988. P. 67.

кивал, что Вашингтон займет доброжелательную позицию по отношению к странам Восточной Европы, если они готовы следовать американским фундаментальным принципам демократии, американским стандартам и образу жизни. Далее указывалось, что от позиции США, играющих ведущую роль в международных финансовых институтах, зависела реакция последних на запрос восточноевропейских стран о предоставлении им экономической и финансовой помощи²⁸.

В представлениях политиков США, с проведением реформ «восточноевропейские страны в интеллектуальном, политическом и экономическом плане станут более открытыми для внешнего мира и восприимчивы к идеям Запада»²⁹. В данном контексте стратегия распространения демократии рассматривалась официальными кругами Соединенных Штатов как средство давления на правительства восточноевропейских стран по внутривнутриполитическим вопросам. Так, Конгресс США требовал расширять экономические связи между Востоком и Западом только «в увязке с прогрессом в области политических реформ»³⁰: «Западные страны будут проводить более согласованный курс сотрудничества с теми восточноевропейскими странами, которые предпринимают существенные и глобальные реформы»³¹.

В американских политических кругах³² в 1987–1988 гг. отмечалось, что проблемы в экономике должны будут неизбежно объективно подтолкнуть руководство восточноевропейских стран на путь реформ.

Учитывая тот факт, что в условиях кризиса советской экономики они не смогут рассчитывать на серьезную финансово-экономическую помощь со стороны СССР, элита США считала неизбежным поворот стран Восточной Европы в сторону Соединенных Штатов и Запада в целом. Экономические преобразо-

²⁸ Ibid. P. 68.

²⁹ *Dawisha K., Gordon L., Kiser J. Changes in Eastern Europe: Soviet Interests and Western Opportunities.* Wash., 1989. P. 36.

³⁰ Ibid. P. 35.

³¹ Ibidem.

³² Department of State Bulletin. April 1988. Vol. 88. № 2133. P. 21.

вания в восточноевропейских странах, по их мнению, должны были привести к структурным реформам в экономике и политике.

Увязка оказания экономической и финансовой помощи странам Восточной Европы с уровнем развития в них демократии оценивалась во второй половине 1980-х гг. как эффективный стратегический курс. Об этом, представляя позицию Белого дома, публично заявил Дж. Уайтхед во время своего выступления 19 января 1988 г. в Вашингтонском институте международных отношений. Указанный подход был назван «работающим», так как, по мнению администрации Р. Рейгана, в восточноевропейских странах наблюдался реальный процесс изменения политического климата, улучшения положения с соблюдением прав человека. Признанием и поощрением этого явилось заключение новых консульских соглашений с Чехословакией и СФРЮ, отмена штрафных санкций против Польши, подписание договора с ней о научном обмене и предоставлении новых технологий³³.

Говоря об эффективности американской стратегии «распространения демократии», Дж. Уайтхед признал, что успеху курса США благоприятствовала сложившаяся ситуация на международной арене вследствие изменений, происходивших во внутренней и внешней политике СССР. Речь шла о том, что советское руководство ослабило контроль и давление на страны Восточной Европы, позволив им начать демократические преобразования³⁴. Таким образом, Соединенным Штатам в новой политической ситуации открылась реальная возможность постоянно направлять происходившие перемены в восточноевропейских странах в соответствии с американскими национальными интересами, не вызывая при этом откровенно негативной реакции Советского Союза.

В связи с этим в американских политических и академических кругах уделялось повышенное внимание восточноевропейской тематике. Так, известные американские специалисты, активно сотрудничавшие с Атлантическим советом США, занимавшиеся проблемами восточноевропейских стран, профессор

³³ The Department of State Bulletin. Vol. 88. N 2133. April 1988. P. 69.

³⁴ Ibid.

факультета государства и политики Мэрилендского университета К. Дэвиша, бывший дипломат Л. Гордон, президент компании «Кайзер рисерч» Дж. Кайзер признали, что именно «в связи с реформами в Советском Союзе открылись благоприятные возможности для преодоления раскола Европы»³⁵. С их точки зрения, «новая советская концепция Европы и европейской безопасности («общеевропейский дом») открывает далеко идущие перспективы для Восточной Европы»³⁶ и Запад «может оказать влияние на эти изменения в направлении, отвечающем его собственным интересам»³⁷. С данной точки зрения Восточная Европа для США – «плацдарм для американского могущества и потенциальный трамплин для расширения глобальной демократической системы в Евразию»³⁸. В связи с этим, отмечал Бжезинский, «необходимо подтвердить недвусмысленную и ощутимую поддержку объединению Европы»³⁹. «Главная геостратегическая цель Америки в Европе может быть сформулирована весьма просто: путем трансатлантического партнерства укреплять американский плацдарм на Евразийском континенте. Сохранение этого плацдарма и его расширение как трамплина для продвижения демократии имеет прямое отношение к безопасности Соединенных Штатов»⁴⁰, – такова позиция американской политики.

Стратегические планы демократизации Восточной Европы предполагали, как и прежде, активное использование «политики общей ситуации с правами человека». Однако в рамках указанной политики изменилось отношение к еврейской эмиграции из социалистических стран. В отличие от Советского Союза, где данный вопрос был ключевым с точки зрения распространения западных ценностей демократии⁴¹, приоритетный статус в восточноевропейских странах

³⁵ *Dawisha K.* Op. cit. P. 12.

³⁶ *Ibid.* P. 18.

³⁷ *Ibid.* P. 12.

³⁸ *Бжезинский З.* Ук. соч. С. 94.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 107.

⁴¹ *Lehigh Valley Jewish Americans March in Solidarity with Soviet Jews // U.S. Congressional Record.* 1987. Vol. 133. № 191. E 4646.

получили проблемы положения национальных и религиозных меньшинств⁴². Такая постановка вопроса прав человека в Восточной Европе, по мнению американских политиков, была более действенна с точки зрения распространения влияния США в данном регионе, поскольку расшатывала единство восточноевропейских стран. Акцент Соединенных Штатов на этнический и религиозный аспект позволял разрушить прежнюю иерархию ценностей в странах Восточной Европы. В итоге данная политика привела, в частности, к гражданской войне и распаду Югославии. В ситуации нестабильности, которую в значительной степени инициировали сами США, они позиционировали себя, как наиболее сильное государство западного мира, в качестве миротворца и посредника в региональных конфликтах. В действительности, данная политика являлась со стороны Соединенных Штатов средством проникновения в восточноевропейский регион под прикрытием идеи защиты свободы и демократии, соблюдения прав национальных и религиозных меньшинств.

Перспективность избранного Соединенными Штатами курса признавал профессор Северин Биалер, доктор исследовательского института международных трансформаций при Колумбийском университете. Выступая в конгрессе США на слушаниях в Палате представителей в мае 1988 г., он заявил, что в ближайшие годы в Восточной Европе следует ожидать возникновения народных волнений и серьезных социальных взрывов⁴³. Указанные процессы рассматривались как результат успешной реализации американской стратегии «распространения демократии».

В связи с этим профессор считал и в дальнейшем основной задачей администрации Р. Рейгана увязывать уровень развития отношений с восточноевропейскими странами со степенью их приверженности экономическим и политическим реформам. От этого, как полагал С. Биалер, зависела и возможность предоставления в будущем для Восточной Европы так называемого нового плана Маршалла, построенного на тех же принципах оказания экономической,

⁴² Time. August 22. 1988. P. 8. Remarks by Secretary of State James A. Baker, 111 at the CSCE Conference on the Human Dimension, Copenhagen, Denmark. June 6. 1990. P. 4, 6.

технической и гуманитарной помощи⁴⁴.

В целом, внешнеполитический курс США относительно Восточной Европы признавался американской политико-академической элитой эффективным. Для определения дальнейшей стратегии Вашингтона относительно восточноевропейских стран в мае 1988 г. в Конгрессе прошли слушания, где был представлен широкий спектр разработок экспертов по проблемам Восточной Европы. Высказанные рекомендации изучались и использовались Белым домом при формировании и проведении восточноевропейского курса. Так, Майкл Мэндельбаум, старший научный сотрудник Совета по международным отношениям, придерживаясь политики «дифференцированного» подхода, считал, что администрация США должна активнее использовать во взаимоотношениях с Восточной Европой экономические рычаги давления и культурные связи. Данные меры должны были, по его мнению, способствовать возвращению восточноевропейских стран в лоно западной «атлантической цивилизации». Безусловно, имелось в виду восприятие Восточной Европой американского образа жизни, институтов демократии, политической и экономической систем.

Майкл Мэндельбаум, исходя из оценки им ситуации в восточноевропейских странах, рекомендовал Белому дому сосредоточиться на установлении в Восточной Европе демократических форм правления, воссоединении Европы, и прежде всего Германии. При этом, по мнению эксперта, необходимо было устранить угрозу Западу со стороны СССР путем быстрого вывода советских войск, размещенных в Восточной Европе⁴⁵.

Пути воздействия на СССР и средства распространения демократии в восточноевропейских странах предлагал в конгрессе Вильям Х. Луерс, бывший посол США в ЧССР (1983–1986 гг.)⁴⁶. Эксперт считал, что США должны активно контактировать с политической, экономической и интеллектуальной элитой Восточной Европы, поддерживать оппозиционные группы, осуществлять

⁴³ United States – Soviet Relations. P. 66.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid. P. 165.

⁴⁶ Ibidem.

масштабное экономическое проникновение американского бизнеса в восточно-европейские страны, чтобы способствовать их экономическому дистанцированию от СССР. Кроме того, особое внимание, по его мнению, следовало обратить на этнические проблемы, существовавшие в Восточной Европе. С точки зрения американского эксперта, США должны были стимулировать обострение национального вопроса в восточноевропейских странах, так как это привело бы к распаду существовавших государственных образований, соответственно, к ликвидации политических систем, зависимых от СССР. Состояние хаоса и политической нестабильности позволило бы распространить американское влияние в восточноевропейских странах, заполнив образовавшийся вакуум, что в определенной степени удалось осуществить в бывшей Югославии.

Отдельно рассматривался Вильямом Х. Луерсом германский вопрос. По его мнению, это не только проблема немецкого народа. В решении этой проблемы ведущие представители американской политической элиты видели возможность преодоления раскола Европы, вовлечения Восточной Европы в сферу влияния Запада, распространения американских институтов демократии и образа жизни, гарантии американского присутствия в восточноевропейских странах. Для реализации обозначенных целей эксперт рекомендовал активно использовать личные амбиции М.С. Горбачева и внутренние проблемы Советского Союза, в силу которых эта страна практически самоустранилась от контроля над процессами, происходившими в странах Восточной Европы, и открыла большие возможности для Соединенных Штатов.

В период второго президентства Р. Рейгана происходило переосмысление общей концепции прав человека как элемента внешнеполитической деятельности американского государства. Ее философское содержание приводилось в соответствие с традиционными ценностями американского общества и увязывалось с интересами национальной безопасности США. Во второй половине 1980-х гг. проблема прав человека заняла ведущее место в системе приоритетов внешнеполитического курса Соединенных Штатов, так как, с точки зрения американских политиков, именно в этот период сложились благоприятные условия

для наиболее эффективного использования данного вопроса для достижения конкретных внешнеполитических целей. В целом, следует признать, что ведущие американские эксперты считали, прежде всего, необходимым для правительства США поощрять страны Восточной Европы к отходу от СССР и преобразованию своих политических и экономических систем. Продвижение демократии в Восточной Европе рассматривалось ими в качестве средства распространения американского влияния и вытеснения Советского Союза.

Заявления о защите свободы и демократии являются постоянными и традиционными во внешнеполитической риторике США. В условиях «холодной войны» политика «распространения демократии» стала средством противодействия коммунистической идеологии, а со второй половины 1980-х гг. выступила в качестве главного инструмента реализации внешнеполитических целей Соединенных Штатов в блоковом противостоянии систем и достижения лидерства в мире.

Стратегия «распространения демократии» в период второго президентства Р. Рейгана в новых международных условиях имела активное воздействие на политическую ситуацию во всех странах Восточной Европы. В Чехословакии население стало активно выступать за религиозные свободы, в Венгрии росло демократическое движение, в Восточной Германии молодежь начала «ногами» требовать права на свободный выезд из страны, в Польше в мощные ряды оппозиционных сил влились студенты, ведущие борьбу за академические свободы⁴⁷.

В конечном итоге стратегия «распространения демократии» привела в 1989 г. к демократическим преобразованиям в странах Восточной Европы. Выдвинутая стратегия имела вполне конкретные прагматические цели. В конечном результате, успешное восприятие американского опыта, с точки зрения политиков США, должно было втянуть восточноевропейские страны в сферу их влияния, показать всему мировому сообществу жизнеспособность американских ценностей демократии как вне, так и в самих Соединенных Штатах и, следовательно, подтвердить их лидерство.

Результаты избранной внешнеполитической доктрины Р. Рейгана, в частности стратегии «распространения демократии», рассматривались американскими политиками как очевидный успех, так как позволили США укрепить свои позиции в восточноевропейских странах. В свою очередь это означало, что в блоковом противостоянии с СССР Соединенные Штаты одержали значительную победу и могли претендовать на дальнейший рост своего влияния в мире.

⁴⁷ Mandate for Leadership III. Op. cit. P. 610.

Женщины-кандидаты в конгресс США: особенности избирательных кампаний (1970-е–1990-е годы)

The author of the article investigates the peculiarities of women's participation as candidates to the US Congress in the election campaigns during the 1970s – 1990s. She analyses the causes of the slow growth of women's representation in the federal Congress, the factors that hold the nomination of candidacies by women themselves, and the chances of female candidates to win the elections in case if they are balloted to the open seats, or stands as challengers and incumbents. She also researches the activities of the political action committees aimed to support female candidates and the question of funding of the women's electoral campaigns.

Женщины-кандидаты в избирательных кампаниях. Электоральные шансы женщин, нацеленных на завоевание места в федеральном Конгрессе или в ассамблее штата, зависят от многих факторов. К ним относятся:

- общая атмосфера в стране в отношении вопросов гендерного равенства, задаваемая дискуссиями в средствах массовой информации: в 1970-е гг. и общество в целом, и политические партии страны в частности были вынуждены отреагировать на требования активно заявившего о себе женского движения и подключиться к развернувшейся под его влиянием дискуссии по целому спектру вопросов, в т.ч. в отношении политики аффирмативных действий;
- партийные правила, связанные с гендером: в США федеральные партийные центры не требовали от местных партийных структур включения женщин в списки кандидатов в Конгресс. Так, устав Демократической партии делал аффирмативные действия легитимными только для обеспечения полного участия всех групп населения в партийных делах и процессе отбора делегатов на съезд¹. Республиканская партия выступала и против аффирмативных действий, и против квот на любом уровне;
- объем организационной и финансовой помощи претенденткам со стороны самих партий, комитетов политических действий и доноров, хотя далеко не всегда деньги решали успех дела;

¹ Charter and the By-Laws of the Democratic Party of the United States. Article 8. Full Participation. Section 3. Washington, D.C.: Democratic National Committee, 1997.

- необходимость выдвигаться против действующих конгрессменов: существующий в США с 1842 г. один из важнейших электоральных принципов, в соответствии с которым на очередных выборах в качестве кандидата партии выдвигают уже работающего в данном избирательном округе депутата.

Действующие конгрессмены, повторно выставляющие свои кандидатуры (*incumbents*), имеют исключительно высокие шансы выиграть выборы благодаря легкости получения финансовых средств, а также уже имеющемуся офису с неограниченным бесплатным доступом к телефону и оплаченными за счет бюджета поездками в свой округ. Традиционно их успех на выборах равнялся 98%. В результате многие депутаты, которые традиционно представляют группу WASP², служат в Конгрессе десятилетиями. За всю историю выборов по 1988 г. только 6% белых англосаксов мужчин-законодателей отказались выдвигать свою кандидатуру на очередной срок или умерли во время исполнения обязанностей. Из оставшихся только 2% не были переизбраны³. Таким образом, количество *открытых мест* было крайне невелико.

Эта особенность избирательной системы приводила к стабильности состава Конгресса. Поскольку же среди действовавших конгрессменов в 1970 – 1990-х гг. женщин было мало, то кандидаткам в большинстве случаев приходилось выдвигаться с минимальными шансами на успех против претендующих на переизбрание действующих конгрессменов-мужчин в качестве *челленджеров* (*challenger*). В целом примерно 60% женщин-кандидатов были челленджеры или выдвигались на открытые места в сравнении с 45% мужчин⁴. Остальные 40% женщин-кандидатов являлись действующими конгрессменами. Преобладание женщин-челленджеров препятствовало увеличению их числа в Конгрессе.

² Англ.: White Anglo-Sax Protestant – белый, англо-сакс, протестант.

³ Rule V., Pippa N. Anglo and Minority Women's Underrepresentation in Congress: Is the Electoral System the Culprit? // Ed. by V. Rule, J.F. Zimmerman. United States Electoral Systems: Their Impact on Women and Minorities. N.Y., 1992. P. 45.

⁴ Подсчитано по: Women Candidates for Congress. 1974–1996. Party and Seat Summary for Major Party Nominees. Center for the American Woman and Politics. Eagleton Institute of Politics. Rutgers University, 1996.

се. На всех выборах, начиная с 1982 по 1990 г., побеждало по одной женщине-челленджеру, в то время как число кандидаток варьировалось от 26 до 41⁵.

Но и выдвигаясь на открытые места, женщинам часто приходилось соглашаться на труднопроходимые из них, т.е. те, где их конкуренты из противоположной партии имели высокий процент голосов на предыдущих выборах. Отсюда небольшое количество женщин-кандидатов и относительно медленный рост их числа. Небольшая вероятность попадания в Конгресс приводила к нежеланию женщин вступать в избирательную борьбу. В Палату представителей баллотировались: в 1970 г. – 25 кандидаток, в 1974 г. – 44, в 1976 г. – 54, в 1978г. – 46, в 1980 г. – 52, в 1982 г. – 55, в 1984 г. – 65, в 1986 г. – 64, в 1988 г. – 59, в 1990 г. – 69⁶.

Небольшое количество женщин, выставивших на протяжении 1970-х – 1980-х гг. свои кандидатуры на открытые места, являлась причиной медленного роста их числа в федеральном Конгрессе. Например, в 1984 г. при наличии 24 открытых мест на *первичных выборах*⁷ было выдвинуто 130 мужчин и только 15 женщин, 4 из которых прошли номинацию и только одна была избрана в Палату представителей⁸.

Кардинальный перелом произошел начиная с выборов 1992 г., когда в числе кандидатов были зарегистрированы 117 женщин (11 – в Сенат и 106 – в Палату представителей)⁹. Хотя, по сравнению с предыдущими выборами, рост был несопоставимо большим, женщины составили всего 13% от общего числа кандидатов. Значительно увеличилось число женщин, претендовавших на открытые места. На первичных выборах 1992 г. в Палату представителей свои

⁵ Women Candidates for Congress. 1974–1996. Party and Seat Summary for Major Party Nominees.

⁶ Summary of Women Candidates for Selected Offices. 1968–1996. Center for the American Woman and Politics (CAWP). Eagleton Institute of Politics. Rutgers University, 1996; Women Candidates for Congress. 1974–1996. Party and Seat Summary for Major Party Nominees.

⁷ Первичные выборы, праймериз (*primary elections*) – выборы, на которых члены политической партии в определенном регионе голосуют за претендента, в лице которого они бы хотели видеть кандидата от своей партии на выборах в политический офис.

⁸ Women Candidates for Congress. 1974–1996. Party and Seat Summary for Major Party Nominees.

⁹ Ibid.

кандидатуры выдвинули 106 женщин, из них на открытые места претендовало 39, из которых 22 выиграла выборы; в Сенат на открытых местах победили все 3 кандидатки, прошедшие на первичных выборах. На выборах в Палату представителей в 1994 и 1996 гг. было соответственно 112 и 120 кандидатов-женщин, из которых 16 и 14 соответственно были номинированы на открытые места. Из них 8 женщин в 1994 г. и 5 в 1996 г. заняли места в Палате представителей¹⁰.

В период с 1976 по 1996 г. из 66 кандидатов-женщин в Сенат 6 были действующими конгрессменами, 41 – челленджерами, 19 баллотировались на открытые места. В Сенат попали 23%, но если из числа действующих конгрессменок прошли 83%, то среди *челленджеров* победивших оказалось только 2%, а среди пытавшихся пройти на открытые места успеха добились 47%. В тот же период в Палату представителей баллотировались 810 кандидатов. Из них 260 составили действующие конгрессменки, 245 (94%) из которых были переизбраны; 430 – *челленджеры*, только 18 (4%) которых получили места; из 120 женщин, искавших успеха на открытых местах, 53 (44%) оказались в Палате представителей¹¹. Таким образом, выборы выиграла 317 женщин, или 40% от числа баллотировавшихся. Но среди них действующих конгрессменок насчитывалось 245, баллотировавшихся на открытые места – 53 и *челленджеров* всего 18. Эти данные свидетельствуют о том, что выдвижение на открытые места являлось наиболее перспективным для впервые выставлявших свои кандидатуры, и хотя женщинам следовало более активно использовать этот путь, в большинстве случаев им приходилось бороться за избрание в качестве *челленджеров*, т. е. в крайне неблагоприятных условиях и с минимальными надеждами на успех.

Подтверждают это и результаты выборов в законодательные органы штатов. Женщины, победившие на выборах 1986–1996 гг., составили в среднем 59% от числа выдвинувших свои кандидатуры. При этом прошедшие в законодательные органы штатов действующие депутаты-женщины традиционно до-

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

бились высоких результатов – 93%, баллотировавшиеся на открытые места в среднем получили 51%, а женщины-челленджеры – 13,6%¹².

Анализ распределения кандидатов-женщин на выборах в Палату представителей по партийной принадлежности обнаруживает следующую картину. На протяжении 1970-х гг. демократки преобладали: 30, 34, 27 против 14, 20, 19 республиканок соответственно в 1974, 1976 и 1978 гг. В течение 1980-х гг. пропорция изменилась в сторону уравнивания и даже незначительного преобладания республиканок: в 1980, 1982, 1984 и 1986 гг. они были представлены 25, 28, 35, 34 претендентками, тогда как демократок насчитывалось соответственно 27, 27, 30, 30. С конца 1980-х гг. число кандидаток от Демократической партии вновь стало преобладать, а начиная с выборов 1992 г. разрыв почти удвоился: 33, 70, 72, 77 демократок на фоне 26, 36, 40, 42 республиканок в 1988, 1992, 1994, 1996 гг. соответственно¹³. На выборах в Сенат на протяжении 1970 – 1990-х гг. наименьшее количество кандидаток (всего одна) было в 1976 г., наибольшее (10) в 1984 г.¹⁴ При этом обе партии не демонстрировали больших различий в числе челленджеров и баллотировавшихся на открытые места, за исключением выборов 1992 г., когда демократы выдвинули 3-х женщин на открытые места (ни одной от республиканцев) и 6 женщин-челленджеров против 2 от республиканцев¹⁵.

В то время как во многих странах политические партии приняли специальные решения по поддержке выдвижения кандидатур женщин на выигранные места, в США федеральные центры демократов и республиканцев не требовали от местных партийных структур включения женщин в списки кандидатов в Конгресс. В то же время множественность выборов на федеральном,

¹² Подсчитано по: Women Candidates for State Legislatures. Election Results 1986, 1988, 1992, 1994 & 1996. Center for the American Woman and Politics. Eagleton Institute of Politics. Rutgers University, 1996.

¹³ Women Candidates for Congress. 1974–1996. Party and Seat Summary for Major Party Nominees.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

штатном и местном уровнях имела своим результатом столь же большое число занимавшихся ими политических групп.

При отсутствии квот выдвижение женщин в качестве кандидатов в федеральный Конгресс и Ассамблеи штатов зависело от множества обстоятельств, но прежде всего от отношения лидера местной партии к выдвижению женщин, настойчивости самих женщин, умению женских организаций и *комитетов политических действий* (PACs) убеждать женщин выдвигать свои кандидатуры в качестве челленджеров и на открытые места, наконец, – умелого фандрейзинга. Возможность собрать финансовые средства для проведения избирательной кампании во многом определяла шансы кандидата победить на выборах. В общественном восприятии женщины часто ассоциировались с неспособностью к этому роду деятельности, хотя факты доказывали, что они в целом привлекали к своим кампаниям сопоставимые с конкурентами-мужчинами суммы.

В 1984 г. *Фонд исследований женских кампаний* (*Women's Campaign Research Fund, WCRF*) провел анализ, в центре которого находилась проблема финансирования. Исследование базировалось на анализе копий счетов, представленных в Федеральную комиссию по выборам 3271 кандидата от основных партий, мужчин и женщин, участвовавших в выборах в Палату представителей с 1976 по 1982 г.¹⁶ Женщины, начиная с 1976 г., демонстрировали существенный и стабильный прогресс в привлечении средств спонсоров на избирательные кампании. Если в 1976 г. кандидат-женщина в среднем истратила 67% от усредненных сумм, использованных кандидатом-мужчиной, то в 1978 г. – 77%, в 1980 г. – 86% и в 1982 г. – 93%. Что касается женщины-челленджера, то в 1982 г. она в среднем истратила 99% от ассигнований мужчины-челленджера¹⁷. Таким образом, уже к 1982 г. женщины были способны наравне с мужчинами привлекать пожертвования на свои кампании и от крупных доноров (передавших 500 долларов и более), и от основных политических партий, и от комитетов политических действий. Стало правилом, что действующие депутаты почти всегда

¹⁶ Perception and Reality: A Study of Women Candidates and Fund-Raising. Conducted by the Women's Campaign Research Fund. Washington, D.C.: Women's Campaign Research Fund, 1984.

собирали на свои кампании больше денег, чем *челленджеры*, причем женщина привлекала на свои кампании столько же денег, сколько и мужчина. На выборах 1994 г. действующие конгрессмены-женщины истратили больше денег, чем их оппоненты в 93% избирательных гонок. Что касается открытых мест, то женщины в 73% случаев привлекали больше средств, чем их конкуренты¹⁸.

О динамике же расходов в абсолютном исчислении можно судить по следующим данным. На выборах 1982 г. победившая женщина-кандидат в среднем истратила приблизительно 228 тыс. долларов. Через 3 цикла выборов, на выборах 1988 г., эта сумма более чем удвоилась, достигнув 510 тыс. долларов¹⁹. К 1999 г. средняя цена места в Палате представителей возросла до 675 тыс. долларов, сенаторского кресла – примерно до 4 миллионов²⁰. Особенностью, однако, являлось то, что женщинам удавалось получить значительно меньше средств от индивидуальных жертвователей, поэтому решающими для них становились деньги женских *комитетов политических действий*. Поскольку же их число в стране постоянно росло, то финансовые ресурсы, были, хотя и трудной, но вполне преодолимой преградой для кандидатов-женщин.

Наличие необходимых денежных средств выступало важным фактором, но не всегда являлось гарантией победы на выборах. Причины, по которым женщины проигрывали или выигрывали выборы, заключались не только в деньгах. Джоан Финни победила в праймериз в Демократической партии за выдвижение на пост губернатора Канзаса в 1990 г. с суммой затрат всего 43 тыс. долларов против 340 тыс. долларов, которые истратил ее оппонент – отработавший два срока губернатор штата Джон Карлин²¹. На выборах 1994 г. в Конгресс республиканка Барбара Кубин победила с суммой в 344,1 тыс. долларов, что составило 17% от расходов ее оппонента, который истратил 2045,1 тыс.

¹⁷ Ibid. P. 9.

¹⁸ The Federal Election Report; CAWP News and Notes. Winter 1994. Vol. 10. № 1. P. 16.

¹⁹ Rule W., Pippa N. Op. cit. P. 46.

²⁰ Известия, 13 ноября 1999. С. 3.

²¹ *Marmo M.M.*. Biographical Directory of the Governors of the United States. 1988–1994. Westport, 1994. P. 137.

долларов²². Еще три республиканки выиграли места в Конгрессе на этих же выборах, истратив 17, 30 и 78% относительно затрат их оппонентов. Одна демократка получила место в Сенате с суммой трат, составившей только 44% от расходов оппонента. 11 женщин, включая одну кандидатку от демократов в Сенат и 10 – в Палату представителей, потерпели поражение, хотя привлекли больше денег, чем их оппоненты²³.

Комитеты политических действий и финансирование женских избирательных кампаний. Женские организации и комитеты политических действий стали играть исключительно важную роль в избирательных кампаниях женщин, поддерживая их финансово и организационно. Обе политические партии одновременно образовали федеральные без фиксированного членства комитеты политических действий, оказывавшие финансовую поддержку кандидатам по партийной принадлежности. Республиканцы создали *Женскую лигу политических действий (Women's Political Action League)* во главе с Морин Рейган и *Фонд кампаний женщин-республиканок (Campaign Fund for Republican Women)* во главе с Вильмой Голдстейн. Демократы поддержали отпочковавшийся от *Демократического комитета кампаний Конгресса (Democratic Congressional Campaign Committee, DCCC)* *Женский совет Конгресса (Women's Congressional Council)* и *Фонд Элеонор Рузвельт (Eleanor Roosevelt Fund)*. Последняя организация начала свою деятельность под крылом *Демократического национального комитета*, передав около 100 тыс. долларов женщинам, баллотировавшимся на уровне штатов и местном уровне уже в 1986 г.²⁴

Старейшим среди женских комитетов политических действий, не связанных ни с какими партиями, являлся созданный в 1974 г. федеральный, межпартийный, без фиксированного членства *Фонд женских кампаний (Women's Campaign Fund, WCF)* со штаб-квартирой в Вашингтоне. Он помогал *pro-choice*

²² CAWP News and Notes. Winter 1994. Vol. 10. № 1. Center for the American Woman and Politics. Eagleton Institute of Politics. Rutgers University. P. 17.

²³ Ibid. P. 16.

²⁴ Women's PACs. A Status Report // CAWP News & Notes. August 1986. Vol. 4. № 3. Center for the American Woman and Politics. Eagleton Institute of Politics. Rutgers University. P. 10.

кандидаткам, независимо от их партийной принадлежности, попасть на все уровни законодательной и исполнительной власти – от мэра до сенатора США, от уполномоченного представителя графства до губернатора. Фонд оказывал финансовую и техническую помощь женщинам уже на самых ранних стадиях избирательной кампании. Чуть более чем за 20 лет своего существования *Фонд женских кампаний* оказал финансовую и техническую помощь свыше 1300 женщинам-кандидатам²⁵. Только в 1984 г. он распределил сумму в 400 тыс. долларов в пользу женщин-кандидатов. *Фонд женских кампаний* стремился создать национальную сеть мужчин и женщин, приверженных идее развития женского лидерства в стране. С этой целью 30% средств Фонд передавал женщинам, баллотировавшимся в органы власти штатов и графств, что являлось ступенью для дальнейшего продвижения в губернаторы, сенаторы и конгрессмены страны. В 1982 г. демократка Луис Слотер с помощью *Фонда* была избрана в Ассамблею штата Нью-Йорк, где прослужила до 1986 г., а затем в 1987 г. была избрана в Конгресс США²⁶. В 1980 г. *Фонд женских кампаний* впервые поддержал Дайанн Файнштейн, когда она переизбиралась на должность мэра Сан-Франциско²⁷. В 1992 г. Файнштейн, заполнив появившуюся вакансию, стала сенатором США, а в 1994 г. ей пришлось участвовать в самой дорогой избирательной кампании за всю историю США, в которой ее оппонент истратил в 2 раза больше средств, но проиграл. В 1978 г. *Фонд* поддержал Нэнси Кассебаум в ее первой успешной кампании в Сенат и 11 кандидаток в Палату представителей, среди которых впервые были избраны Олимпия Сноу и Джеральдин Ферраро²⁸. Уже через 4 дня после того, как в 1985 г. Ферраро объявила о своем решении баллотироваться в Сенат, Фонд первым из национальных женских орга-

²⁵ Women's Campaign Fund and Women's Campaign Research Fund // Women's Campaign Fund. Information Packet. Washington, D.C.: Women's Campaign Fund, 1997.

²⁶ Ibid; National Directory of Women Elected Officials. Washington D.C.: Women's Campaign Fund, 1997. P. 86.

²⁷ Facts about the Women's Campaign Fund // Women's Campaign Fund. Information Packet; National Directory of Women Elected Officials. Washington, D.C.: National Women's Political Caucus, 1997. P. 40.

²⁸ Women to Watch. National Candidates Supported by the Women's Campaign Fund // A Flyer. October 1. Washington, D.C.: Women's Campaign Fund, 1978.

низаций передал взнос на проведение ее кампании. В 105-м Конгрессе США *Фонд женских кампаний* финансово поддерживал 8 женщин в Сенате и 37 – в Палате представителей²⁹. До 1996 г. *Фонд женских кампаний* возглавлял Совет директоров и исполнительный директор. Перемена произошла в 1996 г., когда был введен пост президента. Им избрали являвшуюся на протяжении двух сроков членом Конгресса США Марджори Марголис-Мезвински³⁰. В обеих избирательных кампаниях в Конгресс она получила существенную финансовую помощь от *Фонда женских кампаний*³¹. Марголис-Мезвински была руководителем американской делегации на Четвертой всемирной конференции ООН по положению женщин в Пекине в 1995 г.

Среди многочисленных организаций и комитетов политических действий, занимавшихся в 1990-е гг. фандрейзингом для продвижения женщин-кандидатов, одной из первых и самой известной в США являлась организация с фиксированным членством *Список EMILY's (EMILY's List)*, основанная в 1985 г. Эллен Малколм³². Целью ее стало обеспечить финансовой поддержкой на ранних стадиях избирательной кампании *pro-choice* женщин из Демократической партии. Эта организация наряду с финансированием помогала женщинам организовать эффективную кампанию по выборам и мобилизовывала женский электорат голосовать за женщин-кандидатов. Со временем *Список EMILY's* превратилась в самую крупную ресурсную организацию для потенциальных кандидатов в федеральный Конгресс. К 1998 г. она способствовала избранию 32 женщин в Палату представителей, 5 – в Сенат американского Конгресса (Барбара Боксер, Кэрол Мосли-Брон, Барбара Микалски, Дайанн Файнштейн, Мэри Лондрию, Пэтти Мерей), а также 3 – на посты губернаторов (Энн Ричардс в Техасе,

²⁹ Women's Campaign Fund – Making a Difference // Women's Campaign Fund. Information Packet.

³⁰ Michelle Artz, Deputy Development Director of the Women's Campaign Fund to Irina Tchikalova. A letter from 29.01.1998; Women's Campaign Fund Names Marjorie Margolies-Mezvinsky to Head // Women's Connection Online Inc., 1997.

³¹ Women's Campaign Fund Names Marjorie Margolies-Mezvinsky to Head // Women's Connection Online Inc., 1997.

³² EMILY's List Information Packet. Washington, D.C.: EMILY's List, 1998.

Барбара Робертс в Орегоне, Джин Шахин в Нью-Гемпшире)³³. Членство в организации выросло с 1200 человек в 1986 г. до 3612 в 1990 г. и 33156 – в 1994 г.³⁴ В отличие от большинства комитетов политических действий, чьи правления решали, как истратить взносы спонсоров, *Список EMILY's* являлась организуемой снизу политической сетью: члены организации получали характеристики pro-choice кандидатов-женщин и отправляли личные чеки непосредственно претендентке. Так, в ходе избирательного цикла 1993 – 1994 гг. организация мобилизовала более 8,2 млн. долларов при среднем взносе менее 100 долларов³⁵. В 1994 г. *Список EMILY's* в партнерстве с Демократической партией Калифорнии начала реализацию отдельной программы «Женщины голосуют!» по мобилизации женщин-избирательниц. Успех ее проиллюстрировало переизбрание в 1994 г. сенатором Дайанн Файнштейн, избрание в 1995 г. Зо Лофгрэн и в 1996 г. – Джаниты Миллендер-МакДональд в Палату представителей от Калифорнии³⁶. С тех пор организация осуществляла этот проект во всех штатах, где имелись *pro-choice* женщины-кандидаты от демократов.

Одним из первых женских комитетов политических действий в США стал образованный представителями индустрии развлечений *Женский политический комитет Голливуда (Hollywood Women's Political Committee)*, участницы которого платили 1500 долл. в качестве годового членского взноса. Несмотря на то, что в комитет входили только женщины, он оказывал помощь и мужчинам. В частности, в ходе кампании по выборам в Сенат созыва 1985–1987 гг. *Женский политический комитет Голливуда* активно поддерживал 7 кандидатов (5 мужчин и 2 женщины), включая будущего лидера демократического меньшинства в Сенате Тома Дэшл из Южной Дакоты, Харриет Вудс из Миссури и Барбару Микалски из Мэриленда. Он также оказывал финансовую помощь Белле Абзуг

³³ Women We've Helped to Elect. Washington, D.C.: EMILY's List, 1998.

³⁴ EMILY's List: A Force for the Future of Women in Politics. Washington, D.C.: EMILY's List, 1995; Women's PACs. A Status Report // CAWP New and Notes. August 1986. Vol. 4. № 3. P. 10.

³⁵ EMILY's List: A Force for the Future of Women in Politics. Washington, D.C.: EMILY's List, 1995.

³⁶ National Directory of Women Elected Officials 1997. Washington, D.C.: National Women's Political Caucus, 1997. P. 40, 50, 51.

на выборах в Палату представителей и Мадлен Кунин на выборах в губернаторы Вермонта³⁷.

В 1984 г. был образован *Национальный политический конгресс черных женщин* (*National Political Congress of Black Women*) во главе с Ширли Чишолм, который стал первой межпартийной организацией, поставившей задачу политического усиления афро-американских женщин. В 1986 г. Национальный политический конгресс черных женщин организовал свой комитет политических действий для продвижения женщин афро-американского происхождения в федеральный и местные законодательные органы. Уже в первый год существования он создал фонд в 50 тыс. долларов и использовал его на поддержку своих кандидаток³⁸. За первые 10 лет существования организации число женщин афро-американского происхождения, избранных в законодательные учреждения разного уровня, выросло с 1223 в 1983 до 2330 в 1993 г.³⁹ Кэрол Мосли-Брон стала первой афро-американской женщиной, в 1992 г. избранной в Сенат США.

Если в конце 1985 г. в США насчитывалось 25, то в 1990 г. уже 35 комитетов политических действий⁴⁰. Из них 10 были федеральными, большинство из которых базировалось в Вашингтоне. Примерно половина комитетов политических действий находилась в Калифорнии, образовав женскую сеть под общим названием «*Женский политический саммит*» (*Women's Political Summit*). В 1990 г. 27 из 35 комитетов политических действий были обследованы специалистами Центра «Американская женщина и политика» (*CAWP*) на предмет выявления размеров оказанной ими финансовой помощи кандидатам. Из них 17 финансировали только женщин и 10 – женщин и мужчин. В целом они оказали прямую финансовую помощь 933 кандидатам, из которых 634, или 68%, были женщи-

³⁷ Women's PACs. A Status Report. P. 10.

³⁸ Ibid. P. 11.

³⁹ The National Political Congress of Black Women. Information Packet. Silver Spring, Maryland, 1997.

⁴⁰ Women's PACs. A Status Report. P.10; Women's PACs in 1990: Continuing to Make a Difference // CAWP News and Notes. Winter 1991. Center for the American Woman and Politics. Eagleton Institute of Politics. Rutgers University. P. 10.

ны⁴¹. Из суммы в 3114,4 тыс. долларов, переданных кандидатам 26 комитетами политических действий, 2695,3 тыс. доллара (87%) пошли на избирательные кампании женщин⁴².

Выборы 1992 г. продемонстрировали феноменальный рост женских комитетов политических действий, число которых достигло 48. Из них 37 действовали на уровне штатов или округов. Особенно возросло количество переданных денег и число поддержанных кандидатов. В 1992 г. из 11852,6 тыс. долларов, переданных ими на избирательные кампании, 11558,7 тыс. долларов (98%) пришлось на долю кандидатов-женщин; 75% кандидатов, поддержанных женскими РАС, были женщины⁴³. Крупнейший спонсор кандидатов в Сенат и Палату представителей *Список EMILY's* перечислил 6,2 млн. долларов, а 2 других РАС (*Фонд женских кампаний* и накануне организованный *Женский совет демократического комитета по выборам в Сенат*) передали по 1,5 млн. долл. каждый кандидатам-женщинам⁴⁴. *Фонд женских кампаний Миннесоты* (136 тыс. долларов) и *Женский политический комитет в Лос-Анджелесе* (120 тыс. долларов) дали кандидатам больше денег, чем другие комитеты политических действий, действовавших на уровне штата. 8 РАС передали женщинам по меньшей мере по 100 тыс. долларов, 2 – по 50 тыс., 9 – по 10 тыс. долларов⁴⁵.

В 1997 г. имелось уже 58 РАС и донорских сетей, которые либо финансировали кампании женщин, либо имели донорскую базу, преимущественно состоявшую из женщин. Среди них 11 были федеральными, большинство из которых находилось в Вашингтоне, 47 действовали на уровне штатов, или представляли собой местные РАС и донорские сети. В указанном году РАС и донорские сети действовали в 24 штатах по сравнению с 22 штатами в 1993 и 11 штатами в 1990 г. В 8 штатах их было по 2 и более: в Калифорнии – 16, в Нью-

⁴¹ Women's PACs in 1990: Continuing to Make a Difference. P. 10.

⁴² Ibid.

⁴³ Women's PACs Dramatically Increase their Support in 1992: An Overview // CAWP News & Notes. Winter 1993. Vol. 9. № 1. Center for the American Woman and Politics. Eagleton Institute of Politics. Rutgers University. P. 10.

⁴⁴ Ibid. P. 11.

⁴⁵ Ibid.

Джерси – 4, в Алабаме, Делавере, Иллинойсе, Луизиане, Оклахоме и Пенсильвании – по 2 в каждом⁴⁶. Помимо того, 3 организации занимались сбором средств и субсидировали женщин под крышами федеральных и местных демократических партий: *РАС женского демократического клуба Делавера (РАС of the Woman's Democratic Club of Delaware)*, *Фонд Элеонор Рузвельт в Калифорнии (Eleanor Roosevelt Fund of California)*, *Женский совет демократического комитета по кампаниям в Сенат*. Финансовую и техническую поддержку кандидатам как в федеральный офис, так и в органы власти на местах оказывал *Национальный женский политический кокус*. В 1996 г. Кокус поддержал 100 женщин, выдвинутых в федеральные органы, и сотни *pro-choice*-кандидаток в ассамблеи и органы исполнительной власти штатов и местные органы⁴⁷.

Таким образом, *Список EMILY's*, *Национальный женский политический кокус*, *РАС Национальной организации женщин*, *Фонд женских кампаний* и многие другие женские организации частично обеспечивали финансирование избирательных кампаний женщин, но их ресурсы были ограничены. Эти организации, равно как и индивидуальные доноры и *комитеты политических действий*, предпочитали давать деньги кандидатам, у которых имелись хорошие шансы на победу и опыт работы в выборных органах. Это обстоятельство, усиливавшееся благодаря стереотипу о политике как не женском занятии, останавливало, особенно в 1970-х – 1980-х гг. многих потенциальных кандидаток от выдвижения на выборах, особенно в качестве челленджеров. Трудности в поиске денег для женщин-челленджеров состояли в том, что они могли оказаться последними в списках на финансирование. На выборах 1988 г. корпоративные комитеты политических действий передали женщинам – действующим конгрессменам (среди которых было всего 23 женщины) 90% денег⁴⁸. На практике

⁴⁶ Women's PAC's and Donor Networks: A Contact List. Fact Sheet. Center for the American Woman and Politics. Eagleton Institute of Politics, Rutgers University, 1997; Women's PACs in 1990: Continuing to Make a Difference. P. 10; Women's PACs and Donor Networks: A Contact List // CAWP News & Notes. October 1993. Vol. 9. № 2. P. 18.

⁴⁷ NWPC Special Trainings // Information Packet. Washington, D.C.: National Women's Political Caucus, 1997.

⁴⁸ Rule W., Pippa N. Op. cit. P. 47.

трудность аккумуляции средств приводила к небольшому числу кандидатов-женщин от обеих партий.

Вовлечение женщин в политическую деятельность не только наталкивалось на финансовые барьеры, но и требовало преодоления их собственной инертности и неподготовленности к депутатской работе. Опросы, проводившиеся среди студенток колледжей, демонстрировали, что молодые женщины не проявляли большого интереса к политической карьере. В частности, по выборочному обследованию, проведенному в середине 1990-х гг., только 15,4% студенток первого курса рассматривали работу во влиятельных политических структурах в качестве будущих приоритетов своей профессиональной деятельности и лишь 26,5% считали важным следить за политическими событиями⁴⁹. В этих условиях развитие женского лидерского потенциала, приобретение личного опыта общения с действовавшими и бывшими политиками являлось одной из предпосылок привлечения женщин в политические структуры.

Демократический и Республиканский национальные комитеты предлагали потенциальным кандидатам программы тренингов, которые в равной мере были полезны для женщин и волонтеров их кампаний. Однако они не проводили для женщин специальные тренинги. Этот вакуум у республиканцев восполняли занятия, которые организовывала *Национальная федерация республиканских женщин*. Она проводила *Школы по менеджменту кампаний*, а также одно- и двухдневные семинары, посвященные избирательным кампаниям в штатах и в местные органы власти.

В свою очередь в 1993 г. Национальный комитет Демократической партии образовал *Форум женского лидерства (Women's Leadership Forum)* во главе с почетным председателем Типпер Гор, женой вице-президента страны, для поддержки кандидатов от Демократической партии посредством мобилизации женщин⁵⁰. В 1998 г. организация насчитывала 20 тыс. членов. Пользуясь неог-

⁴⁹New Leadership: Education and Empowerment for a New Generation of Women Leaders. Center for the American Woman and Politics. Rutgers University, 1997.

⁵⁰ Women's Leadership Forum of the Democratic National Committee. Washington, D.C.: Democratic National Committee, 1998.

раниченной официальной поддержкой партии, Форум занимался проведением тренингов по тактике защиты интересов женщин, организовывал многочисленные конференции по всей стране для создания активной сети женщин, поддерживавших Демократическую партию. Финансовая поддержка была одной из основных форм участия в работе Форума женского лидерства. В апреле 1998 г. на его Пятой ежегодной конференции вице-президент Альберт Гор и почетный председатель Типпер Гор объявили о начале новой кампании «100 тысяч женщин к 2000 году», широко поддержанной Демократическим национальным комитетом⁵¹. Фокусом работы этой организации была не подготовка женщин к выдвижению в политические структуры, а примерно то, чем занималась с момента своего основания *Национальная федерация республиканских женщин*, – мобилизация голосов женщин на предстоящих выборах. Их голоса на избирательных участках были решающими в победе демократов на президентских выборах 1992 и 1996 гг., а слабая активность при выборах в Конгресс 1994 г. впервые за 40 лет привела республиканцев к преобладанию в обеих палатах Конгресса.

В связи с отсутствием особого интереса со стороны партий к работе с женщинами как потенциальными кандидатами, отдельным направлением работы независимых женских организаций стало проведение колледжей, школ, семинаров, тренингов с целью развить лидерский потенциал, познакомить перспективных кандидаток с особенностями предвыборных кампаний и законодательным процессом. Появился ряд организаций и программ, специализировавшихся на политическом образовании женщин. Среди них выделялись *Фонд исследований женских кампаний*; *Образовательная сеть общественного лидерства*; *Национальный женский политический кокус*; *Новое лидерство* и *Инициатива лидерства молодых женщин* Центра «Американская женщина и политика»; академические семинары «*Женщины как лидеры*» и программы стажировок «*Женщины в общественной политике*», организуемые *Вашингтонским центром стажировок и академических семинаров*; ежегодная *Женская школа*

⁵¹ Women's Leadership Forum of the Democratic National Committee.

кампаний в Йельском университете. Например, ежегодно в разных мероприятиях *Национального женского политического кокуса* участвовало более 50 тыс. женщин⁵².

Таким образом, различия в гендерной политике демократов и республиканцев в США отчетливо проявились в практике продвижения женщин в законодательные органы власти. На выборах в Палату представителей Конгресса США, проведенных в 1970-х – 1990-х гг., Демократическая партия выдвинула в 1,4 раза больше женщин, чем Республиканская. Если же принять в расчет только избирательные кампании 1992, 1994, и 1996 гг., то разрыв в числе кандидатов от этих партий окажется большим в 1,9 раза, т. е. почти удвоится. Подобный подход обеспечил демократам большее присутствие женщин в Палате представителей всех созывов, начиная с 1969–1971 гг. Количественное превосходство женщин-демократов имело место и в законодательных органах штатов.

В то же время при отсутствии партийных квот выдвижение женщин в качестве кандидатов в федеральный Конгресс и Конгрессы штатов зависело и от множества других обстоятельств, прежде всего таких как позиция лидера местной партии, настойчивость самих женщин, работа женских организаций и комитетов политических действий, способность кандидата привлечь финансовые средства к своей избирательной кампании. Избрание женщин затрудняла сама избирательная система, в силу особенностей которой женщины в большинстве случаев оказывались в неблагоприятной ситуации. Попытки выиграть выборы против действующего конгрессмена приносили успех лишь в 4 – 13% случаев и только соперничество за открытые места давало 40 – 50%-ную гарантию успеха. Но претендентки на открытые места составляли абсолютное меньшинство: в Палату представителей Конгресса США 15% и в законодательные органы штатов порядка 32%. Совокупность указанных обстоятельств обусловила медленный рост числа женщин, вступавших в борьбу за место в Конгрессе и Ассамблеях и тем более побеждавших в ней.

⁵² NWPC Overview // Information Packet. Washington, D.C.: National Women's Political Caucus, 1999. P. 1.

Тем не менее, несмотря на существенные барьеры, женская часть депутатского корпуса Конгресса США заметно возросла. Если в Палате представителей созыва 1969 – 1971 гг. было всего 10 женщин (2,3%), то в Палате, избранной на 1999 – 2001 гг., – 58 (12,9%). Меньший, но все же определенный прогресс продемонстрировали выборы в Сенат, где число женщин в аналогичных созывах возросло с 1 (1%) до 9 (9%). За это же время доля женщин в законодательных органах штатов увеличилась с 4,5 до 22,3%. В большей пропорции и стабильно женщины представлены в органах исполнительной власти. Следствием роста числа женщин в общественной политике, осознания общности своих интересов становилось формирование женских межпартийных организаций в Конгрессе и Ассамблеях штатов и продвижение законодательства в интересах женщин.

Состояние и перспективы российско-американских отношений: оценки экспертов и общественности

The article deals with the most important problems of contemporary Russian-American relations. The author analyses public polls data on mutual perception of the USA and Russian Federation. There are experts' points of view as illustrations of "cold peace". The geopolitical position of Russia is in the centre of the author's analysis.

Россия вошла в 2008 год с самой сильной геополитической позицией со времен холодной войны. К такому выводу пришли авторы доклада-прогноза на новый год из американского исследовательского центра «Стратфор», сообщает вашингтонский корреспондент РИА «Новости». Данный центр – авторитетная частная аналитическая организация, известная своим прогнозированием геополитических процессов в мире. Исходя из всего этого сотрудники «Стратфора» даже призывают Россию пойти на «конфронтацию» с Западом, т.е., по сути, провоцируют Москву. Правда, докладчики тут же оговариваются, что под «конфронтацией» не обязательно имеется в виду война – это может быть «просто конфликт, который покажет российскую мощь на фоне слабости Запада»¹. И такие заявления и прогнозы отнюдь не новое явление в российско-американских отношениях.

Как отмечают аналитики, последнее время в отношениях России и США повеяло холодом. Сначала 8 февраля 2007 г. глава Пентагона Роберт Гейтс призвал увеличить численность вооруженных сил страны для того, чтобы США были готовы к масштабной войне с Ираном, КНДР, Китаем и Россией. Затем МИД РФ запросил через американского посла в Москве разъяснения по поводу соответствия высказываний министра обороны позиции администрации США.

Вскоре президент РФ В.В. Путин произнес мюнхенскую речь, в которой резко осудил политику США и НАТО. Одним из ключевых моментов мюнхенской речи В.В. Путина стал вопрос о приближения военной инфраструктуры НАТО к российским границам. Президент пообещал, что Россия асимметрично

¹ Электронный ресурс / Режим доступа: <http://km.ru/news/09.01/2008>.

ответит на создание американской системы противоракетной обороны (ПРО), которую Пентагон намерен расположить в Польше и Чехии².

Как заявил В.В. Путин, те тезисы, которые он изложил в своей речи, не стали откровением для американских политиков, поскольку он их уже озвучивал в прямых беседах с коллегами. Критика В.В. Путина была болезненно воспринята в Пентагоне. Министр обороны США Роберт Гейтс даже заметил в ответ российскому президенту, что «одной холодной войны было вполне достаточно»³.

Конечно, холодной войной взаимоотношения Россия – США называть не следует, но на память приходит термин «холодный мир».

В 1980-х гг. Дмитрий Саймс⁴ написал статью в «Вашингтон пост» под заголовком «Холодный мир». Это выражение тогда стало распространенным. Но оно и сейчас хорошо характеризует ситуацию, которая сложилась во взаимоотношениях между Россией и США. Сегодня официальная риторика обеих сторон не признает скатывание к конфронтации, как это было в период холодной войны, но совершенно очевидно, что мы снова оказались в промежуточной стадии, и к чему она должна привести, не сформулировано четко ни в той, ни в другой стране. Конечно, сегодня нет плана Маршалла, нет доктрины Трумэна, которые были платформой для американской внешней политики, Россия не является и не претендует на роль сверхдержавы, у обеих стран есть множество проектов, в которых США и Россия выступают как партнеры. Мир стал многополярным... Перечень фактов, свидетельствующих о отсутствии явного соперничества, можно продолжать и продолжать. Конечно, мы не думаем, что гражданам США всегда нужен враг. Но, при размышлении над данной ситуацией вспоминается позиция авторов книги «Враги в политике», которые отмечали: «Кажется, что мы всегда нуждаемся во враге и козле отпущения, если его еще нет в наличии, мы создаем

² Электронный ресурс / Режим доступа: www.polit.ru. 15.02.2007.

³ Электронный ресурс / Режим доступа:

<http://body.imho.ru/html.ng/imp=imp&place=rian240x400&id=1&transactionID=14184>

⁴ Дмитрий Саймс – один из наиболее авторитетных экспертов в области российско-американских отношений в США. Д. Саймс является президентом Центра Никсона (Вашингтон) и издателем журнала The National Interest.

его. Враг(и) помогает выявить нелояльность в собственной стране, помогает отвлечь от внутренних проблем»⁵.

В этой связи мы обратимся анализу состояния общественного мнения по ряду вопросов, которые были актуальны в период холодной войны, и сделаем попытку проследить основные тенденции.

Традиционно на протяжении более полувека в США проводятся опросы по выяснению отношения американцев к странам мира. Различные службы и институты по опросам общественного мнения предлагают респондентам выразить свое отношение к той или иной стране мира. В первую пятерку стран предпочтения для американцев, по данным института Гэллапа в феврале 2006 г., входят Канада, Австралия, Великобритания, Италия, Франция. Россия занимает из 26 предложенных стран 19-е место. За ней идут Китай, Куба, Палестинская автономия, Северная Корея, Иран, Ирак, Ливия⁶. Совершенно очевидны симпатии и антипатии американцев.

Давно уже нет Советского Союза и советской системы, но и в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция уменьшения оптимизма и доброй воли в отношениях с Россией, которые были характерны для периода времени, последовавшего сразу после холодной войны. Это объясняется некоторыми изменениями экономической ситуации в России, стабилизацией внутри страны и более твердым курсом во внешней политике. Подавляющее большинство населения в 2006 г. (81%) все еще относят Россию к жизненно важным объектам для США, с 1994 г. этот процент несколько повысился⁷.

Отношение американцев к нашей стране с 1953 г., когда впервые было проведено такое исследование институтом Гэллапа, вплоть до 1988 г. оставалось «неблагоприятным». В восьмидесятые годы негативизм стал несколько снижаться. В 1988 г. число респондентов «благоприятно» и «неблагоприятно» относящихся к СССР/России приблизительно сравнялось, в 1989 г. 62% респондентов отметили ответы «благоприятно» и «очень благоприятно». Причем

⁵ *Finlay D.J., Holsty O.R., Fagen R.R. Enemies in Politics. Chicago, 1987. P. 175.*

⁶ *Internet. Polling Report.com. Foreign Affairs and Defense Issues. P. 1-2.*

между 1987 г. и 1989 г. число положительных ответов увеличилось с 25% до 62%, а негативных снизилось с 71% до 29%⁸. В девяностые годы опять наметилась тенденция к ухудшению восприятия России. Весна 1999 г. стала рубежом снижения благоприятного отношения к нашей стране. Основной причиной этого, на наш взгляд, стало критическое отношение России к действиям США против Югославии. После непродолжительного роста числа респондентов, благоприятно относящихся к России, в марте 2003 г. Организация Гэллага зафиксировала снижение до 41%. Это было связано с решимостью России наложить вето на предложенную США и Великобританией резолюцию ООН по Ираку.

Таблица 1

Россия как страна предпочтения

Вопрос: Каково ваше мнение о СССР/России? В целом вы относитесь к России очень благоприятно, благоприятно, в основном неблагоприятно, неблагоприятно, нет мнения, (в %)

	Благоприятно	Неблагоприятно	Нет мнения
2007 февраль	53	41	6
2006 февраль	58	35	7
2005 февраль	61	33	6
2004 февраль	59	35	6
2003 март	41	52	7
2002 февраль	66	27	7
2001 февраль	51	42	7
2000 ноябрь	40	51	9
1999 ноябрь	38	58	4
1999 апрель	33	59	8
1999 февраль	44	44	12
1996 март	52	39	9
1995 апрель	49	44	7
1994 февраль	56	38	6
1992 февраль	57	33	10
1991 август	66	25	9
1990 май	55	32	13

⁷ Organization: Harris Interactive // Time, Cable News Network. Date: SEP 27-28, 2006.

⁸ Подробнее см.: *Рябцева Е.Е.* Внешнеполитические предпочтения американской общественности (вторая половина XX века). Астрахань, 2000. Гл.2.

1989 февраль	62	29	9
--------------	----	----	---

Источник: The Gallup Organization. Poll Releases. January 6, 2000. The Gallup Organization. Poll Releases. February, 2007.

Чтобы оценить, как население относится к соседям и союзникам, друзьям и противникам во всем мире, респондентам Чикагского совета было предложено оценить свои чувства к 25 странам по шкале термометра от 0 до 100 градусов. 50 градусов считаются нейтральным отношением, а теплые чувства – выше 50. Как и в предыдущие годы⁹, ведущими странами являются Канада и Великобритания, за ними следует Италия (зарегистрировано самое большое повышение), Мексика, Германия и Бразилия. Россия потеряла свои позиции по сравнению с 1994 г., и теперь ее обошли Бразилия, Израиль, Япония, Польша, Южная Африка, Южная Корея и Тайвань.

И все же нейтральная температура России остается намного выше среднего уровня времен холодной войны. Сохраняются теплые чувства к Бразилии, также как и нейтральные к Польше, несмотря на низкий уровень этих стран в списке жизненных интересов США. Китай и Саудовская Аравия, попавшие в область холодной температуры, стоят достаточно высоко в оценке населением жизненных интересов, в то время как Индия, находящаяся в том же температурном режиме, в списке жизненных интересов находится в самом низу. Турция, впервые упоминаемая в таком исследовании, показывает температуру, аналогичную Индии, Нигерии и Саудовской Аравии.

И снова Иран и Ирак имеют самые низкие температурные оценки, даже ниже двух других постоянных противников Америки – Северной Кореи и Кубы¹⁰. Когда респондентам в 2005 г. предложили использовать шкалу-термометр для выражения своего отношения к предложенной стране, используя градуировку от 0 до 100, «температура» России оказалась 53 градуса¹¹. Для сравнения Турция получила 53 градуса, ЕС – 57, Израиль – 60, Италия – 63, Палестина – 42 градуса. С этими цифрами контрастирует показатель благоприятного / не-

⁹ Рябцева Е.Е. Внешнеполитические предпочтения американской общественности (вторая половина XX века). Астрахань, 2001. С. 206.

¹⁰ The Chicago Council on Foreign Relations // www.c CFR.org.

благоприятного отношения к России, когда речь заходит о влиянии на мировой арене. В апреле 2006 г. 53% опрошенных отметили, что «Россия в основном оказывает негативное влияние в мире»¹². В то время как в 2005 г. этот показатель составил 40%, в 2004 г. – 44%.

Другая не менее влиятельная организация по опросам общественного мнения служба Харриса предлагает более дифференцированный выбор (см. табл. 2). Итак, мы видим, что каждой приведенной в списке стране присвоена своя категория, приклеен свой ярлык. И самыми яркими «недругами» и «врагами» США в конце XX века стали Россия и Китай.

Таблица 2

Рейтинг стран по шкале «союзник – враг»

Вопрос: Как вы воспринимаете перечисленные далее страны: как близкого союзника, друга, не друга, врага США? (в %).

	Союзник	Друг	Не друг	Враг	Не знаю
Канада	69	21	4	1	6
Великобритания	66	17	6	2	9
Австралия	45	30	8	1	16
Франция	38	33	16	2	10
Израиль	37	27	14	9	14
Германия	32	33	18	6	12
Мексика	31	35	19	5	9
Япония	23	39	20	8	10
Тайвань	21	32	20	6	21
Филиппины	19	34	24	3	20
Бразилия	15	35	20	2	28
ЮАР	14	34	27	4	21
Аргентина	11	32	20	3	35
Россия	6	30	34	20	9
Китай	6	22	30	33	10

Источник: Polling Report.com. Foreign Affairs and Defense Issues. P. 3.

Чем же угрожают эти «враги», и кто угрожает сильнее самой мощной державе в мире? Набор угроз оказывается стандартным. В таблице 3 представлены наиболее вероятные угрозы, которые в предварительном опросе были на-

¹¹ Survey Organization: Gallup/Cable News Network/USA Today. Dates: March 14-15, 2005.

¹² BBC/GlobeScan/PIPA polls. November. 2006.

званы «наиболее серьезными», и наиболее вероятные страны, от которых исходят эти угрозы.

Таблица 3
Страны, представляющие угрозу США

Ядерная угроза (1)	Военная угроза (2)	Экономическая угроза(3)
1. Китай 81%	1. Китай 39%	1. Япония 27%
2. Россия 75%	2. Россия 20%	2. Китай 26%
3. Пакистан 72%	3. Ирак 9%	3. Россия 4%
4. Индия 54 %	4. Иран 2%	4. Англия 2%
5. Израиль 51	5. Германия 1%	5. Мексика 2%
6. Тайвань 44%	6. Сербия 1%	6. Германия 2%

Источник: The Gallup Poll. March 17 – 19, 2005. Fox News/Opinion Dynamics Poll. April 7 – 8. 2006. Polling Report.com. Foreign Affairs and Defense Issues. P. 2 - 4.

Выражая умеренно позитивное отношение к России при абстрактной формулировке вопроса, большинство американцев, однако, испытывают иные чувства, когда в вопросе речь идет о роли России в мире, о российской экономической системе, форме правления и президенте страны. Одной из причин, по мнению американцев, является «отсутствие демократии» в России. Когда респондентам предложили определить уровень развития демократии по десятибалльной шкале, в 2005 г. Россия получила 3,63 балла¹³, а в 2006 г. – 3,69 балла¹⁴. Для сравнения мы привели «индекс демократии» для ряда стран в таблице.

Таблица 4

«Индекс демократии» для стран мира в представлении американцев

Страна	Индекс
1. Канада	7,06
2. Великобритания	6,83
3. Швеция	6,21
4. Мексика	4,63
5. Индия	3,99
6. Россия	3,63
7. Турция	3,62
8. Египет	3,48
9. Афганистан	2,63
10. Ирак	2,34

¹³ CCFR/PIPA-KN poll. September 2005.

¹⁴ WorldPublicOpinion.org/Knowledge Networks. Dates: April 18-25, 2006.

11.Пакистан	2,29
12.Саудовская Аравия	1,94
13.Китай	1,89

Источник: PIPA/Chicago Council on Foreign Relation. Dates: September 15-21, 2005

В дополнение к данным, приведенным в таблице 4, отметим, что 68% американцев негативно воспринимают систему правления в России и только 26% положительно¹⁵. Причем такая точка зрения по поводу «демократичности» России усиленно обсуждается в американской прессе, что, несомненно, оказывает определенное влияние на аудиторию. Поэтому один из четырех американцев «озабочен, что Россия становится менее демократичной страной и менее ответственной за своих граждан»¹⁶.

«Растущий авторитаризм в России является сильной угрозой для США» – убежден 61% респондентов¹⁷. И, наконец, российская экономика имеет очень низкий рейтинг среди американской общественности – 72% опрошенных высказались о ней негативно, также как и 55% отметили отрицательной восприятие личности российского президента В.Путина¹⁸.

В целом американцы воспринимают Россию как умеренно мощного мирового актера, который, видимо, не усилится в ближайшем будущем, но все-таки опасен для безопасности их страны.

Российские же граждане не воспринимают «новые акценты» российской политики как угрозу безопасности. Более того, они фиксируют определенные позитивные сдвиги и связывают их как раз с более жестким внешнеполитическим курсом России, наметившимся в последние годы.

Действительно, согласно данным исследования ВЦИОМ, сегодня мир в глазах наших соотечественников стал существенно более безопасным, а международная ситуация более спокойной и стабильной, чем в 90-е гг., когда Россия вела значительно более прозападную международную политику, хотя все еще менее безопасным, чем в советские времена, до начала перестройки. На

¹⁵ WorldPublicOpinion.org/Knowledge Networks. Dates: April 18-24, 2006.

¹⁶ WorldPublicOpinion.org/Knowledge Networks. Dates: April 18-24, 2006.

¹⁷ Pew Research Center/Council on Foreign Relations, conducted by Princeton Survey Research Associates International. Dates: February, 2006.

предложение сравнить эти три периода новейшей российской истории с точки зрения международной безопасности, стабильности международной ситуации 47% опрошенных выбрали советские времена, 34% – нынешние и только 5% – 90-е гг., эпоху правления Бориса Ельцина, когда двери России «были широко распахнуты на Запад»¹⁹.

Именно эти обстоятельства объясняют тот факт, что большинство россиян не испытывает особого страха перед ужесточением внешней политики России. И не слишком опасаются возобновления «холодной войны», во времена которой им, по их сегодняшней оценке, жилось совсем неплохо, а ситуация с безопасностью была даже лучше, чем сейчас. 40% опрошенных россиян считают возобновление холодной войны более или менее вероятным. И в то же время почти половиной опрошенных россиян парадоксальным образом фиксируют в целом позитивное развитие отношений между Россией и Западом. По мнению 29% респондентов, эти отношения скорее улучшаются, а по мнению 17% опрошенных, напротив, скорее ухудшаются. Треть опрошенных полагает, что эти отношения в последнее время не меняются ни в негативную, ни в позитивную сторону.

Интересным представляется и то обстоятельство, что большая часть опрошенных скорее готова критиковать действия Владимира Путина на международной сцене как недостаточно жесткие в отношении политики стран Запада, чем за излишнюю жесткость. Так, по мнению 16% россиян, в последнее время внешнеполитический курс России стал излишне прозападным, и только 8% считают, что, напротив, внешнеполитический курс России является излишне жестким в отношении стран Запада. Но больше всего тех (61%), кто оценивает внешнеполитический курс России как сбалансированный в отношении западного мира.

Это означает, что аналитики, которые говорили, что «мюнхенская речь» обращена далеко не столько и даже не в первую очередь к «западным ушам»,

¹⁸ WorldPublicOpinion.org/Knowledge Networks. Dates: April 18-24, 2006.

сколько к нашим российским избирателям, в чем-то правы. Владимир Путин с его исключительно тонким чутьем в отношении общественного запроса в очередной раз «сорвал аплодисменты» российского электората, что отнюдь не является лишним в преддверии нового избирательного цикла. И к следующему президенту, который должен прийти на смену Путину, россияне высказывают пожелания, чтобы при сохранении общего вектора Россия продолжала бы искать «свой путь», еще в меньшей степени ориентируясь на интересы и позицию Запада²⁰.

В последние годы ореол Запада в глазах российского общества сильно померк. Да и Запада как единой политической силы уже не очень-то видно. Сегодня только 29% опрошенных согласны с мнением, что нынешний мир однополярный и ведущую роль в нем играют США в качестве единственной реальной сверхдержавы. Еще 9% добавляют к этой картине мира Китай, полагая, что мир делят с точки зрения своего влияния две сверхдержавы – США и Китай. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой сегодняшний мир не является ни однополюсным, ни двухполюсным, а управляет миром целая группа ведущих стран, включающих в себя как ведущие страны Запада, так и ведущие страны Азии (Китай и Индия). И наконец, 8% россиян вообще не видят в современном мире ни одной страны, способной управлять миром или даже участвовать в его управлении. По их мнению, миром сегодня реально никто не управляет, а международные дела развиваются хаотично, без какой-либо единой стратегии. Эти цифры хорошо отражают резкое падение авторитета США как единственного центра мировой силы, что почти безоговорочно принималось большинством в 90-е гг. После войны в Ираке, острого кризиса в отношениях со «старой Европой», «бунта» некоторых стран Латинской Америки, явной неспособности выстроить партнерские отношения с Россией и Китаем США уже не воспринимаются страной, способной наводить порядок в одиночку.

¹⁹ Электронный ресурс / Режим доступа: www.wciom.ru/arhiv/tematicheskii-arhiv/item/single/4191.html.

По мнению 34% россиян, блок НАТО представляет сегодня серьезную и вполне реальную угрозу национальной безопасности России. Еще 42% придерживаются более осторожной и взвешенной оценки, согласно которой сегодня блок НАТО такой непосредственной угрозы для России не представляет, но расширение его на Восток, в регионы традиционного российского влияния, может негативно сказаться на национальной безопасности страны. Лишь 7% видят в НАТО партнера и союзника России. Еще меньше – 6% опрошенных – полагают, что в интересах России стремиться к вступлению в блок НАТО²¹. Внешняя политика России становится все более жесткой. Это имеет свои издержки, но плюсы от подобного ужесточения в сознании населения с лихвой их перекрывают. Зато «с нами снова стали считаться», и это, по мнению россиян, которые так думают, действительно важно.

Новая холодная война, ситуация глобального соперничества, на наш взгляд, исключена, хотя бы потому, что она и не прекращалась, а только приняла иные, более утонченные формы. Сейчас дела обстоят иначе, но американское общественное мнение не прекращает готовить к действиям, которые предполагает холодная война – гонка вооружений, дальнейшее расширение военного бюджета страны. В американских СМИ идет речь и о поддержке Россией враждебных Америке государств, в том числе Ирана. Высказывается мнение, что Вашингтон переходит к политике «ограниченного сдерживания» России. И от этой политики веет «холодным миром».

²⁰ Бызов Л. Народные империалисты // Время новостей. 13 марта. 2007.

²¹ Электронный ресурс / Режим доступа: www.wciom.ru/index.php/e/D=tx_cvs_showpic2file

Глобальная безопасность в условиях нового международного правопорядка: Соединенные Штаты и эффективность международно-правового регулирования

This article deals with the most sophisticated as well as differently posed and settled actual legal problems of international safety. On the base of scientific analysis of the American legal system's specialties the author determines some possible perspectives of the American influence on the international law's improvement in the context of new threats and challenges to the international security and international legal order.

Характерной чертой современных международных отношений выступает то обстоятельство, что основной движущей силой их неуклонного прогрессивного развития объективно целенаправляется поддержание их в состоянии урегулированности и защищенности нормами международного права. В сегодняшних условиях взаимообусловленности всех мировых процессов и взаимосвязанности государств в рамках региональных и универсальных международных отношений определяющую роль играет всеобъемлющая международная безопасность.

Международно-правовая проблема безопасности в условиях современного международного правопорядка и в свете сегодняшних глобальных угроз требует к себе не только более пристального внимания, но и разработки качественно новых методов, нацеленных на повышение эффективности международно-правового регулирования. Необходимость решения глобальных проблем человечества в эпоху становления нового международного правопорядка требует формирования качественно нового уровня международного правосознания. В этом плане весьма показательным изречением К. Ясперса предопределившего еще в середине прошлого века опасность самоуничтожения человечества в результате ядерной катастрофы¹.

¹ Как утверждал немецкий философ Ясперс, предотвратить опасность самоуничтожения можно только в случае осознания в полном объеме всех возможных последствий применения атомной бомбы. Этнос людей способен отвести угрозу самоуничтожения и сделать ее нереальной только при достижении достаточно высокого уровня своего развития. См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 221. На немецком языке труд К. Ясперса вышел в

Говоря о необходимости философского осмысления феномена международного права, особый интерес вызывает мнение современного российского ученого-международника С.В. Черниченко о выделении философии международного права в качестве специального предмета научного анализа². В обоснование своей точки зрения он пишет, в частности, следующее: «Философию международного права можно было бы определить как систему опирающихся на данные конкретных наук, взглядов (включая гипотезы) о месте и роли международного права в социальном бытии»³.

Другой российский исследователь Р.А. Каламкарян, разделяя в целом мнение С.В. Черниченко о необходимости введения нового понятия «философия международного права», дает свою собственную дефиницию предмета исследования этой качественно новой науки, определяя его как «...систему взглядов о месте, роли и значении международного права в рамках современного мирового порядка»⁴.

Целесообразно обратить внимание на то, что подобного мнения придерживаются и некоторые западные исследователи. К примеру, известный французский юрист, профессор Ж. Моро-Рейбель в курсе, прочитанном в Гаагской академии международного права на тему: «Право межчеловеческого общества и *jus gentium* (*право народов – О.П.*). Исследование о природе возникновения и развития понятий до Гроция», в контексте философского мировоззрения обстоятельно продемонстрировал юридическую сущность *jus inter gentium* (*международного права – О.П.*) как собственно само международное право, регулирующее отношения между суверенными государственными образованиями⁵.

Кризис, переживаемый в настоящее время международным правом, геополитические устремления Соединенных Штатов, лоббирующих свои притяза-

свет в 1949 г. См.: Jaspers K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. Zurich, 1949. На русский язык перевод был осуществлен М.И. Левиной в 1978 г.

² См.: Черниченко С.В. *Очерки по философии международного права*. М., 2002. С. 4–5.

³ См.: Там же. С. 21.

⁴ См.: Каламкарян Р.А. *Философия международного права*. М., 2006. С. 11.

ния на универсальную гегемонию, глубина и неоднозначность современных глобальных проблем требуют разработки новых международно-правовых концепций. Вместе с тем, не стоит забывать о том, что любые кардинальные новеллы теоретического плана и практического применения, затрагивающие межгосударственную систему, не должны идти вразрез с международным правом.

Человечество вступило в новую эпоху своего развития, одной из характерных особенностей которой является глобализация⁶, пронизывающая всю систему международных отношений. Феномен глобализации в том, что, с одной стороны, происходит упрочение единства и взаимозависимости международного сообщества, а с другой, – продуцируются совершенно новые проблемы, от решения которых зависит будущее человеческой цивилизации. В задачи данной статьи, посвященной, прежде всего, оценке роли США в повышении эффективности современного международно-правового регулирования, конечно, не входит подробный анализ проблемы глобализации во всем многообразии ее позитивных и негативных проявлений, однако нельзя не признать ее значимости. В частности, вряд ли можно сомневаться в очевидности того факта, что глобализация сегодня выступает определенным лейтмотивом развития международного права.

На рубеже XX и XXI веков с новой силой и в новом качестве оказалась реанимированной задача обеспечения ядерной безопасности в свете новых угроз⁷. Стратегическая стабильность международных отношений, определявшая

⁵ Moreau-Reibel J. Le Droit de Societe interhumaine et le "jus gentium". Essai sur les origines et le development de notions jusqu'a Grotiuse // RCADI. 1950. Paris, 1951. Vol. II. T. 77. II. P. 485-596.

⁶ См. например: Лукашук И.И. Глобализация и международное сообщество // Право и политика. 2000. №4; Kollner P. Risiko oder Chance? // Internationale Politik. 1998. Nr.5; Mead W.R. Power, Terror, Peace and War: America's Grand Strategy in a World at Risk. N.Y., 2004.

⁷ Надо отметить, что еще в эпоху «первого ядерного века» ядерные государства осознали фактор абсолютной непригодности использования ядерного оружия в военных целях, поскольку его применение ядерными государствами друг против друга нельзя расценить иначе, чем добровольное самоубийство. В этой связи можно сослаться на высказывание бывшего министра обороны США Роберта Макнамары. Еще в 1983 г. он предположил следующее: «Я не думаю, что нам удастся избежать серьезного неприемлемого риска ядерной войны до тех пор, пока мы не признаем и

линию поведения ядерных государств в эпоху «холодной» войны, не может быть обеспечена в настоящее время⁸.

Начинается постепенное воплощение в жизнь доктрины упреждающих ударов. Режим нераспространения ядерного оружия нуждается в укреплении и совершенствовании с целью предотвращения выхода из него и повышения эффективности международного контроля за использованием атомной энергии в мирных целях. В результате окончания «холодной» войны и набирающего обороты процесса глобализации под лозунгом установления однополярности мира во главе с США, на международную политическую арену вышли «новые игроки». По мнению Е. Ананьевой, «глобализация привела к приватизации войны негосударственными акторами»⁹. Появление новых акторов не только позволяет сделать вывод об изменении источников опасности, но и о возрастании угрозы ядерной катастрофы. Отношение Соединенных Штатов к такой угрозе как нельзя лучше характеризует мнение бывшего министра обороны Уильяма Перри, который заявил на проходившем в августе 2004 г. заседании Национальной академии наук следующее: «Я никогда не

не возьмем за основу при разработке всех наших планов, оборонных бюджетов, при развертывании оружия и на переговорах по ограничению вооружений, что ядерное оружие абсолютно непригодно ни для чего, кроме как сдерживание противника от его применения». Осознание катастрофической опасности применения ядерного оружия, а также политические кризисы, одним из серьезнейших которых был Карибский в 1962 г., когда человечество стояло на пороге ядерной войны, практически исключили вероятность преднамеренного применения ядерного оружия.

Стратегическая стабильность, установившаяся в конце «холодной» войны, также снизила возможность развязывания ядерной войны. Суть концепции «стратегической стабильности» состоит в том, что баланс наступательных и оборонительных вооруженных сил ядерных государств является таковым, что это позволяет потерпевшему от ядерной агрессии государству нанести ответный ядерный удар такой же разрушительной силы, что и первичный и тем самым причинить агрессору неприемлемый ядерный ущерб. Несмотря на очевидность отмеченного, не стоит все же абсолютизировать фактор «непригодности ядерного оружия», поскольку и в эпоху «холодной» войны и в настоящее время нельзя исключить риск случайного или непреднамеренного применения ядерного оружия.

⁸ См., например: Макнамара Р.С. Безрассудство политики США и НАТО в области ядерного оружия // *Международная жизнь*. 2005. №3-4. С. 89-117; Кокошин А. Размышления о книге Г. Аллисона «Ядерный терроризм» // *Международная жизнь*. 2004. №7-8. С. 168-169.

⁹ См.: Ананьева Е. «For who we are?» или «For what we do?» Внешнеполитическая полемика в США // *Международная жизнь*. 2005. №2. С. 25.

опасался ядерного взрыва так сильно, как сейчас. Существует вероятность более чем на 50%, что в течение ближайшего десятилетия по целям в США будет нанесен ядерный удар»¹⁰.

Эти и многие другие причины позволяют сделать вывод о необходимости в сегодняшних условиях реформирования сложившейся системы международных ценностей, в целом, и международного права, в частности, качественно новых подходов к проблеме международной ядерной безопасности в теоретическом и практическом плане. Причем, учитывая широкий спектр задач, стоящих перед мировым сообществом в сфере исключения ядерной опасности и максимально возможного снижения ядерных рисков, определяющей, можно даже сказать стержневой, должна быть модернизация правового поля на международном и национальном уровнях. Подобная деятельность немыслима в русле старых правовых концепций, диктовавших правила поведения государств еще до недавнего времени.

Необходимость выработки новых подходов в сфере международно-правового регулирования вопросов безопасности отдельных государств и человеческой цивилизации в целом продуцирует процесс развития и качественного обновления теоретических представлений, существующих в науке международного права. В связи с этим потребуются детальная проработка кардинальных направлений наиболее целесообразных способов практического воплощения в жизнь положений современных объективно-детерминированных и научно-обоснованных концепций¹¹.

¹⁰ См.: Nuclear Terrorism // Times Books. N.Y., 2004. P. 14.

¹¹ К примеру, совершенствование механизма международной ядерной безопасности, как составной части всеобъемлющей международной безопасности, зависит, наряду со многими другими факторами, в том числе от качественности и своевременности практического воплощения концепции *«ядерного нераспространения в контексте всеобъемлющего подхода к международной безопасности»*. Данная концепция позволила бы связать воедино и подвергнуть научному анализу все существующие и потенциально возможные правовые проблемы атомной деятельности сквозь призму универсальной международной безопасности в плане исключения неконтролируемого развития любых ядерных реакций и недопущения причинения ядерного и радиационного ущерба.

Говоря о важности процесса модернизации международного права и целесообразности теоретического обогащения международно-правовой науки в целом, необходимо помнить о том, что для достижения подобных целей потребуются объединить усилия всего международного сообщества государств, и, прежде всего, великих держав. Серьезным препятствием на этом пути является неоднозначность толкования международного права как такового в рамках отдельных национальных правовых систем, а также отсутствие единого мнения относительно природы международно-правовой системы, а также ее соотношения с национальными правовыми системами.

Что касается определения понятия «международное право» и раскрытия сути и содержания этого одновременно социального, правового и исторического явления, то здесь мнения расходятся. Говоря о возможности формулировки единого (общепризнанного) понятия «международное право», отметим, что подобная цель вряд ли достижима. Причин тому достаточно. Выделим некоторые, наиболее важные из них.

Во-первых, международное право, будучи самостоятельной правовой системой, уникальным нормативным комплексом, подпадает все же под общее понятие «право». А в этой связи стоит вспомнить о многочисленных спорах, ведущихся теоретиками права относительно определения понятия «права» как такового.

Во-вторых, как справедливо указал Г.В. Игнатенко, «...международному праву как терминологическому феномену присуща известная условность. Исторически сложившееся в большинстве стран, принятое в официальных документах, в научных изданиях и учебных курсах обозначение “международное право” (“International Law”, “Droit International”, “Derecho International”, “Volkerrecht” и др.) не вполне адекватно его истинному содержанию. В действительности имеется в виду, ... межгосударственное право, поскольку его нор-

мы создаются не народами непосредственно, а государствами как суверенными политическими образованиями посредством взаимосвязанных решений...»¹².

В-третьих, в различных языках существуют свои лингвистические особенности, к примеру, по-разному определяются понятия «нация», «народ», «nation», «state» и др.

В-четвертых, в международно-правовой литературе для обозначения этого самостоятельного нормативного комплекса используются и другие названия¹³.

Российские авторы современных курсов международного права, в целом трактуют понятие «международное право» в общем ключевом смысле, исходя из межгосударственной природы международных отношений. Так, в курсе международного права под редакцией А.А. Ковалева и С.В. Черниченко международное право определено как «...система дозволений, предписаний и запретов, представляющих собой согласованные волеизъявления участников межгосударственных отношений, созданных ими для урегулирования этих отношений и обеспечиваемых принудительной силой государств, осуществляемой также в согласованных пределах индивидуально или коллективно»¹⁴. Более простая, но и менее совершенная дефиниция была сформулирована В.И. Кузнецовым, определившим международное право как «...правовые нормы, создаваемые государствами и регулирующие отношения между ними»¹⁵. И.И. Лукашук в свою очередь предложил более конкретную и емкую дефиницию, определив между-

¹² Игнатенко Г.В. Понятие, особенности, система международного права // Международное право / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. М., 2007. С. 43.

¹³ Например, «внешнее государственное право» в работах Гегеля, Гольцендорфа и Безобразова; «межгосударственное право» в работах Незабитовского, Коркунова, Листа и Еллинека. См. подробнее: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 85; Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право (до XX века) / Под ред. Л.Н. Шестакова. М., 2006. С. 4-5; Коркунов Н.М. Международное право. СПб., 1886; Таубе М.А. Система межгосударственного права. СПб., 1909; Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Пер. с немецкого. СПб., 1912; Liszt F. Von. Das Volkerrecht. Berlin, 1925. В 1910 г. в исследовании М.А. Таубе была выдвинута идея «междувластного права». См.: Вопросы права. 1910. №1.

¹⁴ См.: Международное право / Под ред. А.А. Ковалева и С.В. Черниченко. М., 2006. С. 32.

¹⁵ Кузнецов В.И. Очерк становления и развития международного права. Вклад России: ошибки и достижения // Международное право / Отв. ред. В.И. Кузнецов. М., 2001. С. 11-25.

народное право как «...систему юридических норм, регулирующих межгосударственные отношения в целях обеспечения мира и сотрудничества»¹⁶. По мнению Г.И. Тункина, международное право – это «...система юридических норм, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами этой системы права»¹⁷.

Классик отечественной науки международного права профессор Санкт-Петербургского государственного университета Ф.Ф. Мартенс (1845-1908 гг.) в своих исследованиях сделал основной акцент на описании господствовавших в тот или иной временной период идей, а также на определении формы и содержания отношений между государствами и применимого права. Он считал, что в исторической цепочке развития международных отношений различных эпох происходит «смена одних руководящих идей другими»¹⁸.

По мнению российского исследователя М.А. Таубе, «международное право – есть в конечном анализе, выработанная долговременным обычаем или основанная на специальных международных соглашениях (договорах) реально существующая в области практического международного оборота система известных юридических норм, признаваемых государствами (правительствами и народами) в качестве обязательных правил взаимного ограничения их державных воль, практически необходимая для совместного мирного существования народов и полноты их культурного развития»¹⁹. При этом М.А. Таубе сознательно преуменьшает юридическое значение позитивного международного права, придавая исключительную важность такой его составляющей как «известный минимум правового сознания, необходимый для практического сосуществования и культурного сотрудничества цивилизованных народов»²⁰. В

¹⁶ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 1996. С. 1.

¹⁷ Тункин Г.И. Понятие международного права // Курс международного права в 7 томах. Т. I. Понятие, предмет и система международного права / отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. М., 1989. С. 9.

¹⁸ См.: Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. М., 1996. Т. I. С. 27.

¹⁹ См.: Таубе М.А. Вечный мир или вечная война? (Мысли о Лиге Наций). Берлин, 1922. С. 30.

²⁰ См.: Там же. С. 15, 27-28.

другом своем труде М.А. Таубе обстоятельно доказывает, что основой международного права является «... взаимная культурная связанность или зависимость, ... все суть члены одного великого тела»²¹. Из чего следует вывод о преемственности в его творчестве идей Ф.Ф. Мартенса.

Американская доктрина международного права формировалась под влиянием различных правовых идей и в русле различных правовых традиций и направлений. Наибольшее влияние на становление и генезис современной научной международно-правовой мысли оказали представители реалистической, позитивистской и естественно-правовой школ. Учитывая данные обстоятельства, а также исторические условия формирования и развития Соединенных Штатов, особенности федеративного устройства, важность судебных прецедентов и правовых обычаев в иерархии национальных правовых норм, говорить о единстве и универсальности международно-правовой доктрины США вряд ли представляется возможным.

Несмотря на наличие в правовой системе Соединенных Штатов клаузулы о верховенстве федерального права, согласно которой «все договоры, которые заключены или будут заключены от имени Соединенных Штатов, являются верховным правом страны»²², США являются все же дуалистическим государством, признающим одновременное существование внутригосударственного и международного права как двух несовпадающих областей правового регулирования.

Несмотря на то, что нормы международного права вместе с Конституцией и федеральными законами признаются «верховным правом страны», они не только не обладают приоритетом, но и, согласно практике Верховного суда США, должны подчиняться требованиям Конституции США²³. Так, в резолюционной части дела «Reid vs. Covert» об убийстве сержанта ВВС США, совершенного его женой на территории американской военной базы в Великобрита-

²¹ См. подробнее: Таубе М.А. Система межгосударственного права. СПб., 1909.

²² См. подробнее: Международные аспекты американского права // У. Бернам. Правовая система Соединенных Штатов. М., 2006. С. 1058-1059.

²³ См.: Сборник правовых норм США в области внешних сношений, параграф 115(3).

нии, Верховный Суд постановил, что «закрепленные в Конституции США принципы надлежащей правовой процедуры и право граждан на суд присяжных имеют преимущественную силу по отношению к положениям международного договора»²⁴.

Что касается решения проблемы соотношения норм федеральных законов и международных договоров, то ратифицированные договоры, обладающие самостоятельной исполнительной силой, находятся на одном уровне с федеральными статутами. Иными словами: «применяются более поздние по дате принятия нормы права»²⁵.

Таким образом, американская доктрина, если и не отрицает полностью юридическую нормативность общего международного права²⁶, то во всяком случае, не придает ей должного правового значения.

Учитывая особенности американских подходов к пониманию природы международного права, можно прийти к выводу о том, что степень участия Соединенных Штатов в процессе повышения эффективности международно-правового регулирования зависит в первую очередь от их «политической заинтересованности» в необходимости проведения подобной деятельности на благо собственного государства и в соответствии с Конституцией США. Что касается юридической стороны вопроса, то Соединенные Штаты не считают себя связанными международно-правовыми обязательствами, в том числе и нормами *Jus cogens*. Расширительное толкование права на самооборону, легитимная возможность применения превентивной и преемптивной силы, неоправданное злоупотребление статусом «великой державы», нарушение основных принципов международного права, воплощенных в Уставе ООН, свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты не только недостаточно участвуют в процессе совер-

²⁴ См. подробнее: 354 U.S. 1, 19 p. 38 (1957).

²⁵ См.: Сборник правовых норм США в области внешних сношений, 115(1) (a) и (2).

²⁶ Возникшая в конце XIX века концепция, отрицавшая юридический характер норм международного права, наиболее полно была воплощена в трудах профессора Йельского университета М. Макдугала. См.: McDougal M. *International Law: Power and Policy* // *Rec. cours.* 1953. Vol. 82; McDougal M., Feliciano F. *Law and Minimum World Public Order*. Yale, 1961; McDou-

шенствования международного правоприменительного процесса, но и сами часто выступают в качестве субъектов международно-противоправных деяний.

Сведения об авторах:

Алентьева Татьяна Викторовна - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории. Курский государственный университет (г. Курск);

Белевцева Светлана Николаевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории. Курский государственный университет (г. Курск);

Данилина Татьяна Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы. Курский государственный университет (г. Курск);

Казакова Ольга Юрьевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории. Орловский государственный университет (г. Орел);

Короткова Светлана Александровна - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории. Факультет прикладной политологии. Госуниверситет - Высшая Школа Экономики (ГУВШЭ, г. Москва);

Корякова Ирина Константиновна - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса. Мордовский государственный университет (г. Саранск);

Лучинский Юрий Викторович - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории журналистики и коммуникативистики. Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Окунь Александр Борисович - кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории. Самарский государственный университет (г. Самара);

Парамузова Ольга Геннадьевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры северо-американских исследований. Факультет международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Романов Владимир Викторович - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений и политологии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов);

Рябцева Елена Евгеньевна - доктор политологических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права. Институт экономики и права, Астраханский государственный университет. (г. Астрахань);

Сафонов Владимир Николаевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного права. Региональный социальный институт (РОСИ) (г. Курск);

Стайтс Ричард - профессор истории Джорджтаунского университета
(г.Вашингтон, США)

Филимонова Мария Александровна - кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории, истории и методики социальной работы;

Чикалова Ирина Ромуальдовна - доктор исторических наук, профессор кафедры
новой и новейшей истории Белорусский государственный педагогический
университет.

American Studies: Actual Approaches and Modern Explorations.

Issue I

Summary

The first issue of the collection of articles is devoted to actual problems and new methods in the history of the USA in modern Russian American studies. The specialists from Moscow, St.-Peterburg, Kursk, Orel, Krasnodar, Samara, Tambov, Saransk, Astrahan and also from Belarus (Minsk) and USA (Washington) created it. It became international as a matter in fact. The mutual cooperation of different specialists in the American Studies: historians, philologists, politologists, lawyers will be a special feature of this collection. It has different articles on actual questions. There are articles in inner- and inter-policy of the USA in XVIII-XX centuries. It has works in the history of American journalism, literature and law. The authors used new methods of studying: narrative, discourse, gender, interdisciplinary, comparative analysis and computer investigation of statistics.

The collection of articles will be interesting and useful to researches, lectures and teachers, post-graduates and students, and also who learn problems of the USA.

**Американистика: актуальные подходы
и современные исследования**

Межвузовский сборник научных статей

Выпуск 1

Редактор Н.Д. Собина
Технический редактор Н.С. Рогачева
Художник А.М. Филимонов

Лицензия ИД № 06248 от 12.11.2001 г.

Подписано в печать 28.12.2007 г. Формат 60^x 84/16.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 10,7.

Тираж 100 экз. Заказ 1815

Изд-во Курского госуниверситета
305040, г. Курск, ул. Радищева, 33.
E-mail: nauka@pochtamt.ru